

ВитаМиная
JOANNE MOOR

18+

**ЯДДУШКА
ДЛЯ ЗЛОДЕЯ**

или

НЕЛЬЗЯ (ВЛЮ)УБИТЬ КОЩЕЯ

Витамин Мятная
Джоан Мур
Яддушка Для Злодея, или
Нельзя (Влю)Убить Кощея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67333176

SelfPub; 2022

Аннотация

Кто бы мог подумать, что невинное приглашение родственницы в деревню обернётся для меня клеймом бабы Яги – костяной ноги, борьбой со злом и ЗАМУЖЕСТВОМ! Да не с кем-либо, а с самим Кощеём!

Вот такая Яга современной закваски досталась Кощею в жены. Молодая, не опытная, да ещё с головой, набитой блокбастерами и фильмами ужасов. Но если не мы – бабы Яги, то кто же границу между сказочной изнанкой и реальностью защитит?

Витамин Мятная, Джоан Мур Яддушка Для Злодея, или Нельзя (Влю)Убить Кощея

* * *

Я лежала на кровати, затаив дыхание.

Да не просто на постели, а на самом настоящем брачном ложе. Можно было бы выразиться более точно: на алтаре, на закланье, на самом что ни на есть смертном одре.

Передёргиваю, скажете вы? А что ещё мне ждать в первую брачную ночь с Кощеем? Здесь только один расклад или я его или он меня, одно из двух, третьего не дано.

В костяных чертогах бессмертного тихо, только черепа и разнообразные суповые наборы посверкивают в темноте. Тот ещё антураж.

Так, надо собраться. Назвалась груздём – полезай в корзину! Что положено делать невесте в первую ночь? Правильно: бояться!

Но для меня, Лады Калининой, это как-то слишком. В жизни никогда не боялась и на пороге смерти тоже не соби-

раюсь.

Так как же вести себя в первую брачную ночь? Где-то я читала об этом... «Лечь прямо, и ждать мужа».

Немного поёрзав, я выпрямилась, словно доска или покойник. Что ещё? «Ничего не бояться и задрать подол рубахи до груди».

До груди, это как-то слишком, обломится костлявый, поэтому я приподняла сарафан только до бёдер, и этого со сказочного злодея хватит.

Осмотрела результат. За подвязку чулок был заткнут осиновый кол. Воровато достала оружие и перепрятала в складки ткани.

Кол – это, конечно, против вампиров, но чем черт не шутит, попробую. У меня тут под одеждой для главного злодея далеко не один сюрприз припрятан.

Провожая под венец, звери смертоубийственное приданное мне всем лесом собирали.

Белки притащили шишек, галлюциногенных грибов и ядовитых ягод. Волки в лесных чащах добыли силки, капканы и колы. Медведи расщедрились на дубины и прочее сильно калечащее-травмирующее оружие. Ну, и я ещё от себя добавила маленько, что в голову пришло.

В общем, заходи муженёк в светёлку – твоя жена тебя ждёт во всеоружии. Натурально вся в оружии, увешена как елка шишками.

Вот такая Яга современной закваски досталась Кощею в

жены и в главные супротивники. Молодая, не опытная, да ещё с головой, набитой блокбастерами и фильмами ужасов. Но если не мы – бабы Яги, то кто же? Кто границу между сказочной изнанкой и реальностью защитит? Вот-вот. Все мы и только мы.

Вздыхнув, я вновь сложила руки на груди по-покойнически.

Услышав скрип двери, плотно зажмурила глаза и крепче схватилась за кол. Кто-то из лесных зверюшек, по-моему лиса, мне говорил, если убить бессмертного не получится, то, надо хвататься за выступающие части мужа, и крепко держать. Но за что хватать не уточнили. За нос что ли?

Рассудив здраво, я решила, что хвататься за кол как-то вернее.

Ещё раз вздохнула, и приготовилась убить мужа в первую брачную ночь.

Кто бы мог подумать, что невинное приглашение бабушки в деревню обернётся для меня дальней дорогой, огромной ответственностью, клеймом бабы Яги – костяной ноги, борьбой со злом и замужеством! Да не с кем-либо, а с самим Кощеем!

Шаги бессмертного приближались. Я зажмурилась сильнее. Острое, худое колено злодея надавило на край кровати, я почувствовала на лице горячее дыхание. Рука в складках ткани крепче сжала осиновый кол.

А начиналось все так легко и прекрасно, я приехала к бабушке в деревню.

Воронежский РЖД-1 встретил меня толпой цыган.

Я и чумадан катили к главному входу вокзала, а навстречу мне шумной толпой двигался табор. Не знала, что такое ещё бывает в двадцать первом веке.

– Е-ге-гей! Хозяин приехал! – Ромалэ с песнями и плясками встречали какую-то важную шишку в чёрном костюме. Нового русского не иначе. Кто ещё будет к своему приезду заказывать цыган и праздновать прибытие с таким варварством?

– Ай-ла-лай! Дай-ла-лай! – надрывался хор.

Из-за кудрявых цыганских голов я мельком смогла разглядеть острые скулы, хищный нос и слегка раскосые, бесовские глаза богача, с такой пышностью приехавшего в нашу большую деревню под названием Воронеж.

Вперёд вышла цыганка с таким сильным голосищем, что ей в пору в опере Кармен петь.

– К нам приехал, наш хороший, Костантин Костантинovich! До-о-орогой!

Прибывший, весь в чёрном, с тростью в руках и белым шарфиком на шее, замер на ступеньке вокзала.

Цыганка вся в золотых монетах с подносом и огромным почтением приближалась к важному господину. Лощёный сноб с довольным и важным видом взял поднесённый кубок

с зелёной дрянью.

«Какое-то заморское пойло типа абсента, баснословно дорогое не иначе», – отметила про себя я.

Цыган с гитарой ударил по струнам и...

– Пей, до дна! Пей, до дна! ПЕЙ, ДО ДНА! – заголосили ромалэ.

Запрокинув голову, незнакомец, в три огромных глотка вылакал зелье и с размаху жажнул стекляшкой оземь. Осколки осыпали недовольных прохожих и мои ноги.

«Выпендрожник!» – подумала я, огибая шумную толпу и затаскивая дорожного монстра на гранитный порожек.

Богатей утёр губы и швырнул горсть золотых монет на поднос цыганке.

От звука выстрела вздрогнули все вокруг. Это вылетела пробка из бутылки с шампанским.

– Выпьем же за Костю, Костю дорогого! Мир ещё не видел сильного такого! – во все сорок с лишним глоток горланил цыганский хор, сотрясая высокие своды здания вокзала и действительно выпивая за своего благодетеля.

Золотой мальчик благосклонно наблюдал из-под полуприкрытых век за праздничной вакханалией.

– Дай-дарай-дара-да! – цыганки пустились в пляс.

Довольная чёрная фигура, легко отбив чечётку по ступенькам вокзала прошла мимо, задев меня плечом и даже не извившись.

«Ещё и невоспитанный хам!» – Морщась, я отошла в сто-

рону, пропуская шумную ватагу.

Вокруг толкались цыгане. И откуда они здесь только взялись, да ещё в таком количестве?! Не иначе их заранее нанял этот богатый самодур, потешить своё самолюбие.

Ромалэ сошли с гранитных ступенек и двинулись вглубь города на заработки.

Тёмный незнакомец скрылся в толпе.

Бесплатный цирк кончился.

Сморщенная, как печёное яблоко цыганка, не успев отойти от дверей вокзала тут же начала свою работу.

– Ай, красавица, позолоти ручку! – цветное в блёстках платье с пышными рукавами, тяжёлые золотые серьги и столь же сверкающие зубы контрастировали со старческой пергаментной кожей. – Всю правду скажу, ничего не утаю! – Меня уже обступала свора цыганок разных возрастов, а с ними десяток мелких цыганят.

– А давайте я вам просто сто рублей дам и вы от меня отстанете? – решила я откупиться от назойливой бабки и табуна детей.

– Деньги-то я у тебя по любому возьму, – начала златозубая хамка. – Только нельзя просто так взять, не отдав взамен. Поэтому, я предупрежу тебя и совет дам. И старуха без спроса схватила мою руку. Перевернула ладонь, носом уткнулась в неё, чуть ли не обнюхивая, и понеслась!

Я решила стойко вытерпеть весь этот фарс, ни секунды не сомневаясь, что мне на уши лапшу вешают.

– Ждёт тебя дорога длинная. Трудная. – Вкрадчиво начала гадалка, посверкивая на меня чёрными глазами.

«Ещё бы, в местной-то электричке целый час мариноваться!» – прокомментировала я про себя предсказание.

– Выбор тяжёлый, да битва смертная. Ответственность на тебя ляжет огромная. Весь мир на плечах держать будешь. Не сдюжишь – рухнет! Ну, ещё я замужество тут вижу... – пожевав губами, недовольно проговорила цыганка.

– Ну и как же мне всех этих проблем избежать? – нехотя принимая правила игры спросила я. Может быстрее отвяжется?

– А вот как: наследство не принимай, подари лучше кому-нибудь...

– Ага, как же, кто же от денег откажется, уж не цыганам ли мне его, это наследство отдать?

– Не цыганам, – обрубил старуха. – Не примут, мороки много и ответственность большая. Чужие проблемы нам не нужны! Слушай дальше. Коли дом достанется – сожги! Лес рядом будет – не ходи! Под землю не спускайся! Очагу огня не давай!

– Ага ясненько, – вклинилась я в перечисление моих будущих проблем. – В туалет не ходи – пронесёт, на унитаз не садись – засосёт. Ну, а с мужем, что делать, утопить? В туалете? Как Путин советовал всех мочить без разбору? – уточнила я.

Старуха поджала губы. Знай наших! Оговариваться, да ха-

мить, и мы можем.

– С таким-то характером! – сокрушенно покачала головой гадалка, – тут уж тебе никак не увернуться. Быть тебе, ну очень скоро замужем! – добавила она. А я закатила глаза к потолку, выражая этим своё отношение к такому предсказанию.

– Не ладный у тебя характер Лада! Сделаешь как говорю – никаких проблем не будет! А я уж за тебя помолюсь богам дороги, что б все гладко прошло, чтобы с пути не сбилась, и не заплутала. Это пятьсот рублей стоит! – продолжала цыганка.

«Заплутаешь тут, рельсы прямо идут!»

В сердцах плюнув, я сунула пригоршню купюр вымогательнице – пусть подавится! И побежала вприпрыжку прочь, потому что уже объявили мою электричку.

– Да, смотри, со зверьми не разговаривай! Худо будет! – вопила мне в след старуха, размахивая седыми косами, а я, уже поджав губы, бежала за поездом, на ходу забрасывая дорожного монстра в тамбур.

На порожке вагона я обернулась. В голове на секунду мелькнула мысль, подкрепленная испугом: «Как она узнала мое имя?» Но тут же страх развеялся, раздедуктированный скептицизмом и цинизмом современной молодежи. Не иначе наклейку на чемодане прочитала. Каждая цыганка рассказывает всем без разбору одно и то же: дальняя дорога, муж и детей вагон и маленькая тачка в придачу. Это то чем мечта-

ют все нормальные люди.

«Замужество? Да кому оно нужно? Бабка рехнулась что ли?! Я вообще после развода родителей решила никогда замуж не выходить».

Поезд стал набирать скорость унося меня прочь, а старуха, посмеиваясь стояла на перроне, пряча мою деньгу в складках пёстрой юбки.

* * *

Час в пригородном поезде на жёстких деревянных лавочках пролетел незаметно и вот я уже в деревне. Станция Углянец, вероятно от слова «угол». Дыра та ещё, сорок километров от Воронежа.

Соседка мне, как всегда, обрадовалась.

– Кто ж, это у нас такой? Неужели Ладдушка-оладушка?!

– Здравствуй, баб Валь! – кивнула я ей и покатила мимо.

– Здорово, коли не шутишь! Передавай привет Егоровне. Давно её не видела. – Отозвалась мне в след скучающая деревенская баба.

Я кивнула и пошла дальше. Дом моей бабушки находился на отшибе, можно сказать вовсе не в деревне, а на окраине.

Вот и одна единственная улица поселка кончилась, дальше пошли поля, а там и пригорок с небольшим лесочком, за которым спрятался участок моей родственницы.

Дом моей бабки достался ей ещё от пра-пра-прабабки, с

тех самых времён, когда жилища строились из толстых брёвен диаметром в тридцать сантиметров.

Это не означало, что наш деревенский домик был похож на сарай, просто в его архитектуре причудливо сочетались старинные резные наличники и современные пластиковые оконные рамы.

Сам дом стоял на четырёх пеньках шире метра в диаметре. По тысячам годовых колец было видно: древнее спиленных деревьев только окаменелые какашки мамонта.

Из этих четырёх великанов в незапамятные времена и была построена без единого гвоздя бабушкина избушка, да так и стояла до сих пор. Только обновлялась, частично.

Небольшое крыльцо с резными перилами лежало на двух каменных ступенях, ведущих к вполне современной двери, обитой уже начинающим облезать дерьмонтином.

Из-под дома торчали снопы сена или соломы, я в этом не сильно разбиралась.

Несмотря на чудаковатый вид, бабушкин дом был тёплым, уютным и гостеприимным. С огромной белой печкой у дальней стены, широким хлебосольным столом у окна, да телевизором на лавке.

С боку к дому прижался шаткий и валкий сарай, где уютно мекала коза, а вокруг по траве ходили куры, да, петух рыл землю лапой.

Идиллия, а не деревня.

Кинув чемодан во дворе, это тебе не город – никто не

украдёт, я вошла в дом.

Никого. Тишина и пустота. На столе что-то белеет.

В записке было всего пара слов:

«Я ушла. В подвал никого не пускай! Книга на полке, хозяйство на тебе. Бабушка».

«Ага, – сообразила я, – наверно в лес за грибами или ягодами пошла. Ну, что ж подождём, когда вернётся».

Я не в первый раз оставалась в домике бабушки одна и знала каждую ложку и тазик в её хозяйстве.

Когда родители в очередной раз ругались и расходились, я подолгу гостила здесь. А когда отец от нас ушёл с криком, адресованным моей маме: «Ты ведьма! И мать твоя ведьма! И дочь твоя ведьма! Вы меня больше не обманите!» и хлопком двери. (Скатертью ему дорожка!) Именно у бабушки я жила долгих два года пока тянулась судебное разбирательство, делёж квартиры и наконец развод.

Выскочив из дома, я подхватила чумодан. От слова «чумной», так сильно от этого допотопного монстра шарахались люди в электричке. Тяжёлая тварь на колёсиках как будто жила своей жизнью, норовила наехать на ногу пассажирам или пребольно поддеть их под колени. Это чудовище подарила мне, конечно же бабушка, чтобы я не мучилась со спортивными и дорожными сумками.

В чумодан влезало все, сколько не пихай. Внешне монстр выглядел очень даже ничего, натуральная кожа и стилизация под старину. Медные, покрытые благородной патиной угол-

ки, неубиваемая чугунная ручка и такие же колеса. Страсть была не подъёмна и остервенело грохотала по любой поверхности, зато, как я уже сказала, влезало в неё ВСЕ.

Дорожное чудовище было затащено в дом и брошено возле печки, а я, подхватив ведро, радостно побежала к колодцу за водой. Через полчаса куры и коза были напоены и накормлены.

Я же, до половины засунувшись в печку, кашляя и чихая, пыталась её разжечь. Бабушка не признавала современных плит и все делала по старинке в настоящей русской печи.

Час труда и все тщетно.

Печь словно умерла, сколько бы я ни старалась, она так и осталась холодна. Что бы я ни зажигала, спичку или старую газету, стоило занести горящее в печь, оно сразу же тухло. Видно, какие-нибудь заслонки не открыты и нет тяги.

Плюнув, я взяла котелок и наполнив его водой, из все того же колодца, поставила во дворе на разведённый за пять минут костёр. Бросила туда сушёных травок, грибов, высыпала полпачки гречневой каши, вскрыла банку тушёнки. Гречневая каша с мясом на открытом огне! М-м-м...

Бабушка вечером придёт, а уже все готово.

Но вечером бабушка так и не вернулась. Не вернулась она и ночью, и я, слегка беспокоясь, легла спать.

Снилась полная мутотень. Как будто в дверь кто-то стучится, только это не входная дверь, а та, что в погреб. Барабанит нагло так, кулаком, и с матершиной орет: «Пропусти

немедленно, кикимора старая!» А по голосу – молодой мужчина.

Нет в моей жизни места мужикам, даже во сне пусть не смеют меня тревожить! Все они бабники и обманщики, как и мой отец.

– Пошёл прочь! – недовольно выкрикнула я. Голос из-под земли как отрезало. Я перевернулась на другой бок, засыпая.

* * *

Ночью я проснулась от громогласного и далёкого:

– Ко-о-о-ко-КО-КО!

Резкий толчок выбросил меня с печных полатей на струганный деревянный пол.

– Землетрясение? – испугалась я и кинулась к двери. Первая мысль спросонья, пришедшая в городскую голову. Вторая уже более осмысленная: – Куры! Под домом! А коза?

Я ринулась к выходу, но меня швырнуло назад на лавку. Я повисла на ней спиной, словно нокаутированный боксёр на канатах. С рычаньем я вскочила и все же добежала до выхода, схватилась за дверь и рывком её распахнула. И замерла на пороге.

Казалось, земля и небо поменялись местами. Все сверкало и грохотало. Тело бил резкий пронизывающий ветер, в лицо хлестали струи дождя.

Доски пола ходили волнами под ногами. И одна такая

«волна», сначала уронив меня, а потом, подхватив со звуком «тьфу!» выбросила из дома.

Падая я приложилась лбом к чему-то каменному.

* * *

Очнулась я уже на мокрой траве. Обернувшись, увидела растущий вверх дом. Бревенчатое строение поднималось на толстых как колонны столбах.

Первая пришедшая в голову мысль: старые дубы пошли в рост. Вот так вот сотню лет прибывали себе в состоянии трухлявых пеньков, а тут взяли и проросли. Радиация, не иначе.

Как кот, подавившийся рыбой, дом начал сотрясаться в конвульсиях и кашлять.

– Кхе! Кхе!

С двухэтажной высоты на землю упал и приказал долго жить телевизор. Я, осыпанная осколками, сочла за благо на четвереньках отступить в кусты.

Дом выплёвывал из себя все новые и новые вещи. Все, что моя бабушка нажила непосильным трудом фонтанировало из дверного проёма.

В завершение всего бревенчатое строение выдавило из себя пластиковые окна, отряхнувшись будто пёс, сбросило с себя дверь и вразвалочку поковыляло прочь, смешно поднимая куриные лапы.

Я сидела в кустах, поливаемая дождём, несчастная, разбитая и испуганная непонятным происшествием.

Не выдержав я откинулась назад, желая прилечь и отдохнуть. И уже затылком приложилась о камушек и дальше спокойно почивала в траве до утра.

* * *

Очнулась я на рассвете от крика петуха.

Так истошно кричать, будто его заживо варят в супе, может только бабкин петух. Я эти дикие вопли где угодно узнаю.

Надо отметить, что у меня с этим перьевым мешком давняя вражда.

С самого детства, сколько себя помню у этого гада была одна отвратительная привычка. Любым доступным способом, рано утром на рассвете, часиков этак в четыре, тогда, когда только встаёт солнце, прокрасться в избу, тихонечко подойти к печке, неслышно вспорхнуть на полати...

И заорать дурным голосом мне прямо в самое ухо!

Чтобы мы с бабушкой ни делали, как бы ни закрывали дверь, ни затыкали щели, он всегда находил лазейку. Пробирался через форточку или влезал в дымовую трубу, а однажды выполз из-под пола.

Сейчас же с этим петухом что-то было не так, он кричал так, словно убивают и это его последняя лебединая, вернее

куриная песня. В конечном итоге кочет квакнул, вякнул и замолк навсегда. Я счастливо улыбнулась и снова уснула.

Проснулась от щемящего чувства неправильности. Что было не так я сказать не могла, но неуютные ощущения не отпускали. На негнущихся ногах вылезла из кустов и обзрела разорённую поляну.

Тело ломило, а голова раскалывалась, но это были пустяки по сравнению с моим незнанием: что делать дальше и что сказать бабушке.

Вот как бы вы сказали своей родственнице о том, что не уследили за её домом и он, отрастив ноги удрал прочь? Вот и я была не в курсе, как объяснить маминой маме, да и самой себе произошедшее ночью.

Я потерянно побрела к месту бывшего пребывания, а сейчас убывания дома и застала там одну покосившуюся зава-linkу, да кучу соломы в центре. Дом и доисторические пеньки исчезли, как и не было.

В куче соломы что-то шевелилось.

Бабушкина коза! Я схватила за верёвку и дёрнула непокорное животное на себя.

Из соломы вылетело нечто.

Страшилище ломанулось ко мне, я от него. ОНО, снова за мной!

С визгом я запрыгнула на каменный порожек.

Это имело коротенькие цыплячьи ножки числом: четыре штуки и выглядело как-то желторото. Вы когда-нибудь ви-

дели птицу с четырьмя лапами? Вот и я нет.

Оно бегало вокруг камня не в силах забраться на ступеньку.

То лохматое, что я приняла за птицу, оказалось маленькой избушкой на курьих ножках.

Сверху миниатюрное бревенчатое строение покрывала соломенная крыша. Крыльцо топорщилось обломанными перилами будто кабаньи клыки. А сзади у новорожденного домика торчал небольшой веничек на манер хвостика.

Я, поёживаясь сидела на каменных порожках. Руки дрожали. Я достала сигарету и попыталась закурить. Бревенчатый ужас о четырёх лапках бросился к огню выбил коньком крыши у меня из рук сигарету. С этого момента я зареклась курить. Дурная это привычка.

Домик слизнул деревянным языком огонёк и проглотил его. Тут же из крохотной трубы пошёл дымок.

Избух лазил по кустам и загребал в дверной проем все доступные виды топлива. На моих глазах он побежал по двору за мышью, не догнав на полном ходу врезался в колодец, покосив тому крышу.

Мне померещилось или домик стал больше?

Перила и нависавшее крылечко как челюсти инопланетного монстра загребали в себя снопы соломы. Из трубы уже валил чёрный столб дыма, домик брызгал искрами, но не переставал жрать. В ход шло все: щепки, сгнившие поленья, сухие листья прелая солома. Страсть о четырёх углах нашла

компостную кучу и зачавкала.

Я сидела, скукожившись, обняв себя руками и скрестив от холода ноги в тапочках на босу пятку. Нервно грызла ноготь и косилась в угол двора. Там, огороженная кусками шифера лежала старая куча угля, припасённая бабушкой для особо холодных зимних месяцев. Я молилась, чтобы чудище не нашло топливо.

Монстромом низко опуская крыльцо ушагал куда-то в кусты.

Я облегчённо выдохнула. И только собралась спустить ногу на землю, как из листвы выскочил избух и кинулся ко мне. Становилось понятно: он от меня не отстанет, НИКОГДА!

Так мы просидели еще какое-то время. Я сидела, дом жрал.

Новорожденный жилищный кошмар срыгнул столбом пламени, наконец-то насытившись.

Я лишь слегка вздрогнула. А после домик улёгся у моих ног и задымил.

Рука потянулась к печному ухвату, валяющемуся у каменного порожка. Так и просидела с ним в обнимку до самого полудня, пока солнце не стало припекать маковку.

А когда стало совсем неважно, я тихо слезла с камня и бочком-бочком укувыляла с поляны, стремглав побежала по лесной тропинке вниз с холма в деревню. Возможно, от пережитого ужаса я не там свернула и выбежала не с той стороны леса. Потому что внизу у реки никакой деревни не было!

То есть река была, та самая, с резким изгибом и песчаным островком в центре излучины. Но куда делись все домики, коттеджи, гаражи-заборы и зелёные лужайки? Огороды, яблоневые и вишнёвые деревья?

ГДЕ ВООБЩЕ ВСЕ?

В кустах за спиной зашуршало и на траву выскочил прожорливый знакомый. Куролапы в разные стороны, дверь приоткрыта оттуда свисает полосатый половичок, из трубы валит дым.

В ярком свете я рассмотрела то, что чавкало в ночи и краслось за мной следом, именно эти звуки я слышала, когда убегал бабушкин дом. А потом эта же тварь терроризировала, меня на поляне.

Я встала в боевую стойку.

– Чу! Чу! – Пугнула я рогатиной маленькую, но ненастырную копию бабушкиного домика. Избушонок не понимающе попятился. Вроде бы он был разумным. – Э-э-э... Избушка, избушка повернись к лесу передом, ко мне задом. – Выдала я, все, на что был годен мой не выпавшейся мозг.

Домик повернулся и наклонился, задрал хвостик к небу.

– Отвернись бесстыдник! – рявкнула я. Избушка крутанулась на месте короткие ножки запнулись одна за другую и домик повалился в траву.

– Та-ак... – теперь уже я, развернувшись к лесу передом, бежала обратно на бабушкину поляну.

По песчаной дорожке, время от времени ухватом отгал-

кивая от себя радостно скачущий следом домик. Избушонок путался под ногами и не отставал. Мне показалось или он немного подрос?

Я выскочила из кустов. Передо мной вся та же картина разорения. Только «мёртвая» до этого поляна медленно начала оживать. Я не могла точно сказать в чем было дело, но ощущение неправильности мира начало медленно уходить. Словно всего минуту назад здесь царствовала смерть, а теперь сюда вернулась жизнь.

На доселе безжизненной поляне робко жажужжали пчёлки и застрекотали кузнечики. Подул ветер, неуверенно играя травой и листвой.

Из-за веток и кустов выглядывали ёжики, белочки, мышки и другие лесные животные.

– Чуфырь? – Спросили меня, я повернула голову.

Свесившись с ветки, белка протягивала мне шишку.

– Нет, спасибо. – Вежливо отказалась я. Какая разница с кем говорить с белкой так с белкой, это вроде не белая белочка и ладно с неё.

– А куда дом делся? – в этот момент я твердо решила: найти беглянку и водрузить её на своё законное место любым способом, до того, как вернётся бабушка. Что-то мне подсказывало что в том, что жилище сбежало отчасти виновата была я и сон с наглым незванным гостем. – Кто-нибудь видел куда избушка побежала? – громко спросила я у лесного зверья, особо не надеясь на ответ.

И, о ужас! со всех сторон на поляну стали стекаться дикие звери. Меня окружали. Лисы, олени, зайцы, еноты, ёжики, белочки и прочие лесные твари. На секунду все замерли, а после:

– Туда! – указали звери лапками в семи противоположных направлениях. Я где стояла там и села, прямо на песок дорожки.

Так и хотелось вскочить и с воплем: «Говорящие!» ломануться прочь, сбивая все на своём пути, кусты и деревья. Но я постаралась сдержать себя в руках, только слегка сбледнула с лица.

– Чем тебе помочь? Чем помочь? – защебетали звери.

– Помочь? Помочь? Помочь? – подхватили птицы на ветках.

Я все ещё недвижимо сидела, таращась на зверье моё.

– Вы не так разговариваете с ней! – вклинился в обступившую меня толпу ёжик. – Это современный ребёнок, они сейчас не так разговаривают, у них свой язык, на манер птичьего. Вот я щаз вам покажу как надо с людьми из реальности балакать, – колючий повернулся ко мне:

– Йоу! Чувиха! Как делишки? Тут Кощей-младший захаживал, проблемы искал. Надо встретиться с ним рамсы развести, бате его кровь попортить. Пока он нас не того, не наколол на все иголки.

Мысленно перекрестившись я ответила:

– Во-первых, я – не чувиха, – начала я. – Во-вторых, давно

не ребёнок. В-третьих... Боже мой, ёжик разговаривает! – взвизгнула я и рванулась бежать, да только некуда, со всех сторон меня плотно обступили лесные. Как встала, так и села обратно на песочек.

– Я не только говорить умею ещё танцевать... – и колючий, продемонстрировал мне нечто вроде лунной походки Майкла Джексона, в завершении вильнув бёдрами и крутанувшись вокруг своей оси. Ну что сказать, для круглого мешка с иголками все было выполнено безукоризненно, но не дай боже увидеть это ещё раз. – Ты, чувиха, кстати, не рассиживайся на мокром песке, тебе ещё со злом сражаться. Ну-ка, ребят, подмогните ей! – уперев руки в боки, приказал колючий колобок.

Олени за моей спиной, поддели меня рогами под локотки, вздёрнули вверх и поставили на ноги.

– А без драки не получится? Можно мирным путём? Я думаю, какая бы проблема не была всегда можно поговорить и все образуется, – впервые колючий шар посмотрел на меня скептически.

– Без драки никак, – отозвался с земли ёжик. – Тут уж или они нас, или мы их. Йо-у! Тебя как зовут, чувиха?

– Лада.

– Отличненько, Ладдушка-оладушка, принимай хозяйство от бабки своей, ну, то, что осталось. Принимаешь?

Я огляделась, подняла тарелку с земли, катушку ниток и внезапно осознала это вещи мои, бросить никак нельзя. И

поляна моя, и дом... так и застыла, прижимая тарелку к груди.

– Правильно, – одобрил колючий колобок, – обратиться необходимо, а то здесь словно Кощей прошёлся... – Звери заготовали, даже появившаяся, откуда не возьмись, бабкина коза замекала, а куры заквохтали. И мы принялись за уборку.

Поляну в порядок приводили вместе, вещи собирали всем миром по кустам, оврагам и деревьям. Знатно их разметало. Я ползала на деревянных, не гнущихся ногах, вместе с лесными и очумело складывала, найденное в корзинку.

Постепенно я смогла уговорить себя не пугаться и не дёргаться, когда ко мне подходила та или иная зверушка и бросала в корзинку ложку, салфетку или клубок из бабкиного хозяйства. Я даже говорила им «спасибо». А то, что я с животными разговариваю, так наверно, от этого какие-нибудь таблетки есть. Спрошу в аптеке, когда буду в городе.

* * *

Из листвы торчали подошвы сапог глянцевых, моднявых. И кто додумался носить такую сверкающую чушь? Издалека казалось, что в кустах кто-то лежит. Ещё какое-то местное чудо-юдо?

Я опасливо подкралась к ним поближе. Подняла ногу и резко наступила на лакированный носок.

Сапог «встал».

Внутри никого не было, лишь над голенищем неспешно вился дымок, поднимаясь к сияющему небу.

Я облегчённо выдохнула.

Обернувшись, я увидела животных, переминающихся невдалеке. Что-то было не так.

Ёжик робко приблизился и протянул что-то белое зажатое в зубах, машинально приняв я развернула бумажку. Это оказалась записка, написанная моей бабушкой.

«Я ушла. В подвал никого не пускай! Книга на полке, хозяйство на тебе. Бабушка».

«УШЛА» – фраза внезапно приобрела для меня новое значение, зловещее и холодящее душу. Я сразу вспомнила что родственница так и не объявилось. – Что значит ушла?! Куда ушла?! Когда вернётся? – закричала я, ещё не веря, не понимая до конца. Ёжик опустил глаза, остальные лесные тоже стыдливо посмотрели кто куда. Только одна лисичка, подбежав, положила лапки мне на колени, взглянула прямо в глаза и тихо прошептала:

– Она не вернётся. Ты теперь наша Баба!

– Какая баба? – пытаюсь подавить истерику всплыла я. Мне не верилось, что бабушки нет. Это какая-то ошибка, да и что вообще могут знать эти животные они всего лишь плод моего больного воображения. А я все ещё лежу без сознания возле бабушкиного домика, упала, ударилась головой, у меня сотрясение вот и снится всякое. – Мне рано ещё бабой быть! – понимая, что уже ничего не исправить завывла я.

– Ягой. Бабой Ягой. – уточнил ёжик. – Защитницей лесных животных и стражем границы между навью и явью. А возраст – дело наживное, с этим любой рано или поздно справляется. – успокоил колючий.

Никак на это, не отреагировав я утёрла сопли и продолжила собирать вещи, но крупные капли слез текли сами собой. Лесные звери, переглянувшись, продолжали уборку, но я спиной чувствовала их встревоженные взгляды. Чтобы остаться наедине со своими мыслями я подобралась поближе к месту, где стоял бабушкин дом и под предлогом сбора упавших туда вещей спустилась в подвал.

Несколько ступеней и я скрылась под землёй, подальше от пристальных взглядов.

Погреб представлял собой длинную забетонированную кишку с полками по обеим сторонам и почему-то с двумя входами в каждом конце подземного хранилища.

Взгляд упал на бесконечные ряды тёмных баночек. В фокус попала аккуратно наклеенная этикетка, резко выделяющаяся на чёрном фоне и надпись: «Для Ладдушки. Клубничное».

Три слова, но сколько в них смысла. Никогда и никто больше ничего не сделает для Ладдушки. Кончились те люди, которые могли и хотели что-то для неё сделать, отныне она сама по себе. Отец давно бросил нас, у мамы новый муж, вот теперь и бабушка ушла, оставив меня здесь одну.

Надпись на этикетке расплылась, а за ней и приклеенная

к стеклянной банке бумажка, дальше поплыли ряды стратегических запасов, а с ними полки, подвал и весь оставшейся мир и только после этого я поняла, что вновь плачу.

Тихо и безутешно, потому что утешать здесь бесполезно. Это тебе не разбитая чашка, а жизнь, если все разрушено в дребезги – уже не склеишь.

Только в подвале меня накрыло осознание: бабушка действительно мертва! Как – не известно, но это правда.

Я осталась одна! Теперь то я точно одна! Не к кому приехать в гости, не с кем выпить чаю с вареньем, некому рассказать о своих проблемах и печалях. Это было похоже на угнездившийся в груди кусок льда, тяжёлый и холодный.

Сколько просидела в подвале – не помню. Вдоволь нарыдаввшись, встала, смахивая с ресниц слезы.

Я наощупь кралась наверх, со слезами на глазах прижимая к груди баночку клубничного варенья. Вон из подвала на свежий воздух, чтобы не видеть эти ряды аккуратно завязанных и любовно подписанных баночек.

Мне как-то не верилось, что бабушки больше нет и я её никогда не увижу. Вновь пришло чувство что она где-то рядом и тут же пропало.

Я вылезла из погреба, вокруг никого не было. Исчезли зверушки. Кажется, перепутала выходы, вещи были разбросаны с другой стороны дома.

Вновь спустившись в погреб, я поднялась по противоположной лестнице, высунула голову из подвальной дыры.

Вокруг все то же, да не все.

Исчез разбитый телевизор и поломанные вещи. Колодец стоял, как и прежде, целёхонек и белел чистыми струганными досками.

Но здесь, как и там, не было бабушкиного домика, только каменное крыльцо торчало из земли. Воздух своей чистотой и ароматом кружил голову.

Над головой синело необъятное небо, берёзки и ели качали ветвями, а в траве цвели колокольчики и ромашки. Я спустилась обратно, чтобы перейти на ту сторону туннеля.

Поднялась по ступеням. Выглянула.

Вокруг валялись осколки. Разбитый телевизор и поломанные вещи, из домика моей бабушки. С корнем вывороченные из земли берёзки скорбно покоились в траве. Старый колодец облезлый и немного покосившийся потерял свою крышу, она, в виде досок усеивала землю вокруг.

От этой картины я невольно спустилась парой ступенек назад.

За спиной послышался дробный перестук, ну ладно, «перешлеп» босых ног по ступенькам. Я обернулась на звук и впечаталась лицом в чью-то грудь.

Незнакомец. Странный парень с черными как смоль волосами, только одна прядка крашенная сбоку свисает белая, словно снег.

Я, не на шутку испугавшись, закричала:

– А ты кто вообще такой? – Страшно ведь: секунду назад

ты была в подвале одна, и на тебе – неизвестный гость, с добром или злом пришел непонятно.

– Да так, мимо проходил, – небрежно пробормотал тип и попытался обойти меня. – Разрешите, сударыня... – И локтем меня так, отталкивает в сторону. Чисто из вредности характера я пихнула этого наглеца обратно и встала в проходе, загородив дорогу. Расхаживают тут всякие.

– Вот, значит, как? – Черные, слегка раскосые глаза зло сощурились.

– Так! Мне бабушка не велела никого в подвал пускать.

– А вы, барышня, всегда маменек да бабушек слушаетесь?

Тип поковырялся в кармане, выудив оттуда светящийся шарик, направил его лучи на меня. В свете чудного фонарика – наверняка какая-то китайская новинка – мы смогли хорошо рассмотреть друг друга.

Черные как смоль волосы, только маленькая седая прядка сбоку свисает, прямой нос, кожа бледная, что у твоей поганки, вид усталый, осунувшийся, и ко всему этому прилагались слегка раскосые, темные, как омут, злые глаза. А под каждым из этих не добрых глаз, как у панды, по огромному фингалу. Такими «фонарями» и без китайского волшебного шарика светить можно.

Лицо незнакомца приобрело какое-то злое, упорное и целенаправленно нехорошее выражение. Сразу становилось понятно: это недобрый гость.

– Знаеш-ш-шь... – зашипел гаденыш. – Когда я вижу

такую красоту, у меня в душе свербит и в животе такое непреодолимое чувство... желание такое появляется. Гр-р... Неутолимое.

– Это глисты, не иначе. – Хамство – защитная реакция от всякого агрессора. – Я, конечно, не такая хорошая травница, как моя бабушка, но где-то здесь был тертый чеснок, кора дуба, молоко... или лучше еще туда огурца соленого добавить?! – взвизгнула я, проследив за шаловливой рукой чернявого. Поползновения наглых хапалок я пресекла хлестким ударом ладони.

– Ай, какая смелая! А не боишься против бессмертного с чесноком и огурцом наперевес выступать? – Незнакомец навис надо мной. По необутым ногам я узнала владельца лакированных шузов размера этак сорок пятого. Потому что, даже стоя на нижней ступеньке, он находился на одном уровне со мной.

Сразу вспомнились ночные голоса. И наглое требование впустить. Вот кого не пропустили на ту сторону ночью. Где-то внутри затеплилась гордость за бабушку, знатно та его отделала. Ну и я еще чуток добавила, пока спала, неосознанно, конечно, но все же. Значит, и у меня есть сила, как у бабушки. Все в деревне отмечали за ней этакую «волшебность». Лес она знала как свои пять пальцев, даже если первый раз видела эти елки-палки, и травки лечебные ей известны были, и зверье дикое лесное ее не трогало, и полечить, и совет дать... все могла.

– Собственно говоря, какое тебе дело до границы? – продолжал юноша, бледный, побитый и босоногий. – Ты что, в сторожихи нанялась? Тебе хоть платят за это? – Я вспомнила разглагольствования колючего глюка о той стороне, яви и нави и еще плотнее закрыла собой дорогу. Твердо решив, пока не разберусь во всем, никто никуда не пройдет. Тем более и бабушка просила меня в подвал чужих не пускать.

– Ты что, на той стороне живешь? Здесь два мира, я так понимаю... – нерешительно проговорила я, еще до конца не поверив, что простой подвал с клубничным вареньем и паутиной – это проход в другой мир, так похожий на наш. Похожий, да не очень.

– А что, если да? И я домой хочу вернуться, тебе-то какое дело?

Действительно какое? Чего это я здесь развыступалась? Какое мне дело? Ну, пройдет он в подвал, ну выйдет с той стороны в наш мир, ну пойдет себе дальше. Пойдет? Просто пойдет? Дудочки, ой не просто.

Вот этот вот наглый и самоуверенный хлыщ? Что-то мне в его хитрой моське не нравилось, не так прост этот мимокрокодил, ой не прост и далеко не невинен.

А пуще всего напрягает то, как он соловьем разливается.

– Красавица! Ну что тебе стоит? Пусти меня на ту сторону. Я свободы лет двадцать не видел. Девушек не целовал!

– Вот и посиди здесь еще столько же, а поцелуи – они... они... И не нужны вовсе! – последнюю фразу я просто ис-

тошно выкрикнула, потому что за моей спиной послышался басовитый рев, сопение, и огромная косматая морда медведя появилась в дверном проеме, а после и вся лохматая туша втиснулась в узкую кишку подвала.

Тут меня прошиб холодный пот. Впереди мутный мимокрокодил, а сзади чудище лесное! То еще положеньице!

– Как так не нужны? Это самое прекрасное занятие на свете! – И незнакомец, состроив умильную моську, уставился на меня выжидающе.

Ага, щаз, не на ту напал! Не действует на меня его расписанная под панду моська. Может, кто-то и повелся бы на смазливую физиономию, но только не я!

Пришелец с той стороны соображал туго, почти как медведь за моей спиной, который уперся косматым лбом мне в спину и продолжал медленно, как танк, протискиваться через узкий туннель подвала. И делал он это так усердно, что от чрезмерного напряжения оглушительно громко сопел и порывивал.

Спустя секунду мои пятки поехали по полу, и всего лишь через неполную минуту я уперлась в грудь перебежчика с той стороны. И к выходу из подвала мы уже поехали вдвоем. Только мимокрокодила это не смущало. Он вообще не знал, что такое отступать назад, и тормозов, по-видимому, у него тоже не было.

– Ну что тебе стоит пропустить? Что ты хочешь взамен, коня буланого? Злата-серебра? Может, меч-кладенец? Пом-

нится, в подвале один заваялся... – гадал подкупатель. – Корону княжескую? Силу, власть? – не сдавался упорный. – Холопов? Мужиков? – Я задохнулась от возмущения. Хотелось завопить: ЧЕГО-О-О-О?! Но вместо этого я приглушенно подавилась воздухом.

– Что, серьезно? – подивился мимокрокодил, и я возмущенно закашлялась попавшим не в то горло воздухом.

– Ну, хорошо, каких и сколько?! – сдался явно больной незнакомец. А я, кажется, сейчас точно задохнусь. – Да не стесняйся, все мы люди! Так каких мужиков ты хочешь? Я могу смотаться до ближайшей деревни и договорится на скорую руку.

– КГм! КГЫМ?! – отозвалась я, потому что уже очень многое хотела сказать этому хаму, а набрать для вопля воздуха не могла и отдышаться – тоже.

– Что, обычные тебя не прельщают? Ну у тебя губа не дура. Богатыря хочешь? Достать будет трудно, они у нас в изнанке на вес золота, перевелись уже все небось. Может, королевича какого или князя? Али принца заграничного?

– Кхе-кхе-КХЕ! – Нет, я таки прокашляюсь, чего бы мне это ни стоило, и уж тогда-а! Выскажу ему все, что думаю о его поганых предложениях!

– Ну хорошо-хорошо! – сдался мимокрокодил. – Я весь твой! Только за такое счастье ты меня не только на ту сторону пропустишь, но еще и экскурсию по реальности устроишь. Я свое время и свободу берегу пуще зеницы ока!

«То-то у тебя оба глаза подбиты», – хотела прохрипеть я, но не смогла выдавить из себя ничего, кроме стонов, припадая в задушенных конвульсиях к груди наглеца.

Настолько близко, что я даже успела занервничать от столь плотного общения с иностранным пришельцем. Как неловко, неудобно...

– Эх, повезло тебе, девица! Такой выдающийся образец мужественности тебе достался! – И культияпками своими длинными, как у паука, обнимает и прижимает к себе! Нет, я все-таки сейчас откашляюсь, и этот образец единственным останется в обоих мирах!

– По мне, почитай, вся изнанка сохнет. Я у русалок с кикиморами нарасхват, как увидят – так от тоски по мне топятся сызнова! Ну да ладно, – очнулся от мечтаний без пяти минут занесенный в красную книгу образец. – Давай побыстрому, а то я тороплюсь на ту сторону. Так с чего начнем? Как насчет поцелуя? – заговорщицким шепотом зашипел надо мной мимокрокодил. – Договорились? Я тебе поцелуй, а ты меня на ту сторону. – И подмигнул хам. – Ты только подожди, – засучивая рукава на не особо мускулистых руках, проговорил наглец. – Сейчас я эту меховую пробку выбью отсюда, и мы с тобой по реальности погуляем и поцелуйчик справим... хотя нет, здесь нельзя, а то застрянет. – Начнем с поцелуев, а дальше любые твои развратные желания и экскурсия по реальности в придачу. – Я задохнулась от наглости, а от кашля раскраснелась вся, как свекла.

И тут мимокрокодил, глядя на мое пунцовое лицо, сообщил.

– А-а-а! Так ты еще ни разу не целованная! – От стыда я готова была провалиться сквозь бетонный пол. – Сейчас мы это дело исправим! Так бы и сказала, что хочешь девичество потерять, да не с кем-нибудь, а с сами Константином Кощевым. Ну и запросы у нынешних девиц!

Это была последняя капля в чашу моего терпения. Рука сама собой нащупала ухват, все-таки чувство самосохранения во мне хорошо развито, а чувство гордости за девичью честь и прочее – еще сильнее.

Ухват – это такая рогатина на манер бычьих рогов, палка с железным разветвлением на конце, которым так удобно горшки из печи доставать. А еще первостатейное оружие для отпугивания этих наглых поползновенцев. И почему я раньше не догадывалась, уезжая, с собой в город эту штуку брать? Избежала бы кучи проблем.

Рогатина уткнулась в горло пришлому.

– А ну-ка поди отсюда! Давай-давай, иди куда шел!

– Так я и иду. Целовать тебя и на экскурсию! – Хам попытался обогнуть меня с другой стороны, но вновь встретился с грозным оружием. А сзади напирал медведь.

Незнакомец вцепился в палку и рванул на себя, я дернула ее в обратную сторону. А гад снова надавил на ухват, тесня меня и шипя, словно гадюка. Кажется, до него дошло, что вместо поцелуев и экскурсии он сейчас еще тумачков полу-

чит.

– Пропусти! Хуже будет! – Нет, вы гляньте: он мне еще и угрожает! Нарушитель границ!

– Не пущу! – чисто из упрямства и оскорбленного достоинства сказала я, этот гад очень сильно мне не нравился. Наглый такой, насмешливый.

– Ну тогда пеняй на себя. Меня резко толкнули назад, и если бы не вылезавший из дыры медведь, загремела бы я по ступенькам и, возможно, даже костей не собрала бы. Не на ту напал! Ни мохнатых медведей ни мимокрокодилов я не боюсь, почти. Я толкнула наглеца в ответ.

– Туда иди, а не сюда! Вон отсюда!

– Ой, пожалеш-ш-шь, красавица, о столь нелюбезном приеме.

– Давай-давай, двигай отсюда! – В пару толчков рогатиной я отодвинула наглого поползновенца к выходу.

– Мне всего лишь пройти на ту сторону надо! – поднял руки вверх наглец. Во мне взыграл ген проводницы.

– Нечего туда-сюда ходить! – взвизгнула я дурным голосом.

Видя, что я настроена очень серьезно и подоспело подкрепление в ипостаси лохматого мишки, застрявшего в туннеле, черноволосый развернулся и драпанул вверх по ступенькам. Но я все же успела кольнуть его пару раз в зад для скорости.

Если честно, у меня и самой от ощущения этого здоро-

вого косолапого зверя за плечами волосы на затылке дыбом встали.

Выбравшись из дыры, я что есть мочи толкнула мимокрокодила как можно дальше от выхода. Да так, что он отлетел и чуть не упал на спину. Я даже подивилась своей силе.

– Ну, поганка бледная и конопатая, пожалеешь еще у меня! – остервенело зарычал проходимец, откидывая с глаз растрепанные волосы.

– Смотри, суповой набор, как бы самому не пожалеть! – огрызнулась я. Пришелец с той стороны, рвущийся в наш мир, и в самом деле при свете белого дня оказался тщедушен, худ и недокормлен. Но это ему не помешало радостно броситься на косолапого, стоило только последнему вылезти из погребка. Я еле-еле успела отскочить в сторону от азартно несущихся друг на друга богатырей.

Они радостно столкнулись, сплелись конечностями, и, к моему ужасу, задние лапы медведя поехали по земле.

– Караул! – завопил ежик у виде мимокрокодила. – Прорыв! Кощей-младший в реальность лезет!

«Так вот кто это такой», – сообразила я. Оказывается, младший недалеко ушел от своего батеньки. Жадный, наглый, настойчиво целеустремленный, не терпящий, когда ему возражают, какой же Кощейшка-старший-то тогда? Если этот еще до бати не дорос? Бр-р-р... Честно признаться, мне и этого поползновенца хватило с головой. Было в Кощей-младшем нечто такое темное, отчаянное, что говорило:

этот ни перед чем не остановится.

А еще этот мимокрокодил, мнит о себе невесть что и стремится захватить, подмять под себя все, что он видит.

Внезапно я обнаружила, что, к невероятной радости этого недокормленного индивида, я отошла от дыры в подвал и оставила проход в иной мир, мой мир, без охраны! Теперь выход на ту сторону оказался открытым, между ним и Коще-ем стоял только один лохматый мишка. Ну как стоял? Медведь-то стоял, только Кощей его пытался убрать с дороги, и у него это неплохо получалось. Медведь стоял, Кощей его усердно двигал.

Невероятная паника и растерянность навалились на меня в этот миг. Я вдруг осознала, что, уйдя из подвала, испортила все, что могла. Открыла дорогу Кощею-младшему в нашу реальность, а бабушка попросила меня никого не отпускать на ту сторону.

Надо было остаться стоять столбом там, в проходе, и не пускать! Господи, что же мне теперь делать?

Глупо идти с рогатиной на того, кто хоть и тощ, но легко может сдвинуть с места крупного медведя. В поисках помощи я осмотрела поляну и, к моей великой радости, нашла ее. Звери, птицы и прочие лесные твари смотрели на Кощея-младшего, как язвенник на редьку: с острым, неутоленным желанием и бешеной ненавистью в глазах. Видно, этот мимокрокодил здесь насолил многим. Разорял птичьи гнезда, зверей убивал почем зря, теперь пушистые и мохна-

тые решили вернуть ему должок.

Некоторые, особенно хищники и прочие зубасто-клювастые существа медленно подкрадывались к мимокрокодилу. Подкрадывались, но не решались броситься на обидчика, что-то их сдерживало.

– Звери, птицы! Не пустите этого гада на ту сторону!

Мой яростный крик снял оковы нерешительности, и море недовольства выплеснулось на Кощея-младшего.

Все пушистые твари бросились на поползновенца, да так, что младшенький теперь нескоро вздумает расхаживать по мирам туда-сюда и пакости девушкам предлагать тоже, если вообще сможет ходить и предлагать.

Теперь не только медведь мешал мимокрокодилу пробраться на ту сторону. Птицы, спикировав с деревьев, вцепились в черные патлы ходока, белки разили цель всем, что попадалось под лапу, в ход шло все – от шишек с орехами до камней. Даже мыши согласились быть баллистическими снарядами и врезались в ошеломленного Кощея-младшего острозубыми меховыми шарами, покрывая его худое недокормленное тело сотней мелких укусов.

Еноты, волки, лисы подбежали сзади и вгрызлись в щиколотки, и начали поедать их, как голодные собаки кости. Кощей взвыл не своим голосом. Ходока на ту сторону покрыл живой ковер из кричаще-рычащих животных.

Мишка, недолго думая, лучше меня сообразил, как не пустить Кощея-младшего на ту сторону. Он демонстратив-

но уселся своей мохнатой пятой точкой, словно пробкой, на вход в подвал и закрыл его. Медведь скрестил на груди лапы в подтверждение того, что ни за какие коврижки не сдвинется с места.

Увидев это, Кощей-младший не на шутку взбеленился. Если до этого он был слегка раздражен и немножко зол, то теперь он пребывал в ярости, и ярость эта была всепоглощающая.

Сверкнула вспышка зеленого призрачного огня.

Первый раз в жизни я увидела злую магию, и ее цвет мне не понравился.

Кощей поднял вверх руку, полыхнуло пламя, и я поняла, что сейчас от моих защитников останутся только рожки да ножки, а еще угольки и обгорелые клочки шерсти.

Я заозиралась по сторонам в поисках дополнительной помощи, но увидела только бегущего ко мне ежика.

– Что я могу еще сделать? Звери надолго его не остановят! – обратилась я к нему, подхватывая под мягкое пузико колючий шар.

– Йоу, чувиха! – речитативом заговорил ежик, отдуваясь после быстрого бега: на таких коротких лапках много не побегаешь. – Кощей-младший нарывается и прорывается, в реальность попасть хочет!

– Так что же я могу сделать? Не на кулаках же с ним драться?

– Это было бы можно, но боюсь, если Михайлыч с ним

не справился, то и тебе не сдержать, со всем моим колючим уважением к тебе, разумеется.

– Неужели все кончено и он сейчас прорвется в мой мир, как только воспользуется магией и уберет с дороги лесных животных?

Ежик почесал колючки на затылке.

– Ну, если логически мыслить, не будет прохода – некуда будет и выходить... только без магии его не закрыть.

– Так. Не поняла, проход что, можно закрыть? – И как это я сразу не догадалась?

– Конечно можно, делов-то! Книгу волшебную возьми, коротенькое заклинанье прочти, и все! Некуда Кощею щемиться будет. – Мое искаженное удивлением и полным непониманием лицо заставило ежика усомниться в моих умственных способностях. – Ну, ты припомни. Книга, волшебная. Неужели твоя бабушка тебе никаких инструкций не дала? Колдовать, ворожить не учила? Ну, может, книги волшебные читать заставляла? Йоу, чувиха? – попытался разбудить меня ежик, перейдя на понятный для современных людей язык. Но мое лицо было такое же изумленно-непонимающее, только вытянулось еще сильнее, когда я вспомнила про записку.

– Ой, она же упоминала про какую-то книгу на полке.

– Книга у каждой Бабы есть, там мудрость поколений записана. Каждая из Баб туда что-нибудь, да записывает. Где эта книга?

– На полке... – застонала я, вспоминая, как бабушкин домик встал и сделал ноги. Глядя на то, как Кощей гоняет огненными шарами зверушек по поляне, осознала, что книгу теперь уже не вернешь и с мимокрокодилем придется договариваться как-то по-другому. Но как? Не устраивать же ему экскурсии с поцелуями в самом деле?!

В нестройный ряд раздумий врезался писклявый голосок ежика: – Йоу, чувиха, а на какой именно полке лежит книга?

– Не знаю... В доме, наверно... – простонала я, глядя на визжащих и пищащих зверей, табуном пробегающих мимо, и Кощея, с хохотом гонящегося за ними. И получила внезапный ответ:

– Вон в том? – Я повернула голову, и в моих глазах загорелся свет надежды. Чем черт не шутит, этот домик точная миниатюрная копия бабушкиного, словно клонировал кто. Возможно, там тоже есть хоть какие-нибудь книги, и желательно потяжелее, чтобы подкрасться к Кощею-младшему с тыла и шархнуть по затылку для успокоения.

На полусогнутых я поползла к домику, в страхе сидящему в кустах.

– Цыпа-цыпа-цыпа... – попыталась я позвать трусливый домик. Единственное разумное, что пришло мне на ум при взгляде на это четвероногое, травленное радиацией уродство.

Бочком, боясь каждого радостного хохота Кощея, домик, подкрался ко мне и прижался, словно родной, трясясь мел-

кой дрожью и прося защиты.

– И как в него войти-то? Он же крохотный, меньше собачьей конуры! – Я вертела жилищный кошмар и так и этак, пока не решилась взяться за дверную ручку и дернуть на себя.

Внутри была темнота, тишина и крохотный огонек, пробивающийся из-за заслонки печи.

Раздирая дверь и перила крыльца, словно пасть у собаки, я влезла внутрь и в надежде шарила там рукой. Старалась не думать, что я могу ненароком найти. Домик пыхтел, кхекал, но терпел издевательства. Под руки попадалось что угодно, кроме книги. Переворотив все, что можно и нельзя, моя ладонь все-таки дотронулась до того, что я искала.

Книга в шершавом, очень потертом переплете. Толстая, раздувшаяся от вклеенных туда листков и записочек, с точащими со всех сторон сушеными травинками и хвостом ящерицы вместо закладки. Я открыла первую страницу и увидела, что это рукопись.

А поляна тем временем разгоралась сильнее, местами занялась трава и стволы деревьев, еще чуть-чуть – и зверям негде будет прятаться, а там и весь лес запылает. Тогда нам конец. Олени и лисы пытались забросать призрачный огонь землей и затоптать копытами, но ничего не получалось, иное пламя только сильнее разгоралось, пожирая и землю тоже.

– Как потушить этот огонь?! – я просто-таки истерично выкрикнула вопрос своему главному колючему советнику.

– Никак. Это мертвое пламя, его можно только перебить другим! Найди в книге нужную страницу и призови помощника! – Я судорожно залистала страницы, перед глазами мелькали рисунки зверей, птиц, приклеенные к бумаге запущенные травы, столбики рукописного текста, местами настолько выцветшие, что прочитать их было невозможно. Страницы замерли. На картинке красовался яркий красный петух. Мне показалось, или книга сама раскрылась именно на этом разделе?

– Красный петух...

– Иносказательное название огня. Вызывай! – скомандовал ежик.

– Как?

– Надо придумать рифмованное заклинание! Оно призовет помощника.

«О боги! – подумала я, глядя на то, как Кощей за хвост поднял с земли пойманную лису и готовился поджарить ее на своем призрачном пламени. Рыжая в немом отчаянии изображала из себя дохлятину, покачивалась в руках садиста. – Что ж, даже если у меня ничего и не получится, всегда остается надежда, что Кощей-младший умрет от смеха». – Я принялась сочинять первое в своей жизни заклинание.

– Петух жареный-пареный, в маслице вареный, явись передо мной как... как мой дом перед...

– Ягой! – подсказал ежик, верный помощник в любых ситуациях.

Избушонок покосился на меня, но ничего не сказал на мое кривое стихоплетство. Да он и не мог, дома не разговаривают в отличие от лесных зверей.

А в центре поляны разгорался уже другой огонь, желто-красный, яркий, словно на масленице. Из травы, как зомби, восставал мертвый петух, перья его занимались яростным пламенем, гребешок стоял дыбом, из клюва летели искры, а из хвоста языки огня.

Я взглянула на пылающего убиенного и поняла – это то, что надо. У безвременно почившего кочета остался длинный список претензий к свернувшему ему шею Кощею-младшему.

На поляне запахло жареным.

Горящий петух вспорхнул и, выпустив шпоры, спикировал на Кощея, загнавшего зверей в угол, прижавшего их к стенке.

Пылающая туша воскресшего бабкиного петуха с дурным воплем приземлилась аккурат на макушку садиста. Раз услышав этот боевой крик, не забудешь никогда, так кошмарно орать может только наш петух.

Клюв застучал по темечку. На поляне сиреной взвыли уже на два голоса.

При каждом ударе из Кощея сыпалось. Ну прям как в компьютерной игре, мне даже начинало нравиться это. Куча мелких вещей вылетала из карманов любителя обижать маленьких.

Дождь из серебряных безделушек, колец, монет, носовых платков, каких-то загадочных свертков, острых предметов неизвестного назначения, рыбьих костей, перьев и звериных черепов равномерно покрывал горящую траву.

Уж не знаю, сколько пуговиц злодей потерял со своего замечательного костюмчика, но все содержимое его карманов в тот день осталось у нас на поляне!

Помимо этого невоспитанный хам посеял здесь кучу клочков от своей одежды и плаща, пучки вырванных волос и даже части собственной шкуры.

Мимокрокодил выл, кочет стучал, не покладая клюва.

Вычурная, с претензией одежда Кощея начинала тлеть и загораться, красные языки пламени от крыльев и хвоста мстительного петуха бежали по рукавам и плащу.

– Убери тварь! Отзови петуха! – не своим голосом орал поползновенец, перекрикивая дурные вопли восставшего кочета.

Я разом была отомщена за все издевки мимокрокодила. За предложение его драгоценных поцелуев, за экскурсию и даже за любвеобильных русалок и кикимор.

– Убери гада! – ревел Кощей, попытавшийся вторично свернуть петуху шею, только это не возымело никакого эффекта, кочет был и до этого мертв и теперь медленно прожаривался на собственном пламени. Пришлый поганец только обжег об него руки.

– От гада слышу! – огрызнулась я.

Надо отдать Кощеюшке должное, он оказался ловким и изворотливым злодеем, чудом умудрился вывернуться из захвата и сбросить с себя петуха. Да не просто, а обжигая руки, скомкать того в шарик и зашвырнуть куда подальше.

Баллистический петух отлетел недалеко, как истребитель, сделал кульбит в воздухе и огненной стрелой понесся на Кощея, но я видела: он не успевал.

Покоцанный злодей подгадал момент и метнулся к дыре в погреб.

Михайлыч отошел от своего поста возле спуска в подвал, он приводил в чувство раненую лисицу, дохлятиной валяющуюся на траве. К рыжей подбирались языки огня, и медведь оттаскивал лисий трупик подальше от пламени.

– Закрой проход! – завизжали несколько голосов сразу.

– Захлопнись! – завопила я, указывая пальцем на разъявленную дверь в подвал, имея в виду все разом: закрытие двери и прохода в реальность.

Створка громогласно хлопнула прямо перед самым Кошчевым носом, чуть не прищемив его длинный клюв. Крышка люка отскочила обратно и, перекосившись, стала терять доски, но ощущение пространства «за» исчезло. Дыра в реальность, в мой мир, была закрыта.

Все замерли.

Только после того как я осознала, что одним-единственным словом закрыла дыру в реальность, встретила глазами с Кошеем-младшим. И поняла: проход-то я закрыла и не пу-

стила злодея на ту сторону, но только и сама я теперь осталась в этом мире.

В глазах мимокрокодила вспыхнуло отчаяние, в тот же миг сменившееся безудержной яростью, после вновь помевнявшись на горечь поражения, трансформировавшись в пожелание всего нехорошего мне.

«Эк его колбасит!» – испугалась я, соображая, куда бы спрятаться от гнева мимокрокодила, обломившегося с походом в реальность. Может, так же, как и лисе, притвориться умершей?

А злодей бесился, как взрослый мальчик, проигравший в танчики.

Неосторожный лесной зверь, поддетый пинком Кошея, воспарил в небо без крыльев, следом за ним полетело все, что попадалось под руку истерику: камни, бревна, вырванный с корнем пенек. Звери вновь бросились врассыпную, чтобы не попасть под раздачу.

– Да пропади ты пропадом, зараза, со своими поцелуями и проходом! Не больно-то и хотелось на тебя тратиться! Долго ты в изнанке не продержишься, сама к нам на поклон приползешь и молить будешь, чтобы мы тебя домой вернули! Только шиш тебе, жадине такой! – И с этими словами Кошей театрально ткнул пальцем вверх, послал в облака молнию и, полоснув плащом, растворился во всполохах зеленого пламени.

Подранный злодей исчез, а пламя осталось, вместе с ним

в небе громыхнуло и на землю упали крупные капли.

Обиженная и оскорбленная, я стояла под дождем, нарочно, чтобы позлить меня, вызванным мимокрокодиллом.

Я спохватилась первой. Мир вокруг нас пылал, но это уже был наш, земной огонь, теплый и ласковый, если умеешь с ним обращаться. Я достала из колодца ведро и расплескала вокруг, через несколько минут мы залили и затоптали почти все языки пламени. А петух яростно заклевал все языки потустороннего огня.

Вся поляна покрылась шипящими углями, остался только один горящий петух.

Я вылила ведро и на него. Под слоем пламени обнажилась лысая копченая тушка восставшего из мертвых. Кочет встрепенулся, небрежно отряхнулся от воды и воспылал вновь, покрывшись слоем огненных перьев.

– Смотри мне! – погрозила я тому пальцем. Подожди мне тут еще чего – в суп пойдешь! – Угроза возымела действие, смущенный петух, притушив свое пламя, скромненько ушагал за колодец.

Я и лесные животные куковали на пепелище.

У ног ежик, свернувшись клубком, чистил свои прокопченные иголки, лисы, олени и волки подергивали опаленной шкурой, белки и птицы на деревьях безуспешно пытались сушиться.

Прямо на моих глазах лисица, притворявшаяся дохлой, вскочила, огляделась и как ни в чем не бывало начала рас-

чесывать свой хвост. Мы с ежиком переглянулись.

Все вокруг медленно заливал проливной дождь, напоследок вызванный Кощеем. Лично мне назло, не иначе.

Со своим первым заданием и с последней просьбой бабушки я справилась, но какой ценой?!

Я сидела в чужом мире, без крыши над головой, одинокая, потерянная и расстроенная.

По другую сторону от меня прикорнул крохотный домик, скрипел перилами так, что получатся душераздирающий жалостливый скулеж, ему тоже было холодно и мокро.

* * *

– Сына, ты дурак! – в полутемном гулком помещении прозвучала констатация факта.

– Ну что вы, папенька, в самом деле.

– Пожалел, значит, девку? Дурак, ой дурак... Такой же. Как и твоя маменька, Василиса Придурочна! – В голосе сквозила беспредельная горечь, помноженная на старые обиды. – Та самая, которая, счастья своего не понимая, бросила тебя и меня, свалив из изнанки в реальность. Не пожалела ни сына малолетнего, ни мужа бессмертного... – В зале с высокими сводами послышался всхлип и трубное сморкание. – Она меня этим почти убила-а-а! – с надрывом в голосе произнес Кощей-старший.

– Ну, ладно тебе, батя. Что ты, вспоминать такое. Ты же

практически бессмертный!

– Практически! – ядовито передразнил голос. Еще пара звучных сморканий, и говоривший из темноты взял себя в руки. – Жениться тебе надо. Обзавелся бы какой-никакой бабой, был бы доступ на ту сторону. Хоть бы кикимору какую охмурил. Они в реальность за пестрыми тряпками ста-ями шастают.

– Я, батя, утопленников не люблю и топиться каждый раз, как мне в реальность нужно будет, не стану. Не люблю это мокрое дело. Я уж как-нибудь так, без жены, сам справлюсь.

– Как-нибудь так... Как-нибудь так... – хрипло, словно у него пересохло в горле, передразнил из тьмы Кашей-старший. – Уже справился. Я для чего тебе, Костя, на твое совершеннолетие путешествие в реальность устроил? – Вышеупомянутый Костя молчал. – Чтобы ты с тамошними русалками по тавернам пьяный валялся? – Голос гневно взвился к потолку. – Ты знаешь, сколько цыгане за отправку на ту сторону берут? Вовек не расплатишься!

– Ну ты же им это, коня бледного сплавил. Уже не в минусе. – Ни грамма раскаяния не прозвучало в голосе сына.

– Не в минусе-е, – передразнил отец. – Я тебя туда, Костя, отправил, чтобы ты посмотрел, как они там в реальности по-человечески живут, не то что мы тут, в изнанке. И жену себе приличную с доступом на ту сторону нашел! А ты?

Помолчали. В тишине слышались только позвякивание цепей да звук капающей воды.

Кощей первый нарушил молчание.

– Ты, Костенька, скоро моим преемником, Костианом вторым будешь, – елейным голосом начал бессмертный. – Сила моя и полное бессмертие к тебе перейдет, станешь ты править вместо меня. Только вот не удержать тебе царство Навье в своих руках, ой не удержать, – горестно продолжал развивать свою мысль Кощей. – Ты думаешь, твои подданные будут такую жизнь собачью терпеть? Неволю да бесправие? Ни размяться им, ни разгуляться по белу свету. Безвылазно сидеть тут в подмирье, как в сырой клетушке, как в норе крысиной! Сначала начнется недовольство, смута, потом переворот и запрут тебя в подземелье, обмотанного цепями, без капли живой воды, и забудут, что ты жил на свете. А вечность в оковах, это тебе, сына, не сахар... – пригорюнился невидимый голос, думая о своем.

Тот, кого Кощей-старший назвал Константином, побледнел, но постарался не подать виду, что такая судьба его испугала.

– Ты княжеских кровей и право имеешь! – загремел голос в темноте. – Князь ты или не князь? Но не все еще потеряно. Поблагодари богов за то, что у тебя отец Кощей-умнейший! Девка эта в нашем мире осталась, а значит, как закрыла проход, так снова и откроет. И не какую-нибудь временную прореху в изнанке, а полноценный тракт из нашего мира в реальность. Уж ты позаботься об этом, Костя, не налажай.

– А если она не умеет?

– Чего?

– Открывать проход. Или не захочет? – переспросил начинающий злодей, вспоминая, как надрала ему все части тела несговорчивая гостья из реальности.

– Не умеет – научим, – лениво прогундосил Кощей-старший. – Не захочет – заставим. Подсуетись, Костиан, подсуетись. Батьки твоего не станет, и заступиться за тебя некому будет. Нам, бессмертным, раньше и Явь, и Навь принадлежала, а не каким-то смертным людишкам. Наш тот мир, наш! И ничей более! Так пойди и возьми то, что принадлежит тебе по праву. И, Костя... – сделал эффектную паузу искусный манипулятор, а после вкрадчиво продолжил: – Ни перед чем не останавливайся, помни про подвал, цепи и... вечность в темноте.

* * *

Мне только и оставалось, что сидеть и утирать слезы. Робко, на полусогнутых, ко мне посеменил ежик.

– Мы справились... Отвадили Кощея, не пустили его на ту сторону.

– Справились, как же! Мой мир вон где, а я вон где! – глотая слезы и размазывая их по лицу пополам с пеплом, проговорила я.

– Ты это, – колючий шаркнул лапкой по песку, – прости меня, что защитить не смог, хреновый из меня рыцарь полу-

чается. – Ежик выдернул из себя самую длинную иголку и помахал ей в воздухе на манер шпаги. – Я должен был первый броситься в атаку и заколоть его!

– Да какой ты рыцарь... – утирая сопли, сказала я. – Ребенок небось, посмотрелся у бабки телевизора, а сам колобок колючий. Куда тебе тягаться с Кощеем, самому небось еще трех годков не исполнилось, – прикинула я на глаз возраст отважного звереныша.

– Мне три с половиной, – ощетинившись, показал крохотные зубки ежик. Я сгребла колючего в охапку, уткнулась ему в мягкое пузико и заревела в голос. Вот он, единственный защитничек, стена между мной и Кощеем бессмертным! Что-то мне подсказывало – не простит мне местный злодей моей несговорчивости. Мстить будет!

Ежик смущенно втянул колючки (не знала, что они так умеют делать), сделавшись мягким и круглым, как мячик, наполненный желе, и представил себя в мое полное распоряжение.

Я оплакивала все: смерть моей бабушки, ушедшей навсегда, свою несчастную судьбу, свой мир, на который покушается наглый злодей.

Нарыдавшись вволю и заплакав лысого ежика полностью, я утерла слезы им же.

– Так что делать будешь? Истреблять или замуж пойдешь? – деловито поинтересовалась лиса, выбегая из кустов и садясь рядом, подобрав хвостик. – Истреблять – оно, ко-

нечно, вернее, но как-то... опрометчиво, замуж – оно без-опасней.

Моя челюсть отпала до земли.

– КАКОЙ ЗАМУЖ?! – От моего вопля все звери на по-ляне присели на задние лапки.

– Да ты что, рыжая!? Ты на чьей стороне-то?! – возмутил-ся ежик.

– А сколько сторон и какая из них выгоднее? – окрыси-лась на ежика Патрикеевна. – Ни мне, ни Ладушке воротни-ком быть не хочется. – Видимо, стать украшением пальто – это у лисицы было самое страшное, что только можно при-думать. – Вот вернется сейчас Кощей-младший, наверняка за косой или мечом-кладенцом побежал. И не сносить нам тогда голов. Как есть все на воротники пойдем и ты, лысый, тоже, – была непреклонна в своих суждениях лиса.

– Но замуж – это не выход!

– ДА! – подтвердила я, совершенно не понимая, о чем идет речь.

К нам стали стекаться животные со всех сторон. Спор раз-горался жаркий. Польшало похлеще того, когда мимокроко-дил на поляне буянил.

– Да ты послушай, что эта рвань рыжая говорит! – возму-щались некоторые.

– А как ты еще предлагаешь нам Ладушку от Кощея убе-речь? На свою жену он ни руки, не меча не поднимет. А вот если она нашей Бабой Ягой будет, так это всему злу в изнан-

ке такая опасность, такая... – пыталась найти подходящие слова лиса. – Что все злодеи не просто на воротники пойдут, а сразу на шубы!

Звери призадумались. Никому злодеев жалко не было. Я так и видела, как шестеренки поскрипывали и прокручивались в звериных головах. Лесные вовсю шевелили мозгами, пытаясь придумать, как же им меня на Кощеев натравить, видно, многим здесь, в сказочной изнанке, эти злыдни крови попортили.

– И к тому же, – продолжала хитрохвостая лисица, – кто помешает Ладушке после замужества своего мужа с потрохами съесть?

– Не будет никакого замужества ни с Кошеем, ни с кем-либо еще! Ни сейчас и никогда вообще! – отрезала я.

– А как ты тогда домой возвращаться собираешься? – невинно поинтересовалась лисонька.

– Брось, рыжая, – пробурчал медведь. – Ты медка и блинов на свадьбе поесть хочешь, а не о счастье Ладушки заботишься.

– Вот как? А кто тогда из вас со злом сразится и Ягу от Кощея защитит? – К моему удивлению, вызвались двое. Медведь, что успел с той стороны сюда в изнанку пройти и задержал мимокрокодила, пока я проход закрывала, и... лысый ежик.

Отважный малыш уже сгонял за катушкой ниток и соорудил себе перевязь для иглы. И выражение мордочки у зверь-

ка было настолько сосредоточенно-упорное, что я не сомневалась: покажи Кощей здесь хоть кончик своего носа – тут же будет заколот насмерть.

М-да... с такими защитничками мне ничто не грозит.

– Мне бы вот только... это... – смущаясь, попросил ежик. – В рыцаря превратиться или хотя бы в королевича. Раз ты наша Баба, может, колданешь разочек, а?

Эта просьба застала меня врасплох сильнее, чем предложение руки и печени Кощей от Патрикеевны.

– Да ты что, я же не умею!

– Не умеет она, как же! – хмыкнула лисичка, махнув хвостом в сторону огненного петуха, важно расхаживающего по пепелищу.

Ежик, смущаясь, поведал, что ему было нужно.

Ну что мне стоило чмокнуть такого ярого защитника разочек? Не с Кощеем же лизаться, я в своей жизни столько кошек перецеловала. Ежик – почти что кошка, только лысая.

Собравшись с мыслями, я запечатлела на влажном носу смачный поцелуй. Вся поляна затаила дыхание.

– Что-то не помогает. – Мы дружно посмотрели на лысого ежика. Он придиричиво осматривал ножки-палочки и свой кругленький животик.

– Наврали, – сокрушенно произнес он. – А русалки говорили: если тебя прекрасная княжна поцелует, то превратишься ты в красна молодца. Высокого и пригожего. – Мы с лисой переглянулись.

– Наверно, Ладушка пока не освоилась со своей силой, – прокомментировала неудачу рыжая.

– Эх, вот если бы сработало, я бы этому Кощею, у-у-ух! – И колючий погрозил маленьким кулачком куда-то за леса и горы. Я невольно улыбнулась, а лиса закатила глаза к небу.

Пока мы были заняты превращением ежика в красна молодца, никто из нас не заметил, что со стороны исчезнувшей деревни к нам приближался человек. Когда птицы и белки на деревьях подняли тревогу, стало уже поздно.

Перед нами стоял тот, кого я совершенно не ожидала здесь увидеть. Серая форма, фуражка, строгий вид.

Милиционер козырнул и казенным голосом стал зачитывать с бумажек, совершенно не стесняясь зверей, окруживших меня.

– Сергей Сергеевич Серый, к вам по делу. Лада Егоровна Калинина. Вы назначаетесь единственной владелицей и преемницей Екатерины Егоровны Калининой. После ее безвременной кончины... – При этих словах я, уже было забывшая о душераздирающих обстоятельствах, залилась слезами пуще прежнего. Но мента это не смутило. – Вам принадлежит ее дом, ее должность и ее дело. Лесничим она у нас служила, – уточнил пепельный мент. – Теперь все вам переходит. Злостный и опасный разбойник-рецидивист по кличке Кощей многократно и с завидной регулярностью нарушает границы леса, и теперь вы как преемница обязаны занять ее место и охранять вверенные вам границы.

– Да упустись ты, Серый, – махнула рыжая на милиционера. – И без тебя тошно. Ладушка уже поняла, что встряла... – И лисичка, стоя на задних лапках, положила передние мне на плечи и утерла мне с лица крупные слезы хвостом.

Прямо перед моими округлившимися глазами мент по имени Сергей присел на корточки по-собачьи, будто дело какое несвежее затеял. Почесал задней ногой в ботинке под фуражкой... А в следующий момент и вовсе ударился оземь и превратился в клыкастую дворнягу мшистого цвета. Этот волчок серый и пушистый.

Пепельная псина подбежала и села у моих ног, виляя хвостом.

– Ну, в общем, вы и без меня тут в курсе кто чего, а я вот документики на участок и дом принес. «Зеленка» там, план дома, межевание земли. Чтобы все честь по чести и Кощей со своим батькой не докопались. Владей! – Серый волчок сунул мне в руку свернутые в трубочку документы. И отбежал в сторонку, чтобы не огрести от лисы, замахнувшей на него лапой.

– Вот отвадим злостного разбойника с его батей и заживем как раньше, – прокомментировал Серый, довольно глядя на меня. – Ведь теперь у нас есть своя Баба Яга! Она раз изнанку от зла избавит.

Посмотрев на сверток в моей руке и поняв, что моя мечта жить в доме с бабушкой сбылась, только не так, как я хотела, и невероятно дорогой ценой мне все это досталась, я вновь

заревела громко, горько, навзрыд...

– Это она от счастья, – прокомментировала лиса. – Все невесты перед свадьбой плачут.

Мне захотелось сделать из рыжей сразу два воротника.

* * *

Я ползала по пепелищу, собирая в корзину вещи, которые могли пригодиться мне в дороге.

Можно было бы до скончания века сидеть на пожарище в этом странном мире или даже поселиться здесь вместе с разговаривающими животными, но я почему-то твердо решила вернуться домой, в свою родную реальность.

От зверей я узнала, что не только стационарные проходы ведут в наш мир, но и некоторые магические существа могут попадать на ту сторону в реальность. В частности: цыгане, русалки, кикиморы, последние у меня были совершенно не в фаворе из-за дурновкусия. Ну как, скажите на милость, кому-то может нравиться хамоватый и беспардонный мимокрокодил? Вот-вот.

Но выбирать не приходилось, по словам животных, самое ближайшее место, где я могла найти помощь, – пресноводные озера с русалками и кислые болота с кикиморами. И все. До других мест топтать на своих двоих днями и ночами. Лучшим вариантом было бы найти цыган, они мне нагадали попасть в этот мир, они пусть и разгадывают обратно. Но цы-

ган найти не так-то просто, тем более без толку рассуждая и ковыряясь на пожарище.

Среди пепла и угольков ромалэ я не нашла, зато наткнулась на лакированные сапоги. И в них был кто-то очень знакомый, судя по вызывающе наглой позе. Я подняла взгляд выше: скрещенные ноги, брюки со стрелками, свежая отглаженная рубашка с косым воротом, цвета крыла летучей мыши и серебряные украшения костяного дизайна и явно оккультного происхождения.

От удивления рот открылся сам собой. Первый злодей изнанки собственной персоной: сидит, ногой покачивает, щеку рукой подпер и глазеет на меня своими черными бесстыжими зенками.

Не ожидала так скоро увидеть мимокрокодила. И от удивления впала в ступор. Надо было, конечно, огненного петуха позвать, но я как-то растерялась от запредельной наглости злодейского проходимца. Ему только что «намылили холку», по словам зверушек, а Кощей – вот он, снова мимокрокодилит как ни в чем не бывало!

И судя по всему, ему, покусанному лесными зверями, подавленному медведем и пожженному огнем – ноль вреда. Все равно что раз чихнуть: встряхнулся и пошел дальше, только рубашечку на свежую переменял.

Кощей заговорил первым, и я вздрогнула от звука его льстивого голоса.

– А-а-а, так, значит, правда то, что звери и птицы говори-

ли, ты действительно Баба-яга! Извини, не признал. Кто бы мог подумать, мне всегда казалось, что яги, они как-то по-старше и попотрепаннее будут.

– Что тебе надо, Кощей?!

– Можно просто Костик, мы ведь с тобой чуть на свидание не сходили, пока ты все не испортила. – У меня отвалилась челюсть от такой наглости. Свидание? У нас? У меня со злодеем? Он шутит, или это стеб такой? И это я-то все испортила? Нет, я таких шуток не понимаю. Пока я медленно засучивала рукава, Костик продолжал.

– Я к тебе с предложением сотрудничества, Ягусик, – вещал Кощей, задумчиво накручивая длинный волос на палец. – И тебе, и мне охота попасть в реальность. Зачем враждовать, давай сотрудничать! Ты не представляешь, насколько моя власть велика в изнанке! Мне подчиняются все – от заваливающего лешего до древесной шишиги!

Я задохнулась от такой наглости. Всего час назад этот беспардонный мимокрокодил громил бабушкин дом, рвался в мой мир, угрожал расправой и жег поляну, теперь мою по документам, между прочим, с межеванием и «зеленкой»!

Положительно я не понимала простоту и незамутненность злодеев, проживающих в изнанке. Это либо невероятная хитрость, или вселенское простодушие! Да с чего он взял, что я ему после всего того, что было, – угроз и его наглых поползновений на ту сторону – буду доверять?

– Ну давай же, Ягусик! – ворковал томным голосом со-

блзнитель. – Переходи на темную сторону, у нас есть твой любимый латте и печеньки! Ты пойми, Ягусик, не будешь сотрудничать – больно будет. Мне на ту сторону позарез надо, можно сказать – дело жизни и смерти. Я своего все равно добьюсь, только ты пострадаешь и твои волосатые друзья тоже. – Я обернулась, глядя на зверей, стоящих в отдалении. Лиса спорила с волком и медведем, никто из них пока не заметил гостя. А Кощей тем временем продолжал разглагольствовать, от чего становилось страшно. – Мне твоя жареная кура на один зуб, позавтракаю и губы салфеткой утру. А ты молодая, тебе жить, наверное, хочется. Пропадешь почему зря в нашем мире, изнанка – это тебе не реальность. Тут опасно. Открой границу, и обещаю, тебя никто и пальцем не посмеет тронуть в этом мире! Я же практически бессмертный! Кто со мной спорить будет?

«Я!»

– Нет! Никогда! – завопила я, вспоминая, что бабушка отдала жизнь за то, чтобы защитить границу между мирами. Вся эта поляна, этот лес – не что иное, как таможенно-пропускной пункт из нашего мира, ну, если хотите, в иной мир, мир сказки. И никакой мимокрокодил здесь не пройдет!

Бессмертный поморщился от моего звонкого голоса.

– Слушай меня, мертвяк...

– От без пяти минут трупа слышу! – огрызнулся черноволосый. – Хотел же с тобой по-хорошему, но, видно, ты, глупенькая, не понимаешь что к чему! – Кощей щелкнул паль-

цами, и за ним материализовались скелеты. Натуральные мертвяки: глазницы потусторонним огнем пылают и аура вокруг них смертельная, зеленцой и гнильцой отдает. Выставив руки вперед и замогильно воя, кости двинулись в мою сторону.

Я, недолго думая, схватилась за книгу. Выросшая на голливудских страшилках, я почти что не испугалась. Так только – в боевую готовность пришла. Ишь ты, пугать вздумал! Светящимися костями – курам на смех! Это он еще таких фильмов, как «Пила» и «Восставшие мертвецы», не видел. Посмотрел бы, так не пугал этим детским садом!

Моя боевая реакция несказанно удивила Кощея. А мои слова заставили черные брови взметнуться вверх.

– Я от тебя и всей этой веселой компашки косточки на косточки не оставлю, каждого на суповой набор разберу и сдам в самый паршивый гастроном под видом бразильского мяса... – При этом я тыкала под тонкий нос Кощея ухватом. После заявления мимокрокодила о том, что он вернется, я не расставалась с этой замечательной штукой. Просто я не думала, что возвращение злодея произойдет так скоро. Знала бы, обзавелась оружием помощнее – скалкой например или вилами, а так придется довольствоваться тем, что есть. Но ухват тоже подойдет. Я привязала к нему веревку и закинула за спину на манер двуручного меча. Снимать – одно удовольствие: дернул плечом, и рогатина сама в руки падает.

Ухват встал уже на привычное для него место, аккуратно под

подбородок «Костика».

Кощею явно никогда в жизни так много не перечили и не говорили поперек. Похоже, что он вообще не знал слова «нет» и впервые с ним встретился.

– Да ты гаже изжоги! – воскликнул Кощей. – Яд просто! Слушай, Яддушка...

– Не называй меня так! – завизжала я, и даже мне самой голос показался ужасно противным.

– Тебе ведь не победить! Ставки слишком высоки: я бессмертный, а ты смертная!

– Ну, мы это быстро исправим! – сказала я, засучивая рукава и соображая, что там в сказках говорилось про бессмертных?

– Подумай сама, сдюжишь ли тягаться с самим Кощеем? – Бровь черноволосого бессмертного и бессовестного иронично изогнулась, показывая его злодейское превосходство.

Тут я внезапно замерла, потому что вспомнила.

– Кощеем? – На моем лице появилась гаденькая улыбочка. – Тем самым костлявым и уродливым, одноййцевым, бессмертным мертвяком...

– Я бы попросил не выражаться! – завопил уязвленный Кощей. – Начитались, понимаешь ли, фэнтези в инете и гребут всех под одну гребенку! В сказках все ложь! Мы, Кощеи, вполне себе живые и... и... – И тут Костик почему-то скомкал конец предложения. – Я, между прочим, не какой-нибудь тупой мертвяк. А потомственный злодей, меня папа в

детстве усыновил!

Но я уже не слушала сказочного злодея, понимая, что все на этой земле смертны, и пусть не заливают мне тут. Не бегал бы он кругами от огня, если бы ему все было нипочем, тут вопрос состоял, так сказать, в градусе. А в голове выстраивалась в ряд вполне себе стройная фраза: игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в ларце... Там и смерть Кощева.

– Кстати, о потомстве... – обронила я. – А где твое яйцо? То самое? – Я стала наступать на заносчивого гостя, угрожающе тыча в него рогатиной.

– Девушка – это неприличный вопрос! – Кажется, смена разговора выбила злодея из колеи. – На такой вопрос можно отвечать только после свадьбы! Но ежели ты хочешь замуж, я к твоим услугам! Медовый месяц справим в реальности, а там и о сокровенном поговорить можно... – сел на любимого конька злодей. Похоже, у них тут, в изнанке, никто не знает, что такое сарказм, ирония и шутка.

Он серьезно думает, что я о его промежности спрашивала? И вот еще – что за манера чуть что, так сразу под венец тащить?! Я после развода родителей институт брака совершенно не уважала и ячейку общества создавать не собиралась.

– Никогда не желала и желать не буду! – тыча в живот бессмертному рогатиной, все дальше отталкивая злодея, змеей шипела я.

– Ой, я бы не зарекался. Каждая девушка от русалки до

кикиморы мечтает замуж выйти. Покажи любой колечко – тут же нацепит, дай фату – завернется, намекни на чувства – сию минуту потащит в загс!

– Я не каждая! Попрошу не обобщать! Я тебе не кикимора! Не все падки на подобных типов. – Сама сказала и сама осознала: и красив же гад, этот Кощей. Чуть ли не как голливудские суперзвезды у нас в реальности. Немножко откормить да бледность убрать... Впрочем, без синяков ему даже нездоровый цвет лица шел. Если у них здесь все злодеи такие смазливые, беда девкам, ежели подобные соблазнительники попадут в наш мир.

– В общем, такие уроды меня не привлекают! – гаркнула я и открестилась от всего и сразу. А самое главное – от крамольных мыслей. Надо же, Кощей мне пригожим показался, не иначе чары запускает свои некромантские.

– Ах вот оно как... – Кажется, троллить и насмехаться злодеи тоже умеют. – Сколько яда в голоске, Лада, так и буду звать тебя Ядда! Ядда-Яддушка, Яддушечка! – Меня перекосило от злости, как китайского пчеловода.

– Не называй меня так! Не все выходят замуж ради своего удобства, чтобы из изнанки в реальность прыгать!

– Ну, а ради чего тогда выходят за муж? Поцелуи, ласки или, в конце концов, дети?

Я сморщила нос и скривила губы, представив полный комплект черноволосых спиногрызов вот от этого мимокрокодила. Но «Костик» воспринял мою гримасу по-своему.

– Ну да, тут ты права. Дети вечно орут, гадят под себя, и времени на них куча уходит. А как же тогда любовь?

– Бе!

– Секс, в конце концов! – внес следующее предложение бессмертный. Я сделала вид, что меня тошнит.

– Ну а поцелуй? – Тут я запнулась.

– Ага! – обрадовался мимокрокодил, думая, что нашел мое слабое место.

– Не «ага», я терпеть не могу поцелуй!

– Ну надо же! – воскликнул злодей. – Это, конечно, усложняет дело. Потому что я решил тебя поцеловать.

– Что-о-о-о-о-о??? – не поверила я. Но насмешник уже демонстративно, с усердием закатывал рукава. Как-то так серьезно и сосредоточенно, что я растерялась.

– Я вижу, тут предо мной не Баба-яга стоит, а Снегурочка бесчувственная. Я тебя чмокну разочек, ты и растаешь, но, может быть, здесь лягушка?

– Где? Кто-о? – не поверила своим ушам я. И задалась насущным вопросом: нет, он серьезно считает, что я дам себя слюнявить?

Оказалось, что Кощей серьезен как никогда. А еще этот гад стоит слишком близко ко мне. Увлеченная перебранкой, я и не заметила, как он подобрался почти вплотную.

– Ну, царевна-лягушка, подставляй сахарные уста. Чмокну тебя, и твоя курносая конопатая кнопка превратится во что-нибудь более благородное. Тем более, я смотрю, ты уже

начинаешь таять только от моего присутствия!

Нет, я и в самом деле слегка присела от чудовищной самоуверенности сказочного хлыща. Это его русалки с кикиморами испортили своим вниманием так, что он теперь воображает о себе невесть что. Смазливая рожа, богатырская сила и звание самого главного злодея изнанки еще не делают его первым женихом на деревне. Лично я видела в нем кучу изъянов, и первый дефект состоял в том, что он был он, то есть Кощей-наинаглейший, а не абы какой скромненький богатырь. Все мое возмущение вылилось в короткое:

– Да я убью тебя за это!

– Ну, допустим, я рискну, все-таки бессмертный! – Кажется, злодея моя угроза не напугала вовсе. Наглец сделал шаг вперед так уверенно, непоколебимо, что я невольно отступила назад.

Только культяпки у мимокрокодила были длиннее.

Схватив меня, он обвил мою шею хапалками, и я сама не заметила, как моя голова очутилась на сгибе его руки, а губы соприкоснулись с его губами.

Если и бывают сказочные миры, то только сейчас я попала в один из них. Все вокруг перестало существовать, я очутилась в каком-то ином месте, не похожем на другие. Незнакомые губы целовали робко, благоговейно. Легкие как перышко, нежные прикосновения обволакивали меня. Они успокаивали, объятья давали защиту. Я сама не заметила, как подняла руки и схватилась за эти сильные, поддерживающие ме-

ня плечи. Просто потому, что так было спокойнее и увереннее. Держась за них, я чувствовала себя защищенной и на краткий миг ощутила в полной безопасности.

Все было великолепно и сказочно, пока я для чего-то не открыла глаза и не увидела перед собой бледную и самую ненавистную рожу в изнанке.

Наглая морда, блаженно щурясь, тоже раскрыла черные бесстыжие зенки. Мы разорвали неожиданно долгий поцелуй и в ужасе уставились друг на друга. К моему неописуемому смятению, это оказался главный злодей собственной персоной.

– Отравишься, – озвучила общую мысль мшистого цвета псина, которая, дружелюбно помахивая хвостом, сидела у наших ног и, не смущаясь, наклонив голову на одну сторону, рассматривала нас.

Осознав, чем это я здесь занималась, я стала вытирать губы рукавом и отплевываться.

Кажется, это взбесило Кощея даже больше, чем в тот раз, когда я не пустила его в реальность, захлопнув проход прямо перед его носом.

Я не ожидала от злодея такого, но реакция на мое «фу» у Кощея была странная. Наглая морда вновь полезла целоваться, только в этот раз я была уже начеку и успела увернуться.

Неожиданно мы стали центром внимания всей поляны.

– Кощей ягу крадет! – запищали белки, и в бледный лоб

насмешника шибанула первая шишка. Да с такой силой, что любитель лизаться отскочил от меня на добрый метр.

К драчуну подбежала лисица и вцепилась ему острыми зубами в щиколотку. Кощей заорал от боли, и тут ему стало не до полизушек. Потому что подоспели остальные зубастые зверушки.

– Прочь, рыжая, а то хвост выдерну! – Дрыгнув ногой, мой супротивник зашвырнул лисицу в кусты. Надо отдать лисоньке должное, не знала я, что она такая смелая и верная подруга.

– Применяй силу! – закричала лисичка, вынырнув из кустов.

Что мне еще оставалось? Книга давно валялась где-то в траве, я последовала в точности совету рыжей.

Размахнулась и отвесила злодею увесистую пощечину. И тут же схватилась за отбитую руку. Морды лисы и Кощей вытянулись от удивления, до нас всех дружно дошло, что рыжая имела в виду магическую силу.

Кощей недолго бесился. С началом боя он стремительно пришел в себя и даже выпустил яд, который не преминул попасть в цель.

– В следующий раз попробуем что-нибудь посерьезнее! – Заливистый злодейский хохот заставил всех на поляне испуганно вздрогнуть, но это не умерило пыл лесных защитников. А вот меня не на шутку испугало. Что еще такое гадостное пришло поганцу на ум? Кощей-младший объяснил

очень быстро.

– Все решено, женой моей станешь! Никому тебя не отдам! Такая корова нужна самому! Яддушка, ты только подумай, какая выгодная из тебя жена выйдет: и в реальность ходить можешь, и любому богатырю фору дашь. А рога мы тебе пообломаем! Яд сцедим!

– Ты неучтивый хам! – Из травы на защиту моей чести колючей пулей бросился ежик. Но злодей был наготове. Навстречу ежу полетел сгусток зеленого пламени.

– Пшел прочь! Мешок с иголками! – рывкнул чернявый и запустил пинком несчастного ежика в полет. Тот, как баллистический снаряд, скрылся где-то в сияющей дали голубого неба.

Я, оскорбленная до глубины души «Яддушкой» и «коровой», бросилась на обидчика, не забыв подхватить с земли книгу. Открыла на первой попавшейся странице и увидела картинку бычка на доске. Рифма сложилась сама собой, еще с детства записанная на подкорке сознания и приправленная мезью.

– Идет Кощей, кончается, вздыхает на ходу: вот земля качается, сейчас я упаду!

Земля ушла из-под ног злодея. Невидимая сила поддела под колени Кощея и уронила прямо в грязь.

А я уже вошла в раж. Слишком мне понравилось то, как магическая сила швыряет, словно пушинку, наглую морду.

– Кощею – игнор, расти у него на носу мухомор! – Кажет-

ся, я уловила суть заклинаний.

Чпок! – проклюнулся на носу Кощея гриб.

– Много мухоморов... – мстительно прошептала я.

Чпок-чпок-чпок!

– Ну, Яддушка! – Чпок-чпок-чпок! – Ну, погоди! Я твою жизнь в ад превращу! Я этот прорыв три года готовил. А то, что ты мне помешала, век помнить тебе буду! – Чпок-чпок-чпок! – Моей ты станешь! Не успокоюсь, пока не добьюсь своего!

– Вот и не забывай! – огрызнулась я. – А твоей я никогда не буду! Скорее, ты мне принадлежать будешь! Мухоморы твои на закрутки пушу!

Чпок-чпок-чпок!

– Время рассудит – кто кого! А поцелуй я твой все-таки с собой заберу! – Взметнулось зеленое пламя, и наглец скрылся в языках огня. На поляне все еще звучал презрительный и раскатистый смех Кощея и валялась россыпь созревших мухоморов.

Веселится гад! Даже с грибами по всей морде веселится! И бесит, как же он бесит! Я со злостью захлопнула книгу.

* * *

В этом мире лисичка Патрикеевна выглядела до нелепого странно. Я-то ее представляла в виде хитрой и умудренной опытной женщины среднего возраста. Но передо мной стояла

рыжая девчонка чуть старше меня, с россыпью конопушек на носу. Желтые глаза с искорками смотрели весело. С морковными волосами причудливо сочетался зеленый атласный сарафан да березовые лапотки.

Чудо было в том, что на макушке у девушки торчали два оранжевых лисьих уха, а из-под сарафана выглядывал пушистый хвост.

Мишка косолапый, он же богатырь Михайлычев, выглядел как качок, нажравшийся анаболиков, и да, был здоров, велик и косолап. Столько мышц за раз я еще не видела. А кубики на животе словно высыпали из ящика. В общем, много их там было. Все это завидное великолепие пряталось за белой косовороткой, расшитой красными нитками по рукавам и вороту. Грива спутанных волос спадала на плечи и ползла дальше, покрывая спину и грудь медведя-оборотня. Простой железный обруч придерживал волосы от того, чтобы закрывать лицо. Я раз взглянула на Потапа Михайлыча и перестала его бояться. Да, лицо грозное, сосредоточенное и насупленное от титанического мыслительного усилия, которое нелегко давалось оборотню. А глаза у него большие, как у ребенка, карие и добрые.

Серый волк больше всего походил на разбойника с большой дороги, впрочем, с ним мы были уже знакомы: серо-стальными глазами на меня смотрел... местный мент Сережа. Я его часто видела на той стороне в деревне.

Тут же стояла стайка совсем сопливых и косоглазых дев-

чонок с одинаковыми волосами морковного цвета. Девчонки со смехом побежали к деревьям, подпрыгнули, будто гимнастки от легкой атлетики, и легко взлетели вверх, за ветки уже схватились рыжие белочки и поскакали дальше.

Не знаю, каким стойким заклинаем подпортил ежика Кощей, но все иголки у него закрутились спиральками, как хвостики у поросят. Так что сейчас ежик кучерявый представлял собой весьма плачевное зрелище.

Домик вертелся возле моих ног, попыхивая дымком из трубы, и ни за что не хотел отставать. Мне кажется, или он еще чуть-чуть вырос?

Идиллия просто. Если бы не смертный бой, пережитый мной полчаса назад, и не обещание Кощея еще вернуться, я бы вообще больше ни о чем не беспокоилась.

Поляну мы покинули всей толпой. До местных водоемов меня предложили проводить только лиса, волк и медведь, ну и еще горстка отчаянных и смелых. Петух как мой фамилляр увязался следом.

С корзиной вещей мы отправились в путь, чтобы к вечеру окончательно проголодаться.

Мы устроили привал и расстелили «поляну» из найденной на пепелище скатерти.

Звери метнулись по кустам, и через некоторое время каждый тащил в зубах что-то съестное, на свой вкус, конечно, кто что смог добыть.

Белки натащили ягод, грибов, орехов и шишек. В особен-

ности шишек, их было видимо-невидимо. Зайцы настрогали коры и побегов. Птички – семян, колосков, здоровенных мух и горки дохлой мелкой мошкеры. Медведь притащил целые соты, полные жужжащих пчел, от которых мы долго бегали кругами, пока птички не переловили всю кусаче-жалящую ораву и не добавили ее к общим запасам.

Лисичка положила перед нами бесчувственного зайца, который немедленно вскочил, высыпал свое добро в общую кучу и спрятался среди своих от греха подальше. Рыжая даже не смутилась от такого поворота дела, не ее проблемы, если жертва отказалась таковой быть.

Серый отсутствовал дольше всех и, наконец объявившись, стыдливо положил пред нами придушенную курочку. Долго же он бегал. Я предпочла закрыть глаза на милицейский грабеж среди бела дня. Наверняка метнулся в ближайшую деревню и реквизировал часть содержимого курятника.

Я поставила от себя банку клубничного варенья.

Мы разложили добытую снедь на расстеленной на траве скатерти и сели вокруг нее, облизываясь и потирая руки.

И тут на наших глазах углы импровизированной скатерти плавно воспарили, завязались узлом. Послышалось довольное чавканье. Узел ходил ходуном из стороны в сторону и уменьшался. А после плавно раскрылся, как цветок, и обмяк в пароксизме довольства. Исчезло все, на самодельной скатерти больше ничего не лежало.

Пропала даже стеклянная банка.

– Эт что такое? – Я единственная, кто решился нарушить шокированное молчание.

– Э-э-э-э-э... – пробормотал ежик. – По ходу, это скатерть-саможранка.

Мы все посмотрели на прожорливое сказочное существо, которое после обжорства удовлетворенно потирало уголком свою поверхность, как бы намекая: все было очень вкусно, спасибо, а теперь не мешало бы еще подзакусить. – Мы как-то разом отпрянули от скатерти-саможранки. Особенно лиса, которая отличалась острым чувством самосохранения.

– Тихо встаем и уходим... – предложил ежик. Он, как всегда, оказался прав. – По ходу, эта дрянь выпала из кармана Кощея, он много чего на поляне посеял, а мы по незнанию подобрали. Больше ни у кого такой пакости водиться не может.

– Вот как! – Я злобно вскочила, понимая, что из всех присутствующих здесь только эта хитрая тряпка не ляжет спать голодной. – Так, – скомандовала я. – Все уходим, найдем место погостеприимнее. Без всяких этих... – Я не знала, как обозвать такое сказочное чудо, которое жрет стеклянные банки и не давится.

Мы – кто гуськом, кто парочками, а по факту всей гурьбой – пошли прочь. Шли мы так долго и грустно, и очень голодно, пока я не встала как вкопанная и не почувствовала, как в меня врезался сзади идущий.

Я остановилась, звери столпились за моей спиной.

Прямо впереди меня на дороге, наскоро заброшенная ветками, кусками травы, песком и камнями, лежала скатерть-саможранка. Гостеприимненько так, на манер паучьей сети раскинув свои концы во все стороны.

Если бы не желтовато-белый цвет ткани с подпалинами, торчавший из-под сухой травы, я бы так и наступила в самую серединку. Страшно подумать, что произошло бы дальше. Не факт, что моя нога осталась бы цела, после того как углы платка сомкнулись бы.

– Если ее раз покормили, она теперь не отвяжется. Так и будет за нами бегать, – к моему великому ужасу, обронил курчавый ежик. Что же это означает? Мне теперь и в кустиках присесть не удастся, там может оказаться эта прожорливая ткань?!

В припадке ярости я ломанулась в вышеназванные кусты.

Все в этом мире против меня! Сначала я остаюсь совершенно одна, это уже само по себе тяжело настолько, что не поднять. Потом этот мимокрокодил со своими приставаниями. Вдобавок оказывается, что я еще и вернуться просто так не могу в свой мир, а теперь еще и эта прожорливая тряпка объела меня и всех остальных зверей.

Я схватила первый попавшийся мшистый булыжник и изо всех сил швырнула его в центр скатерти-саможранки.

Края ткани плавно сомкнулись. Послышался зубодробительный хруст и свист щебня, это время от времени вылетал из-под бахромы шальной камушек.

– Блин, она что, всеядная? – Я шокированно попятилась. Как-то резко расхотелось не то что есть, спать стало боязно. – Ну ее, эту тряпку! Уходим! – скомандовала я зверям. Но свалить мы не успели.

Прожевав булыжник, саможранка сыто вытянулась, скрутилась в жгут и завязалась узлами. Изобразила из себя нечто на манер собаки, с пучками ног и головы, а после поскакала вслед за нами, пачкая бахрому в пыли.

Реки и озера были прекрасны, русалки были ужасны.

Натуральные страшилища. Среди утопленниц я не нашла ни одной мало-мальски смазливой рожицы. Русалки, как стеллеровы коровы, устиляли берега, в некоторых местах слоями. Они не жились на заходящем солнышке, время от времени ворочаясь с боку на бок.

А еще они были не очень дружелюбны, я бы сказала насмешливы и злы. От скуки, не иначе. Поскольку к ним подвалило увеселение в виде ободранных в местных лесах зверей и одной потеряшки из реальности, вскоре на берегу стало очень весело и шумно. Толстобрюхие ленивицы изощрались в остроумии.

Прошлись по всем. По заплутавшему в трех соснах Михайлычу, обсудили статью и косматость богатыря.

«Портки не жмут? Ишь, разъелся!»

Вдоль серого волка, свалившегося в овраг, заросший чертополохом. Серый вынырнул оттуда весь в репьях и колючках.

«Не колет ли, красна-молодец?»

Прошлись вскользь лисы, которая клочками своей шерсти посетила все кусты в лесу.

«Видали воротники и пушистей! А это какая-то драная тряпка!»

Ну и, конечно же, не забыли меня, которая пострадала от лешего, водившего нас кругами, пока ему первому не надоело это дело и он не бросил сие бесполезное занятие. Ибо мы плутать отказывались и упорно шагали по одной и той же местности хоть десять, хоть пятнадцать раз подряд, бодренько так, с руганью и песнями, не сдаваясь и не падая духом. В конечном итоге леший сам был не рад таким невосприимчивым гостям и вконец расстроился, плюнул на все и вывел нас к озерам. Вероятно, в надежде, что голосистые русалки нас добьют, раз ему не удалось.

Короче, из леса мы вывалились грязными, оборванными, уставшими и тут же попали на острые языки утопленниц.

Мне с этими вздорными бабами хотелось общаться не больше ихнего, но выбирать не приходилось.

Правда, затопленные селедки выбора мне давать вообще не хотели, равно как и общаться со мной. Стоило мне к ним подойти и открыть рот, как я слышала: бултых!

Я даже не успевала сказать:

– Здрав... – но уже стояла вся мокрая, обтекаемая, а вредная водоплавающая корова выныривала в другом месте и затаскивала свою тушу на сушу.

Ситуацию спас Серый. Кто бы знал, что скромный волчок может так заливаться соловьем.

– Дамочки! Дамочки! Внимание! Только сегодня и у нас море позитива и полезных советов! Первый и последний раз, проездом из реальности, спешите или опоздаете!

Вот чудо! Резкие, гавкающие лозунги сработали. Любопытные русалки впервые не задирали нос, а стекались со всех берегов к месту, где мы стояли.

И тут я поняла, как Кощей стал первым парнем на изнанке среди русалок и кикимор. Здесь слишком скучно, а злодеи всегда много врут! Вот как Серый сейчас!

– Суперзвезда и невероятный специалист по семейным вопросам, отказавшая самому Кощею! Яддушка мудрейшая, из самой реальности!

«Только меня-то зачем сюда приплетать?!» – хотела зарорать я, но было слишком поздно. Десятки пристальных взглядов буравили меня. А мент по кличке Сергей все не унимался, более того, метнувшись к берегу, он сорвал длинный камыш и, схватив его как микрофон, подлетел к одной неосторожной утопленнице, так некстати вынырнувшей из воды как раз на пути его неумного энтузиазма.

– Вот вы, дамочка, скажите, есть ли у вас проблемы в личной жизни?

Пойманная врасплох молоденькая утопленница, бледненькая и вся в прыщиках, отвела в сторону взгляд и забормотала, теребя прядку волос:

– А что я... что я... – На бледных щеках русалки выступил не менее бледный румянец, вызванный животрепещущей темой.

– Конечно есть! У кого же их нет?! – подплывая, вклинилась в разговор более бойкая утопленница. – У нас на все озера и реки один водяной, вот и как, скажите, жить и размножаться?

– Да! – подтвердил всеобщий хор голосов.

Разговорчивость и общительность местных волка не пугала, более того, Серый отжигал и наслаждался своим звездным часом.

– Я так понимаю, что здесь встает очень большой половой вопрос и классический конфликт интересов! – выдал он замную фразу.

Никто не понял ничего из сказанного, кроме слова «половой», но все согласно закивали.

– А что, правда самому Кощею отказала? – вынырнула рядом со мной одна из русалок. Десятки глаз жадно впились в меня, оценивая, я покрылась испариной. Волк подлетел и сунул мне под нос камыш, ожидая моего ответа.

– Э-э-э... Ну, было дело...

– АХ! – всеобщий восторженный выдох, и десятки глаз загорелись хищным интересом, всем хотелось знать, как оно было. Это самое дело.

А я почему-то очень сильно разозлилась на Кощея. Вот прям несказанно озлобилась, можно было бы сказать – окры-

силась.

Ходит тут мимокрокодил, утопленниц соблазняет, глазки им строит, головы морочит.

Вон эти бледные и сизые личики все как одно повернулись ко мне, русалки пристально смотрят, ловят каждое мое слово, пропустить боятся, вдруг как не услышат самого главного. Вздыхают мечтательно, закатывая глазки к небу, и все о нем, о местном гаде и злодее думают. И я думаю, выбросить из головы не могу.

И так сильно мне ему отомстить захотелось за наглость, за беспардонное поведение и мимокрокодильство, а особенно за украденный поцелуй, что я впервые в жизни повела себя нагло и развязно на глазах у десятка людей или нелюдей, в общем, перед сказочными существами. Хоть я всегда была стеснительной, тут широко открыла рот – и понеслось...

– ...И вот пришел ко мне на делянку этот наглый злодей. Весь из себя лощеный сноб, рубашечка черная, глаженная, ботики лакированные, Фу-ты ну-ты!

– О-о-о! – Дружный стон сообщил мне о том, что русалки представляли, с каким шиком подкатил ко мне первый злодей изнанки.

– Только не на ту напал, ко мне на кривой козе не подъедешь! Я как закричу заклинание, и Кощей почти обратился в бегство!

– А-а-а-а! – дружный вздох восторга, а после дружный вздрог. То есть все вздрогнули и передернулись от звука так

похожего на хлопок открытия портала. Вот именно с таким звучанием у меня ассоциировалось явление из портала первого злодея изнанки.

Я превратилась в соляной столб, ибо это «вуф-ф!» прозвучало именно за моей спиной.

Не знаю, как я нашла в себе силы оглянуться, но я все же это сделала. К моему облегчению, никакого Кощея и портала сзади не оказалось.

Это всего лишь скатерть саможранка расправилась с резким хлопком и перезавязалась в нечто, напоминающее помесь Чебурашки и лопухого слоника с бахромой на кончиках ушей. Эти самые полотнища-уши были высоко подняты и широко расставлены, чтобы лучше слышать мой рассказ.

Убедившись, что мое бахвальство наказано и пресечено не будет, я продолжала:

– ...Я почти победила главного злодея, и вдруг он меня поцеловал...

Сама сказала, а после подумала: и для чего я это ляпнула? Разболтала на всю изнанку о своем позоре. Теперь языки этих сплетниц сорвутся с поводка, как гончие со сворки, и разнесут весть по всей изнанке о том, что Баба-яга с Кошеем целовалась!

– Ах-х-х! – это дружный вздох восторга сотряс прибрежную поляну, и одна за другой русалки бултыхнулись на спины и пошли ко дну. Вскоре над водой колыхались одни чешуйчатые жопки, утопленницы в экстазе вновь утопились и

теперь плавали на поверхности, как поплавки.

Такого восторга публики и сногшибательного эффекта я от своего в общем-то незамысловатого рассказа не ожидала.

От неожиданности у меня аж камыш-микрофон обвис, не растерялся только Серый. Подскочив к обморочной, он деликатно потыкал лапой в толстый зад, а после потряс, стряхивая воду.

– Дамочка, дамочка, а как нам в реальность отгастролировать? Там небось тоже послушать хотят, как Кощей был повержен на любовном фронте.

Счастливая от осознания своего косвенного причастия к любовным похождениям других русалка лениво всплыла и ответила:

– Эт, вам надо к водяному, на самое дно озера топиться, на ту сторону он провожает. – И закатив глаза к небу, русалка свободно, как жирненькое бревнышко, поплыла по поверхности водоема, то и дело мечтательно вздыхая. – Ах, вот бываю же мужчины, как Кощей... Все у него есть: и первый злодей изнанки, и красив, и, говорят, иностранец, родители его из реальности, нездешний он...

– Угу! – подтвердила дрейфующая рядом соседка. – Не то что некоторые – зеленые, и носки у них тиной воняют!

– Что вам стоит выдрессировать своего зеленого, не хуже заграничных из реальности будет... – Дружный плеск ознаменовал резкое и синхронное выныривание из-под воды утопленниц.

– Как это? – хором выдохнули русалки. Они вообще многое делали синхронно и вместе, как куры. Вероятно, и извилина у них тоже была одна на всех. – Он же единственный у нас такой, беречь его надо.

Вот зачем я снова рот открыла? Но отступить было уже поздно.

– Вот именно, что один, а вас много. Зажрался этот ваш зеленый, как небезызвестный мимокрокодил. Неужели вы дружно одного мужика, кхм... водяного не перевоспитаете? Что это он из вас как хочет, так водоросли и вьет? А все почему? Потому что один и власть имеет над вами, стоит ему щелкнуть пальцами, и вы прибежите кхм... приплывете к нему, словно самая мелкая и ничтожная селявка.

Ротики раскрылись в удивленные буковки «о», а лобики нахмурились от чрезмерных умственных усилий.

– Как же это отказать? Коли он среди тысяч утопленниц на тебя одну посмотрел?!

– Так вот сразу тысячей и отказать ему. А то он сейчас посмотрел, а через пять минут на другую глянул и на вас обращать внимания больше не собирается. Поматросил и бросил. Так?

– Так! – горестно выдохнули русалки. – И даже глядеть не собирается, если ему наперед что-нибудь не сделать – носки там постирать, водолазки погладить...

– Вот и вы от него нос воротите, да не поодиночке, а дружно, все вместе как одна! Пусть почувствует себя на вашем

месте! Прочтите его одним разом! Я, как специалист по любовным разборкам, дурного не посоветую. Вот вам крест! – утопленницы дружно поморщились. – Сразу ваш зеленый мужик покладистей будет, и уже не вы ему, а он вам чулки стирать будет!

Русалки засовещались. Тут я соглашусь, дала маху. Где утопленницы с их рыбьими хвостами и чулки? Эти две вещи и рядом не стояли. Но все равно про себя решила, что прокатит.

– Только вы это, меня с собой на дно возьмите, а то не дай бог что-нибудь не так сделаете. Потом уже не исправишь. Я уж приглажу, чтобы все правильно было.

– Только осторожно! – вклинилась в разговор лисица. – Так, чтобы не утопить нашу Ладдушку, а то она вам там такую конкуренцию устроит. Водяной на вас смотреть не будет вообще, а только на нее, яхонтовую нашу! – лукаво закончила лисичка. – А я здесь посижу, на бережку, должен же кто-то вещи сторожить.

Утопленницы дружно почесали в затылке.

– Утопить – запросто, но вот чтобы живьем на дно – это сложно... – Все пригорюнились.

– Но возможно! – рядом с заговорщицами вынырнула самая молоденькая из русалок. – А рыбы ягоды? Эффект не самый длительный, но под водой она дышать сможет... какое-то время, – закончила, сдувшись под конец, молоденькая утопленница. Уж очень пристально на нее смотрели бо-

лее старшие и завистливые товарки.

– А побочные действия? – строго спросили они.

– Ой, да ладно, кому когда плавники и жабры мешали? – русалка высунула хвост из воды и помахала им в воздухе, а я поняла, что встряла. – Спустя пару дней сами собой отвалятся. Иначе никак: или топиться как положено, или рыбы ягоды.

– Ладно, – решила я, уж больно утонуть не хотелось. – Согласна на ягоды! – Русалки дружно повеселели, видно, не одну утопленницу водяной своим вниманием обидел. Молоденькая русалка метнулась в камыши, порыскала, поплескалась там и вернулась с целой пригоршней зеленых ягод.

– Вот, вернейшее средство! Пять штук под язык, и жабры обеспечены!

Я, волк и медведь обреченно посмотрели друг на друга, а ежик уже взял ягоды и раздавал их всем желающим сопроводить меня в подводный мир.

Вызвались только вышеперечисленные животные, и я, еще раз обменявшись взглядами со своими сопровождающими, под радостные плески русалок закинула в рот ягоды.

* * *

Берег опустел. Все остальные звери, послонявшись туда-сюда, вскоре рассосались, олени и зайцы разбежались, барсуки уползли, птицы улетели.

Лисичка сидела у самой воды и любовалась своим отражением, кокетливо распушая шерстку и встряхивая великолепный хвост.

На звук открывшегося портала она отреагировала, словно заправский секретный агент: тут же шлепнулась наземь и притворилась дохлятиной. Только лапки, вытянутые к небу, подрагивали в предсмертных конвульсиях.

Во всполохах зеленого пламени на берегу озера появился Кощей-младший. Его пристальный взгляд осматривал берег и раскиданную на песке одежду. Его реакция потрясла наблюдавшую одним глазом за этим лисицу.

Злодей шарахнулся от сброшенной в спешке майки, кроссовок и потертых джинсов, словно они были бесовским наваждением или заразны, и в беспокойстве забегал туда-сюда вдоль воды.

В это время рыжая, поняв, что пахнет жареным, попыталась по-пластунски уйти из-под обстрела.

Стильный начищенный сапог наступил на хвост пытавшейся уползти в кусты лисы. Та вновь притворилась умирающей и задергалась в предсмертных конвульсиях.

– Где-е-е? – змеей зашипел первый злодей изнанки. Лисичка, не открывая глаз, пожала плечами и попыталась освободить хвост. – Шапку из тебя сделаю, модную, с хвостом! Где Баба-яга?! – Рыжая ткнула скрюченной лапой в сторону середины озера и продолжила дальше притворяться дохлятиной.

– Где?! На дне, у водяного? Да она с ума сошла! Он же ее утопит, только чтобы у себя под водой оставить!

Рыжая сделала жест, означающий нечто типа «А я-то в чем виновата, я ей не указ!» и дальше продолжила умирать.

– Он же у нас в изнанке первый ходок, столько девок перепортил и утопил. Деревенских, княжеских, нечистью даже не побрезговал и сказочными существами. Стольких лесовиц, полевков, огневок, просто умниц и искусниц погубил, ирод, и все ему мало! Одно разорение от него. Только стоит ему добиться той или иной особы, как он сразу же к ней интерес теряет! Да у нас же уже все водоемы ими забиты, как консервная банка сардинами, складывать утопленниц некуда. И вообще, так ей и надо! Эта жадюга иного не заслуживает, кроме как зеленого ирода в вечные мужья! – Кощей сказал и сам задумался. А после выдал вполне типичную мужскую реакцию. – А ты куда смотрела, рыжая?! Он ее там небось уже топил! – Лисичка хотела было показать, что она Бабе-яге не командир, все обстоит как раз наоборот. Ну топил и топил, сам виноват, что на Бабу-ягу нарвался. Она-де рыжая, даже и не собирается этого зеленого дурня спасти! Пусть получит по заслугам! За всех обиженных и оскорбленных дам.

Но в следующий миг у фальшивой покойницы очень широко открылись оба глаза, и морда стала еще длиннее и удивленнее. А все потому, что Кощей, стоящий над ней, одним рывком стащил с себя черную, расшитую серебряными черепами косоворотку, мигом оголившись наполовину. К нема-

лому изумлению рыжей притворщицы.

– Если уж кто и имеет право ей должок отдать, так я на первом месте! Самолично мочить ее во всех водоемах буду, пока прощение за закрытый портал и мухоморы не попросит!

Лисичка вполне понимала праведный гнев злодея. Мухоморы – это обидно. А ее сторона крайняя. Мало ему мухоморов? Ну хочет Кощей еще на бабо-ягское заклинание нарваться – всегда пожалуйста! Кто она такая, чтобы ему указывать?

Прыгая на одной ноге, Кощей стянул по очереди блестящие сапоги, а после без единого колебания сиганул рыбкой в озеро. Чтобы в следующий миг с воплем:

– У-у-уй! Холодно! – вынырнуть назад. Погрозиться: – Ну, Яддушка, погоди еще у меня! – Занырнуть обратно, чтобы больше уже не всплывать.

Хитрая лисичка, все это время изображавшая дохлятину, с одним открытым, ничего не упускающим глазом после отбытия Кощей на дно озерное вскочила как ни в чем не бывало. Достала откуда-то из-за спины платочек, помахала на прощание спасителю и, надев на себя на манер косынки, продолжила любоваться своим отражением в озере.

* * *

Озеро оказалось глубоким и широким. А еще здесь была

целая сеть водоемов, связанных меж собой рек, озер, студеных ключей, бьющих под водой, подводных пещер и даже имелся один дворец речного жемчуга. К нему-то мы и направились: где, как не там, обитать зеленому соблазнителю.

Только ставни подводного терема закрыты, речные сады безлюдны, словно вымерли все или утонули. И тем не менее русалки утверждали, что объект на месте.

Весь затык состоял в том, что его надо было как-то выманить из дворца. Мы с русалками призадумались, время тикало, действие ягод рано или поздно подойдет к концу. Я было предложила возвращаться, но утопленницы вошли в раж и придумали, как хитрее поступить. Они решили ловить соблазнителя на живца. Увы и ах – еж, волк и медведь тоже с ними согласились. Я была не против, пока не осознала, что жребий пал на меня.

Жарко посоветовавшись, все решили: кому как не мне, наряжаться в чучелко, – среди присутствующих я оказалась единственной, на кого зеленый охальник мог клюнуть. Всех остальных русалок он уже давно пересоблазнял, по нескольку раз.

Я отнекивалась как могла. Но меня быстро приперли к стенке.

– Это ведь ты специалист по отношениям и семейным вопросам! А мы даже эти отношения начать не можем, потому как у нас водяной один на всех! – Тут отболтаться мне не удалось, спасибо Серому. Я зыркнула на волка: тот, при-

зная свою вину, прижав плавники к морде, ретировался за медведя.

– Ты мастер в любовных разборках, вот и разбирайся! – скомандовала самая бойкая из утопленниц.

На меня накинудись всей толпой, надели на голову парик из водорослей, разрисовали лицо боевой раскраской, завернули в рыбацкую сеть, словно в тогу.

– Заодно и покажешь, как правильно эти самые отношения заводить! – воскликнула молоденькая русалка, и под вопли «Даешь мастер класс!» меня вытолкнули на площадь перед дворцом. Утопленницы притаились среди водорослей, тем более их бледненькие зелененькие личики способствовали успешной маскировке.

Все принялись ждать, а я, уже сто раз проклявшая эту глупую затею, робко двинулась вперед, трезво рассудив: «Назвался груздем – полезай в кузов!» К тому же, коли только водяной отправляет на ту сторону, его-то мне и нужно... поймать.

Я кралась и одновременно ощущала со всех сторон пристальные взгляды утопленниц, алкавших трудной науки соблазнения.

Ну что ж, гореть так гореть, соблазнять так соблазнять! Быть водяному моим!

Я присела на край фонтана, возвышавшегося в центре площади, и принялась ждать.

Пузырьки в фонтане бурлили и уплывали куда-то в под-

водные небеса, а мое острое зрение уловило легкое движение створки на одном из дворцовых окон.

«Пора», – скомандовала я себе и принялась расчесывать пальцами водоросли в парике.

Щель между створками стала шире.

Я начала поправлять на себе рыбацкую сеть и невзначай оголила бедро, мне показалось, что так подводная одежда сидит на мне лучше. Надо бы еще вырез ниже сделать, а то как-то здесь под водой душно.

Эффект не заставил себя долго ждать: окно распахнулось шире и в проеме появилась широкая рожа сластолюбца. Зеленая с длинными усами сома, она мало походила на человеческую.

А голос и вовсе был липкий и склизкий.

– Гр-р-ру! – пробулькал зеленый. – Какая красавица к нам пожаловала! – Подводный охальник выскользнул прямо из окна терема, минуя двери-лестницы, и подплыл ко мне. Я непроизвольно схватилась за булыжник, валяющийся на речном дне. Но неуклюжий кавалер пока не спешил набрасываться на свою добычу. Однако камушек я все же оставила на своих коленях – во избежание, так сказать.

– А расскажи-ка, девонька, с чего это ты вздумала топиться? Никак красоты неземной возжелала? Это можно устроить, хотя ты и без того прекрасна ликом! Али сокровищ подводных, злата-серебра, жемчугов с камнями захотела? Так ради благосклонности такой красавицы сделку можно

заклЮчить в единый миг, станешь самой богатой и красивой ундиной в подводном царстве! Ради твоего внимания я в лепешку расшибусь и наколдую!

– И не думала я вовсе топиться! – возмутилась я. – Не хочу я вашей сделки! – Водяной, поморщившись от моего резкого голоса, всколыхнувшего воду, обплыл меня по дуге и зашел с другой стороны.

– А чего же ты хочешь тогда, красна девица? Может, царство подводное увидеть, по дну морскому гулять, жемчуга собирать?

– Не буду я себе ноги вашими подводными камнями да ракушками портить! – взвизгнула я, видя, что водяной, как акула, подбирается все ближе. – Вон у меня кожа какая нежная!

Скользкие пальцы, как паучьи лапки, потянулись ко мне, но булыжник был наготове и ударил прямо по наглým хапалкам.

– Аки бархать! – подтвердил незадачливый хищник, по-сасывая пальцы. – Гр-р-р! – мурлыкнул водяной и, сделав круг, подплыл ко мне с другой стороны.

– А не думает ли красавица о свидании с богатейшим и знатнейшим представителем подводных жителей? Не думает ли она о выгодном замужестве?

– Не думает! – рявкнула я, прекрасно понимая, куда клонит обольститель.

– Ух, какая темпераментная! – в болезненном восторге за-

вопил подводный и, зайдя с другой стороны, начал прежнюю песню. – А не хочет ли...

– Не хочу, не буду! Отстаньте, противный! – как шарманка, завывала я одну и ту же мелодию. – Вы, батенька, отвратительны, мокры и зелены!

– Какой я тебе батенька?! – взревел уязвленный в самую печенку водяной. – Я мужчина еще в самом соку!

«Ой-ей! – подумала я. – Он же древнее этого озера и реки, вместе взятых! Вот уж поистине говорят: седина в бороду – бес в ребро!»

– Я для тебя ничего не пожалею! Высохну и перекрашусь! – И тут же в подтверждение своих слов водяной, как осьминог, пошел пятнами и стал лиловый в крапинку.

Я чуть в обморок не хлопнулась! Сидела и думала: что ж за прилипчивый гад такой? Как слизняк, зеленый... поправочка – уже лиловый, но отдающий синевой: видно, подводный соблазнитель пытался подобрать оттенок, наиболее приятный моему глазу. За неполную минуту он несколько раз менял цветовую палитру, текстуру и форму пятен, начиная от всех цветов радуги и кончая шотландской клеткой.

«Липкий! – осознала я, наблюдая этот кошмарный брачный танец пестрого подводного петушка. – Пристанет – не отвяжется! Ну что тебе еще надо? – взмолилась я про себя, понимая, что ухажер и не собирается сдаваться. – Я же уже раз пять тебя послала далеко и надолго, что ж ты не идешь?! – Глядя на выкрутасы подводного, я уже начинала

думать иначе. – Черт с ней, с этой реальностью! Сама как-нибудь. Неровен час, этот пылкий возьмет меня измором и долгой мучительной осадой».

– Слушайте, дяденька, вы подводный владыка, глава над всеми водными тварями, а я всего лишь маленькая и скромная человечка, нам никогда не быть вместе! Пропасть между нами слишком велика!

– Для истинной любви нет никаких препятствий! – Зеленый в красный квадратик ирод рванул на себе кафтан. – Никакой подводный каньон нас не разлучит! Я тоже в уничижение буду ходить босиком! – И тут водяной вздумал снимать чехол со своего плавника, то есть сапоги, носки, вернее речную разновидность обуви сапог и носок в единственном экземпляре. Я осознала, что сейчас умру, стоит только нюхнуть голый, не прикрытый ничем и много недель не стиранный, мужской ножной, в данном случае – плавниковой плоти. А водяной скидывал с себя кольца (единственный сапог давно унесло течением), расшитую жемчугом рубаху, портки, оставаясь в одном исподнем, а я морщилась и молилась при каждом его резком движении, в страхе ожидая, что еще голое и неприкрытое явит миру этот самоуничижитель.

Столько ужасной мужской пивной (или что они тут пьют) плоти за раз ни один девичий взор не может выдержать.

Закончив с раздеванием, подводный пополз на коленях мне навстречу, демонстрируя всего себя любимого во всей своей ужасной простоте. Мол, вот он я, не подводный царь,

а обычный водяной, весь я твой!

Более неловкого и криворукого ухажера я не видела в жизни. Это ж надо вздумать вонять на первом свидании и не свидании даже, а так просто – случайной встрече! Больше-го дурака в своей жизни я представить себе не могла. Даже Кощей как-то особенно стал мне мил по сравнению с этим желеобразным, небритым, обрюзгшим страшилищем, начиненным непомерно раздувшимся самомнением.

Теперь понятно, почему все утопленницы сохнут по Кощей! Он хоть и злодей, но у него все-таки и стиль, и манеры злодейские отточены, а этот... этот медведь неуклюжий! Потапыч по сравнению с ним – изящная балерина, ловкая, пружинистая и грациозная!

– Да уберите же кто-нибудь от меня этого водяного с его грязным носком! – взмолилась я, но помощи ждать было неоткуда. Мои звери сидели по кустам и не знали, чем помочь, чтобы не дай бог не испортить все. Русалки же впитывали науку оболщения и прерывать мастер-класс не собирались. Они видели: эффект есть, наука оболщения от противного действует! Каждый мой отказ еще больше наполнял водяного упорством и горячил ему кровь. Только ежик, притворившись морским, медленно, по-пластунски подбирался к месту театра абсурда.

– Одно свиданьице, душа моя! – ползал вокруг меня на коленях подводный, а я завывала в бессилии, проклиная всех и вся.

Также становилось ясно, почему у этого зеленого и пахучего субъекта все заканчивалось одним свиданием: опозорившись раз на первом свидании, второй раз позориться водяному не хотелось, потому все и заканчивалось столь скоропалительно и одноразово.

– Не обидь, красна девица, своим вниманием! – занял старую песню водяной-соблазнитель. – Век песок под твоими плавниками целовать буду! Царицей подводной сделаю! Все глубины к твоим ногам положу и в изнанке, и в реальности! – У меня в голове что-то щелкнуло. Я, сидящая к самоуничтожающемуся водяному спиной, с высоко задранном носом, лишь бы не нюхать его голых плавников, резко обернулась и посмотрела на него.

– В реальности, говориш-ш-шь? – Это змеиное шипение я подцепила от Кощея, не иначе. Как говорится, с кем поведешься, от того и наберешься. Такой злодей еще и не тому научит.

Теперь требовалось сообразить, как же заставить водяного открыть мне дорогу в мою реальность.

– Пожалуй, – накручивая водоросль на палец, протянула я. – На одно маленькое свидание я могу согласиться!

– Божественная моя! – проблеял водяной, становясь вновь зеленым.

– Но-но! Без перепончатых рук!

Водяной закружился вокруг меня, не зная, с какой стороны подобраться.

– Так как насчет реальности? – остановила я его метания. – Или слабо? Только ил и можете девушкам в глаза пускать?

Зеленый соблазнитель, покачиваясь с кончика хвоста на середку, спрятал загибающиеся хвосты за спину, борясь с искушением. Видно, для него я была твердой раковиной, просто так с наскока не раскрыть.

Я выжидательно изогнула бровь.

– Сейчас-сейчас, ягодка моя зеленокудрая! – И подводный засучил несуществующие рукава.

А дальше я могла смотреть только с раскрытым ртом. Неуклюжий прыщавый увалень, каким с первого взгляда казался водяной, оказался довольно могучим колдуном.

Его мокрейшество вскинул руки – и тут же толща воды сдвинулась, понеслась и закружилась стремительным водоворотом. Я это видела по плывущим водорослям и подводному сору. Вскоре в центре водоворота открылся портал и показали поверхность воды, клочок голубого неба, на фоне всего этого плавающий мусор, а вдалеке высокие башни небоскребов и многоэтажных домов.

Мои глаза тут же прилипли этим уродливым серым прямоугольникам. Даже плавающие по ту сторону водной глади отбросы сейчас казались мне нежно любимыми и желанными. Не хватало только одного: вдохнуть грязного, загаженного автомобильными газами и вредными выбросами воздуха из реальности. Один глубокий вдох – большего и желать

нельзя.

– Вот это да! – выдала от восторга я, открыв рот. Так просто: взмах руки – и вот он, мой мир!

– Гр-ру-ру! – забулькал от удовольствия водяной, комплименты и кошке приятны. – А может, и свадьбку с медовым месяцем в реальности?

– Ну конечно же, зелененький мой! – Я, видя, что водоворот портала почти открыт, готова была согласиться на все и сразу. – Только после, после. Начнем со свидания в реальности, а там посмотрим.

– Гу-р-р-р... – довольно проблеял зеленый, а я... я не отрывала глаз от дыры в реальность. Ни хлещущие потоки воды, ни рвущие мою одежду струи, ни застилающие глаза пузыри и донная взвесь, ничто, повторяю, ничто не могло помешать мне поедать глазами столь желанные моему сердцу небоскребы и плавающий на поверхности мусор. Увы, помешал парик, съехав на лицо и закрыв весь обзор на столь прелестную картину.

– Это что такое? – завопил водяной, видя, как порывом воды снесло с меня волосы из водорослей. – Ты не утопленница, ты живая! – Лицо его мокрейшества расплылось в уродливую гримасу разочарования, обиды и обманутых надежд. – Обвести вокруг пальца решила, вздумала сбежать? – догадался мокрый.

– И чем дальше, тем лучше! – не подумав, выдала я, решив, что сейчас самое время драпать, пока подводный не

очухался.

– Ну так вот, сначала свадьба, потом все остальное! – И новоявленный женишок бросился на меня с липкими обнимашками. Хотя, скорее всего, он, как всякая водяная нечисть, пытался меня просто утопить или задушить своими перепончатыми лапами.

Насилу увернулась, и то все благодаря скользкости водяного. А дальше начался уже не просто фарс, а первостатейная комедия.

Я бегала кругами по морскому дну, поднимая тучи ила, водяной – за мной. К моему ужасу, дыра портала в реальность стремительно уменьшалась, а у водяного имелось явное преимущество в виде рыбьего хвоста, перепонок и плавников.

Русалки в экстазе вылезли из зарослей и широко раскрытыми глазами наблюдали этот идиотизм. Единственное, что они понимали, – загадочная методика оболъщения мужиков действует, и они стремились постичь ее суть.

Я ускорила настолько, насколько могла, уже совершенно неподдельный страх подгонял меня, заставляя быстрее перебирать лапами.

Вопль возмущения и растоптанного самолюбия всколыхнул и без того беспокойную толщу воды.

Увы, водяной оказался гораздо хитрее, чем я думала.

Пока я бежала кругом вокруг портала, он зашел с другой стороны. И я прямо с разбега попала в его широко расстав-

ленные лапы, оказалась в его скользких пупырчатых объ-
ятках, и меня тут же с силой прижали к огромному пивному
животу в мелкий прыщик.

Почувствовав эти липкие прикосновения, я не смогла
сдержать своего отвращения. Это было последней каплей в
озере терпения его мокрейшества, такой несговорчивой лю-
бовной добычи еще не попадалось в лапы этого сладостраст-
ного хищника. Никто и никогда из живых или мертвых так
не унижал подводного владыку.

Холодные лапы сомкнулись на моем горле.

«Мне конец», – мелькнула мысль.

А мой мир был так близко! Вот она, реальность, только
руку протяни. Я и в самом деле напоследок, прощаясь, по-
вела ладонью в сторону полузакрытого портала. Все, сейчас
меня утопят, и я навсегда останусь на озерном дне в компа-
нии нестиранных носок его мокрейшества.

И столько возмущения поднялось со дна моей души! Вот
столько же, сколько от натуги из-под хвоста пускал пузырьрей
душивший меня водяной.

«Не быть носкам его мокрейшества стиранными! Я ему
тут такой гендерный "революсьен" устрою, что он водицы
чистой невзвидит! – внезапно решила я. – Ишь вздумал де-
вок портить и топить!»

В загривок водяного врезалась благословенная консерв-
ная банка, спасая подводного от жестокой участи.

– Руки прочь от Бабы-яги! – завопил Кошей, пуская пу-

зыри, но все-таки каким-то чудом умудряясь удерживать героическую позу в бушующем водовороте.

– Это кто это здесь баба?!

– Да! – подтвердила я, потирая опущенное водяным горло. – Кто?!

– Ты! – обвиняющее ткнул в меня пальцем Кощей, как бы намекая на то, что я должна всех предупреждать об этой маленькой неприятности, случившейся со мной в сказочной изнанке.

– Я? – сделала возмущенное лицо, отрицая все и вся сразу.

– Баба? – вклинился водяной в нашу перебранку. – Яга? А с чего это я должен ее тебе отдавать? Может, у нас любовь подводная! – А быстро этот гад мокрый сориентировался.

– Да, может быть! – подтвердила я. – И вообще, у нас свидание в реальности!

Но Кощей это заявление не впечатлило, он, не задумываясь, был готов встать между двумя. И не просто скромненько встать, а растолкав локтями конкурентов, преудобненько устроиться на самом лучшем месте.

– Ты, мокрая твоя душонка, не разевай беззубый рот на то, что тебе не принадлежит! Баба-яга будет моя! В конечном итоге у меня к ней счет имеется.

Его мокрейшество лучезарно сверкнул акульей лыбой. Да так, что я вздрогнула, столько клиновидных зазубренных зубов за раз я в жизни не видела. То есть до этого были цветочки, теперь пошли ягодки?

– Сам бы ты, щенок, прибрал свои сухопутные лапы да не твякал, зря сотрясая воду! Моя Яга, не отдам. Такая корова нужна самому. К тому же она согласилась быть моей подводной царицей! Ты в полете, косточка!

Я чуть не задохнулась от такого заявления. Кажется, мы договаривались только о том, что меня препроводят в реальность, не более. Вроде все было ясно.

Только вот я не знала, что теперь делать, оказавшись меж двух огней: с одной стороны – зеленый и любвеобильный зубастик, а с другой – первый злодей изнанки собственной персоной – Костиан мерзейший. И у каждого из них ко мне имеются свои счета.

Самое неприятное было в том, что во время разборки я оказалась как раз недалеко от Кощея.

– Симпатичный прикид, – посмотрев с прищуром на мою одежду из рыболовных сетей, оценил почти бессмертный и тут же с ехидством посоветовал: – Ты, когда в следующий раз топиться будешь, кирпич к пяткам привязывай и рожу зеленкой мажь. Тебе пойдет, а то цвет лица больно свежий.

Ёрничает засранец, как пить дать издевается.

«Ну и черт с ним, – решила я, – лишь бы водяного отвлек, а я в это время рыбкай – и в портал».

– Пузырь-трава или жабрягоды? – уточнил Кощей уже более серьезно, отодвигая меня за свою спину так, что мои пятки, к которым следует привязывать кирпичи, поехали по илистому дну. – Впрочем, неважно, здесь делов-то на пять

минут, сейчас мы тебя от этой зеленой водяной пиявки избавим.

Нет, мелочь, конечно, а приятно, когда за тебя заступаются и готовы избавить от назойливого кавалера. Вот бы и от себя тоже не забыли избавить, и мы в расчете. Прощу тогда сожженную бабушкину поляну и дом ейный, который по Кощеевой милости неизвестно куда сбежал.

Обстановка накалялась, ярлык «зеленой присоски» очень уж не понравился водяному.

– Сам такой! Урод приبلудный, чуже-Сранец поганый, импортный. Из реальности к нам подброшенный! Видно, ты там мамке не нужен был, если она тебя к нам вышвырнула, только и здесь ты на фиг никому не сдался! – огрызнулся оскорбленный подводник.

«М-да... – внезапно осознала я. – Это как же часто существа из одного мира шастают в другой?! Во-первых, чтобы нахвататься словечек из реальности, а во-вторых, чтобы, пробегая чужой мир, ребенка там посеять. И вот что произошло».

– Ну, пеняй на себя, мокрый! – сквозь стиснутые зубы с не менее мерзейшей улыбкой ответил первый злодей изнанки. Видно, очень уж задело его сказанное.

– Сам смотри не склей ласты, сопливый, до поры до времени, пока я тебя уму-разуму не поучу! Бр-ру-у-у! Молодеж-ж-жь пошла! – злобно забулькал и замотал щекастой головой подводный.

А дальше, как водится, пошел махач, серьезная разборка драчливых самцов, в которой мне делать было совершенно нечего.

С таким недобрый прищуром, которому бы позавидовала любая карга, Костик почти бессмертный двинулся на зеленого.

«Делов» оказалось на целых десять минут.

Водяной уже нудно, но с душой завывал заклинание:

– Слуги мои верные! Друзья заповедные! Придите на помощь батьке своему! Кощей-супостат воду мутит, честным водяным жить не велит!

Я попятилась, взглядом осмотрев приплывших на зов заклинания, а это было непременно оно, такие отвратные стишки, сварганенные на коленке, ни с чем не спутаешь! У слуг верных, друзей заповедных я обнаружила столько зубов разом, сколько не видывали ни в одной стоматологической клинике. И каждый призванный был голоден.

На что недобренько так ухмыляющийся Кощей отреагировал довольно-таки своеобразным способом, шагнул в сторону и лишь небрежно бросил:

– Эй, тряпка, фас! – Из-за спины злодея выскочила моя старая знакомая, которая еще долго будет сниться мне в страшных снах, – скатерть саможранка.

Я вылезла из-за защитной спины злодея, потому как очень хотелось надеяться, что скатерочка справится с этой оравой бешеных селедок. Но Кощей, как всегда, испоганил весь

кайф. Крепко схватив меня, он попытался лишить удовольствия лицезреть капитуляцию зеленого прилипчивого лове- ласа.

Да что это делается-то? Где это видано, чтобы с девушками так бесцеремонно обращались, заталкивая за спину и за-гораживая весь обзор?

Подчиняющиеся водяному речные жители бросились бы- ло на Кощея и меня, висящую в его руках. Это я пыталась отвоевать место под солнцем. Но путь зубастикам прегради- ла скатерть-саможранка.

Широко раскрыв пасть и процеживая бахромой толщу во- ды, подобно морскому скату, расправив углы, она скользила, пожирая заградительные отряды подводной стражи. Вместе с пытавшимися драпать рыбами в саможранку также поме- щались целые центнеры воды.

«Бездонная она, что ли?!» – мелькнула у меня в голове мысль. Даже сам Кощей не ожидал подобного эффекта. Про- жорливая дрянь лопала все без разбору.

Расстановка сил тут же изменилась.

– Карау-ул, люди добрые! Русалки-селедки, лещи-караси, шуки-плотвички мои верные, на помощь, грабят! Воду-у-у-у крадут среди бела дня! Девушку крадут! Бабу-ягу отобрали!

Как будто впервые меня видел, Кощей ошеломленно по- смотрел на свои руки, в которых находилась удобно устроив- шаяся я. Результатом нашей бескровной драки стал тот факт, что я удобно сидела в первых рядах, прямо на шокирован-

но подставленных руках первого злодея. А что? Очень удобно! По дну всякие зубастые плавают, цапнут за пятку, наверху безопаснее. В общем получалось, что меня действительно отобрали в прямом смысле слова. Только сам злодей в этом не участвовал, его подставила жертва.

Желанная добыча женского пола не соблазнилась шарообразной тушей водяного. И трепетное сердце зеленого лове- ласа не выдержало подобного фиаско и подводный продол- жал изливать горе в речные просторы.

– Невесту воруют! Жену поперли! И все он, злодей! Ко- щей! Чтоб тебе, бессмертному, пусто было! Всех утопленниц приворожил! Так теперь и на мою честно добытую Бабу-ягу зуб свой злодейский точит!

– Это кто меня там добывал? – взвизгнула я фальцетом из рук первого злодея изнанки. Что за несправедливость тво- рится вообще в этой чертовой сказке?! – И когда это я же- ной уже стала? – возмутилась я, осознав, что уже заочно и околыцевать успели, и обмануть по всем фронтам.

Но первый злодей изнанки только ухмыльнулся и, развер- нувшись, показал зеленому неприличный жест, почерпну- тый не иначе как в реальности. Со мной в руках, между про- чим, развернулся. Кощей-младший и не собирался отпус- кать, а прижал меня к себе крепко-крепко. И я поняла, что встряла, оказавшись там, где и хотел почти бессмертный.

К моему разочарованию, испуганная морда Кощея – это было последнее, что я увидела. Потому как в следующий миг

перед глазами поплыли красные круги и я, окончательно потеряв способность дышать водой, вместо воздуха заглотила целую пригоршню мутной речной жижи. И пропустила все, что произошло после.

Очнулась уже на поверхности с кошмарным ощущением, что к моим губам присосалась какая-то пиявка. Первая паническая мысль была такая: зеленый победил и женится!

Но все оказалось гораздо хуже. Стоило мне открыть глаза, как я увидела самый страшный кошмар в своей жизни.

Кощей, склонившись надо мной, приник к моим губам и делал... делал... искусственное дыхание!

Только кто же делает искусственное дыхание с языком?! А этот гад делал, и ему это занятие, по-видимому, нравилось.

Я только была не в восторге! Никакого уважения к Бабе-яге! А где страх, спрашивается, где особый пиетет? Как-никак я одна из ключевых фигур в сказочной изнанке, правда, еще ни в чем не разобралась, но я исправлюсь. Нужно же все-таки держать почтительную дистанцию? Он злодей, а я представитель добра, защитница всех птичек и зверюшек в сказке! Как вообще наше столь тесное и слюнявое общение скажется на моей репутации?! Все мужики эгоисты, о себе только и думают!

Ему-то все нипочем, соблазненную Бабу-ягу ему только в карму запишут. Вон, видите ли, какой крутой злодей, саму защитницу добра и справедливости охмурил, а мне при этом каково? Обидно, конечно же! Вот если бы я его... Впрочем,

эта мысль была настолько кошмарной, что я, недолго думая, с воплем «Пошел прочь!» оттолкнула Кощея прилипчивого подальше. Нечего мне здесь целовашки устраивать под видом спасения!

Кощей поверженный с воплями рухнул в воду, чтобы в следующий момент выпрыгнуть. Я заметила, что ссадин и синяков у первого злодея изнанки поприбавилось. Видно, все самое интересное развлечение я пропустила, пока была в отключке.

Рядом на воде, словно подбитая субмарина, дрейфовал не менее побитый водяной. Он театрально стонал, протягивая руки к сердобольным русалкам, всплывшим на поверхность, чтобы посмотреть, чем кончится подводный блокбастер с элементами неразделенной любви, разрушенных надежд и прочего. В общем, утопленницам шоу понравилось, с чем я себя и поздравила.

– Рыбоньки мои милые, – млея обиженный подводный, – идите к папочке. – И только зеленый протянул свои перепончатые руки, чтобы обнять утопленниц, его огорошил истошный визг.

– Уйди, противный!!! – Русалки прыснули во все стороны, как тараканы, только хвосты в воздухе мелькнули и круги по воде разошлись.

В абсолютной тишине квакнула, чтобы тут же замолкнуть, какая-то невероятно смелая лягуха.

Одиноко дрейфующий водяной так и торчал посреди ре-

ки, замерев в изумлении, растопырив руки и пальцы.

До зеленого довольно долго доходило, что теперь правила игры в его мокрейших владениях поменялись кардинальным образом. Когда водяной разлип и осознал, что ему самому придется заботиться о себе и о своем огромном хозяйстве, он расстроено пошарил в воде и достал оттуда рыбу.

– Вот что, Кощей, – держа холодную рыбину около подбитого глаза, произнес водяной, – подавись ты своей Бабой-ягой!

– Она у меня и так поперек горла, – ответил злодей-младший, выжимая подол косоворотки.

– Но смотри, – продолжал напутствовать зеленый, – еще раз в моих реках и озерах появишься, я твоему батьке всю малину испорчу. Он у меня ни капли воды больше не получит, и тогда сам с ним объясняться будешь.

– У нас свой запас имеется, – огрызнулся почти бессмертный, указав на мокрые следы на песке, которые оставляла после себя нахлебавшаяся речки скатерть саможранка. – Не какому-нибудь сому зеленому грозить первому злодею изнанки.

– Ты еще не первый! – погрозил кулаком водяной и резко в отчаянии нырнул, чтобы уплыть на самое дно, там забиться в свой подводный дворец и пить горькую с горя. Что-то ему подсказывало, что теперь придется самому чулки русалкам стирать, лишь бы они на него хоть одним глазком взглянули.

– Зато я быстро учусь! – парировал Кощей, обсыхавший

на берегу. Злодей меланхолично проводил взглядом стайку пузырей и расходящиеся по воде круги.

Я в отчаянии уставилась на разливавшуюся реку. Видно, с горя водяной решил здесь все затопить.

На противоположном берегу стояли мои звери: медведь, переминающийся с ноги на ногу, серый волк, чешущий лапой затылок, и лисичка, в отчаянии бегающая туда-сюда по берегу.

Коротко посоветовавшись, звери начали давать мне сигналы, что пойдут в обход и догонят меня, когда смогут перебраться через реку. Серый взял след, Михайлыч показал знак «не унывай», а лисичка погрозила пальцем и ткнула в Кощея, мол, не зевай! Я помахала ладонью вслед уходящим.

И правильно, я бы сама не рискнула лезть в воду. Либо злой как черт водяной утопит, либо перевозбужденные победой над единственным мужиком русалки на радостях до смерти зашекочут.

Только один из стоявших по ту сторону решил лезть в воду. Домик, кто ж еще. Судя по всему, куда я – туда и он. Избушонок разбежался и нырнул.

Действительно, что ему сделается, он же деревянный?! Это медведя речные зубастики до костей объесть могут, лису на подводные половики пустить, а от волка один хвост оставить. А бревна не поглотаешь, будь ты самая зубастая и прожорливая пиранья в обеих реальностях.

И все-таки я с тревогой наблюдала за своим домиком,

смутно понимая, что это все, что у меня осталось от бабушки, помимо книги и звания Бабы Яги.

Где-то на середине реки мой домик на несколько минут скрылся под водой.

Сердце екнуло так сильно, что я со страху чуть сама не полезла в реку. Только чья-то рука схватила и удержала, а убедившись, что я не сигану в реку, отпустила.

Секунды текли мучительно долго, складываясь в минуты, домика не было видно, даже круги успели разойтись на воде.

Я решительно шагнула вперед. Руки там, не руки, а мой домик никому не отдам!

Но в следующий момент из воды вынырнул избушонок, целый и невредимый, отчаянно по-собачьи загребающий цыплячьими лапками.

Стоило глупышу выбраться на берег, я тут же кинулась к нему, осматривая на предмет поломок и взлома. Огромный амбарный замок по-прежнему висел на двери.

Еще я волновалась за книгу. Пряча ее от Кощея, я положила кладезь яговских знаний на прежнее место – туда, откуда взяла. То есть на полку, самую дальнюю, спрятавшуюся за печкой в крохотном домике на курьих ножках. Резонно полагая, что широкоплечий Костик-первый туда банально не пролезет. А значит, бабушкины тайны будут в безопасности.

К слову надо сказать, я сама чуть не застряла, пряча волшебную драгоценность. Вот была бы потеха, обнаружь меня Кощей на берегу реки в такой позе.

А что если теперь книга испорчена водой?

Я подошла к дрожащей избушке, открыла замок, а за ним и дверцу.

Вместе с потоком воды, парой рыбин и лягушек, к моим ногам шлепнулся лысый и мокрый ежик. Я в неожиданности застыла.

– Представляешь, эта безмозглая деревяшка посреди реки увидела рыбу, – отрапортовал Ежик. – Открыла дверь и погналась за ней, пытаясь проглотить! – намекая на особую тупость древесины, поведал мне ежик и как кит пустил фонтанчик воды. – Йоу, чувиха, все на месте, будь спок! – Успокоил колючий, теперь, после Кощеева заклинания, кучерявый ежик. С душераздирающим стоном мой главный советчик перевернулся на пузико, поднялся на лапки и засеменял вперед. А боевые мне попались домик с ежиком.

– Отдохнула? – резко бросил обсохший не иначе как от злости Кощей. – Вставай! Надо как-то отсюда выбираться.

Я и сама понимала, что надо валить: не ровен час, до водяного в полной мере дойдет, какую феминистическо-матриархальную революцию я устроила в его территориальных водах, и приплывет мстить. А вместе с ним могут нагрянуть чудища пострашнее зубастых рыбок. Я вспомнила Кракена из пиратов Карибского моря, сбледнула с лица и резко вскочила.

Сам водяной оказался не промах. Он хоть с виду и валенок валенком, но, пожалуй, сможет и на суше догнать, да на-

поддать лешей. Так что необходимость смываться я прекрасно осознавала. Только вот чего я не могла понять, так это то, с какого перепугу Кощей здесь раскомандовался? Кто его главным назначил? Правильно, никто! Поэтому я с легкой душой и чистой совестью послала почти бессмертного куда подальше.

– А не пойти ли тебе лесом, господин бессмертный?

– Нет, мы пойдем через болота, – абсолютно серьезно с лицом покорителя морей ответил Кощей. – В лесу леший, и он не в ладах почти со всеми, вздорный старик. С кикиморами раз в десять легче договориться, я знаю, как.

Нехотя я признала его правоту, особенно после того, как вспомнила, сколько мы со сказочными зверями блуждали по лесу. Что ж, Кощей почти местный, несмотря на то, что говорил водяной, по крайней мере, долго здесь живет, значит, должен разбираться лучше меня.

Вымокшие, воняющие тиной и водорослями, мы поплелись вдоль берега, чтобы впоследствии углубиться в просторы заливных лугов.

В конечном итоге я всегда смогу бросить Кощея посреди топи и незаметно скрыться.

* * *

Луга были не просто заливные, они сочились и чавкали влагой под ногами. Водяной старался изо всех сил, только

вот здесь были свои законы, и с водой делали что хотели. А именно квасили, гноили и сбраживали.

Со мной на этой стороне реки оказался только кучерявый ежик, который теперь превратился в лысого – стесняясь своей кучерявости, он стыдливо прятал свои колючки, каким-то образом втягивая их в тело. И верный домик – вся моя конница, вся моя рать.

Мы долго чавкали по зеленым от ряски лужам, пока не уткнулись в землянку.

– Тек-с, – обрадовался Кощей. – А вот и первые аборигены, – и недолго думая схватился за дверную ручку и дернул на себя.

– Хоть бы постучался, пень неучливый! – послышалось рядом. Но первый злодей изнанки уже скрылся в черном дверном проеме.

Я обернулась и столкнулась нос к носу с гусиным носом. Натурально птичий клюв, торчащий посреди обычного человеческого лица, а из-под сарафана выглядывали смущенно переминающиеся гусиные лапки.

Впрочем, если припомнить лисичкины уши поверх головы и хвост, нахально торчавший из сарафана, да плюс мента Серегу, стыдливо прячущего волчий хвост в брючину, то клюв уже не кажется чем-то особенно страшным. Ну, нос и нос, гусиный.

– Здоровеньки вам, и откель вы таки взялись, чумазые и мокрые? – первой очнулась кикимора.

– Э-э... – затруднилась я с ответом. И сразу как-то само собой пришло на ум: – Сами мы не местные, проездом у вас из реальности. Нет ли чего-нибудь попить, а то так есть хочется, что переночевать негде?

– Поищем. – Сухо ответила кикимора, ни на грош мне не поверив. Я бы себе тоже не доверяла: мокрая оборванка в сопровождении наглого мимокрокодила. Та еще компашка. Тем не менее кикимора хлопнула в когтясто-перепончатые ладони, и из-под трясины тут же с чавканьем вырос пенек, надо сказать, трухлявый и червивый местами. А рядом материализовались ещё два пенечка поменьше. Сверху скатерть, на которую я так недобро покосилась. После знакомства с саможранкой я еще долго буду бояться любого накрытого стола.

Поверх всего кикимора водрузила огромный, покрытый патиной самовар. А ее товарки, появившиеся из ниоткуда, притащили колотый сахар, чашки, блюдца, и, отойдя в створонку, замерли.

Очнулась я уже сидя на пенечке. Морок какой-то просто!

– И долго ли вы странствуете? – разливая чай, вежливо поддерживала беседу, видно, главная среди всех болотница.

– Да вот как начали, так вернуться не можем, все в пути, как цыгане. Вы, кстати, их здесь где-нибудь поблизости не видели?

– Не видать.

– Жа-а-аль. Это решило бы все. Мы у вас в изнанке мно-

гое уже успели повидать. – Продолжала я светский разговор, прихлебывая из блюдечка и аристократически оттопыривая мизинец. И все бы ничего, очень даже мило, только остальные кикиморы медленно подбирались поближе, и это немно- го напрягало. То ли тоже послушать хотели, то ли нечто гад- кое задумали. Куда вообще он подевался? Как мог бросить меня одну в подобном окружении? Впрочем, это в духе зло- деев.

– Как вообще пройти на ту сторону? А то мы и в реально- сти гастролировать хотим... – как бы невзначай спросила я, откусывая кусочек сахара и запивая чаем. Станный, между прочим, чай, пьешь-пьешь, а вкуса не чувствуешь.

– Слышали-слышали про ваши гастроли, – закивала голо- вой кикимора. А я скисла. Неужели уже знает про наш поход на речное дно?

– Водяной валерьянова корня объелся после ваших га- стролей, – прокомментировала болотница наше выступле- ние. – И утопиться решил с тоски, ну и всех остальных за- одно на дно пустить.

– Так вы знаете... – кисло уточнила я. Была еще одна при- зрачная надежда, что не все известно кикиморе, и та не лоп- нет от смеха, а все-таки покажет нам, как на ту сторону пе- ребраться.

– По воде слухи бы-ы-ыстро расходятся, – подтвердила мои догадки кикимора, прихлебывая из блюдечка. Я окон- чательно сникла. Как бы эта мокрень утконосяя не подумала,

что мы у них здесь гастролировать вздумали, и не послала нас куда подальше в пешее болотное путешествие.

– Мы тут у вас так, проездом, – поспешила я разуверить нечисть в ее подозрениях, – выступать не будем. Вы нам расскажите, как на ту сторону перебраться, мы с Кощеем и уйдем, подобра-поздорову. А то ежели мы останемся... – решила я припугнуть болотницу. – Я за себя и первого злодея изнанки не отвечаю, как начнем гастролировать, как начнем...

– На другую сторону можно перебраться через землю, воду, огонь и медные трубы.

Вода! В тот день, когда убежал бабушкин домик, в пристанище прежней Бабы Яги шел сильный дождик. Водяной делал портал из речной воды, тины и песка.

– А земля? – переспросила я.

– Говорят, – начала рассказ кикимора, подперев щеку кулаком, – в горах, где обосновались самые лютые злодеи, изгнанные Бабами Ягами, есть черная-пречерная пещера, а в ней бездонный-бездонный колодец, и тот колодец на ту сторону и ведет. Только вот никто оттуда доселе не вернулся.

– Ну, правильно, что не вернулись, у нас в реальности лучше, нафиг возвращаться, когда здесь такое... – и я обвела руками разорение, творившееся вокруг. Трухлявые коряги, трясину и прочий пахуче-гниющий пейзаж.

– Сомневаюсь, что у вас там лучше было, – мурлыкнула кикимора себе под нос, на мгновение в клюве мелькнули

мелкие острые зубки, и нетерпеливо переступила гусиными лапками под столом. – Раньше здесь все было иначе. Трехголовые змеи-горынычи стадами бродили, травку щипали, переваривали ее и выдыхали горючий метан через специальные железы в пасти. Красиво это было, я вам скажу, когда в ночи огонь вспыхивает. А теперь здесь просто экологическая катастрофа, все залито водой, деревья гниют, трава давно превратилась в ил, и растет здесь только тина да ряска. Огни сверкают исключительно призрачные, потусторонние – то болотные газы на поверхность выходят в том месте, где кто-то сгинул в трясине.

Я была в шоке не от того, что когда-то здесь бродили гигантские трехголовые огнедышащие динозавры, а по той причине, что кикимора знала такие слова как «метан» и «экологическая катастрофа»!

– Мне так жаль, – пробормотала я. – Огнедышащие трехголовые динозавры и вправду интересны.

– В конечном итоге все пришло из реальности.

– Что все? – Встрепенулась я.

– Все это! Машины, загрязняющие природу, радиоактивные выбросы.

Я была в шоке от таких откровений. Неужели наши из реальности и сюда добрались? Тогда где они? Я должна найти их и спросить, как они попадают назад.

– И кто же виноват во все этом? – задала я вопрос, чтобы получить зацепку.

– Кто, кто? – удивилась болотница моему незнанию. – Кощей!

Я была не удивлена, кому же, как не первому злодею, гадить на природе.

Кстати, вспомнишь про гумно, вот и где оно? Где вообще Кощей шляется?

Вокруг послышался приглушенный гусиный гогот. Рядом стояла еще одна кикимора, стыдливо переминаясь с лапки на лапку, а поодаль еще одна, а дальше еще, и еще, и все из этих всех внимательно слушали рассказ про былые времена.

И как-то внезапно их особенно много оказалось, и все рядом.

Я резко ощутила, что мне срочно нужен первый злодей изнанки. Ну, вот прям вынь и положи мне его сюда. Пока его будут бить кикиморы за экологический бандитизм, я успею убежать.

– Извините? А вы моего спутника не видели? – отважилась я на вопрос.

– Какого спутника? Ты здесь одна была.

Она издевается, что ли?! Не врубилась с первого раза я. Но стоило посмотреть кикиморе в прищуренные смеющиеся глаза, до меня дошло: не просто издевается – троллит, пиявка болотная, и про трёхголовых горынычей и про экологическую катастрофу зубы заговаривает.

Возбужденный гогот и шипение раздалились уже совсем близко.

Кикиморы окружали. Не все из них были одеты в сарафаны, некоторые щеголяли расписными китайскими халатиками, теми самыми неопределённого размера с молнией впереди, в крупный аляповатый цветок.

«Так, значит, выход в реальность здесь имеется». – Быстренько сообразила я.

Ладно, моя задача вывести эту зеленую заразу на чистую воду. Я еще окончательно не сошла с ума, чтобы не помнить, с кем пришла на болота. Такого наглеца, как Кощей, раз увидишь – не скоро забудешь. С другой стороны, я мечтала уже забыть и развидеть этого не в меру ретивого мимокрокодила, черт с ним, пусть где-нибудь здесь в этих топях сгинет. И все бы было ничего и все бы было ладненько, только вот я начинала всерьез беспокоиться: куда же он запропастился?

– Так кто, вы говорите, здесь устроил экологическую катастрофу? – Переспросила я у ждущей вопроса кикиморы.

– Он! – Обвиняюще гаркнула нечисть. – Кощей!

– Э-э-э? – у меня случился разрыв шаблона. Я вопросительно ткнула большим пальцем за спину в сторону землянки и уточнила. – Тот самый Кощей, с которым я пришла?

– Та, не-а! Тот, с кем ты не приходила сюда, тот так, сыночек его, а я имела ввиду Кощея-старшего бессмертного. – Нагло усмехаясь, разъяснила кикимора и платочек так кокетливо под подбородком перевязала. – Понаехал тут со своими подручными, понастроил заводов и прочего, житья не стало. Реки запрудил, луга залил, болота осушил, все с ног на голо-

ву поставил. Засел в костяных чертогах, в железных горах и не выходит. А нам здесь житья нет. Ты пей-пей чай, – и улыбается так хитро, двуличная гадина. – Нам бы, конечно, до самого старшего злыдня добраться, ну ничего, нам и младшенький злодей сгодится. Мы через него все исправим. Ну как, вкусный чаек? – интересуется болотница, а я уже злиться начинаю и понимаю, что от столь вопиющей наглости меня начинает нести. Защитная реакция такая на грандиозное неуважение к Бабам Ягам.

Вот нет у меня чувства собственного сохранения, да и других я не жалею. И ничто меня уму-разуму не учит, потому я вновь, не думая, открыла рот, отхлебнула глоток чайку и полезла давать непрошенные советы.

– А вы здесь филиал движения Гринпис откройте! – зло предложила я.

– Нет, дорогуша, Гринпис – это все цветочки! Привязывая себя к деревьям, устраивая марш-протесты и размахивая плакатами, ничего не добьешься, у нас другой план есть, – и кикимора загоготала, как заправский злодей. Того и гляди, Кощею-младшему фору даст в сто очков.

– Ну, дело ваше, мое – предложить. У меня встречный вопрос: а тот, с кем я сюда не приходила, он где сейчас? – спросила и осознала, что почему-то не могу вспомнить имя того, с кем на болота пришла. Размытый образ помню, чувствую, что бесит он меня несказанно, а вот имя из головы внезапно вылетело.

– Занят, милая моя, очень сильно занят и еще долго будет. Он у нас тут каждый пенек, каждую кочку после своего бати исправит, даже если у него это займет сотни лет. Ты пей чаек, пей.

Я резко выплеснула пойло на землю, понимая: еще глоток – и собственное имя забуду. Домик, который в это время разглядывал гусиные лапки у одной из кикимор, шархнул-ся в сторону.

– Жаль, что ты такая несговорчивая, – пригорюнившись, сообщила мне кикимора. – Хотела с тобой по-хорошему, да не вышло.

– Это дрянью поить по-хорошему? – взвилась я. На земле была расплёскана зеленоватая болотная водица с вкраплениями ряски. От одного вида того, что я пила, меня чуть было не стошнило. Зато от острого чувства отвращения с меня разом слетел весь морок и чары, которыми меня опутывала эта толстозадая... жаба. Натуральная жаба, зеленая, пупырчатая и с клювом вместо носа.

– Теперь тебе не уйти отсюда. Если бы поумней была, приятеля своего нам оставила, мы бы тебя склероз-травой напоили и за пределы болот вывели. Ты бы и пошла дальше, ничего не помня, зато жива-здоровехонька. Нам с конклавом Ягг ссориться нечего. А теперь не уйдешь, здесь останешься, навсегда. Спрячет твои косточки топь-матушка, небось, свои не найдут. – Произнося все, словно приговор, кикимора медленно вставала из-за трухлявого пня, спустя неполную

минуту ее фигура уже возвышалась надо мной. Лицо болотницы стремительно теряло свою привлекательность, а вместе с ней в трясине растворялись и нехитрые чары, с помощью которых меня так ловко оболванили. Теперь я видела, как все обстояло на самом деле. Самопальный стол был покрыт гнилой тряпкой, поеденной червями, а самовар, стоящий на пеньке, весь дырявый от ржавчины, был пуст и холоден.

Вокруг простиралась трясина, горели призрачные огни, и рой голодной нечисти ожидал команды, переминаясь с лапы на лапу, голодно сглатывал слюну.

– А ну-ка, девочки, взять Бабу Ягу!

Орава плоскостопых кикимор вразвалку двинулась на меня.

А бежать на болоте, как известно, некуда. Нет, простора здесь, конечно, вдоволь, можно сказать, полная чаша до горизонта, только вот почва из-под ног так и норовит убежать с чавканьем.

Я шарахнулась в одну сторону – угодила в польню. Кинулась в другую – провалилась в жижу по пояс, развернувшись, я ринулась к покосившейся землянке. Рванула на себя дверь и, скомандовав домику с торчащим из окошка ежиком: «За мной!», нырнула внутрь.

Засов в мгновение ока встал в пазы, я могла поздравить себя со сверхзвуковой скоростью.

С той стороны двери деликатно постучали. Послышался знакомый издевательский голос:

– Какая невоспитанная Баба Яга, хоть бы постучалась. – В следующий момент в дверь забарабанили с такой силой, что она заходила ходуном. Но какое-то время я могла быть спокойна, толстая деревянная балка сдержит нечисть.

Встав к входу спиной, я осмотрела помещение и от увиденного замерла в шоке.

С гусиным шипением две кикиморы, схватив бесчувственного Кощея за волосы, усердно топили его в кадке с болотной тиной.

– Да что ж вы делаете? – не выдержав такого старания, завопила я.

– А что? – хором удивилась нечисть.

– Ничего особенного, топим! – ответила одна из молоденьких кикимор, пожимая худенькими плечиками. – С нами он здесь останется. Так главная велела. Мужем нашим вечным будет, а через него мы и до Кощея-старшего доберемся.

Никогда бы не подумала, что скажу такое, более того, истошно выкрикну, но...

– Помогите! Кикиморы Кощея крадут!

Вот такая у нас, баб-яг, горькая женская доля, все сами да сами. Как всегда, рассчитывать я могла только на одну-единственную иголку, оставшуюся у ежика, крохотный домик и саму себя.

«Книга!» – вспомнила я и застыла в раздумьях. Что с ними, окаянными, учинить, может, опять мухоморов наслать?

Я глянула на нечисть. Часть из них щеголяла еще и не такими украшениями. С кикимор свисали гроздья поганок, полотнища тины; из волос, собранных в замысловатые прически, торчали кокетливые ветки и коряги, покрытые лишайником.

Не-е, только не мухоморы, а то еще краше станут и не дай боже приставать начнут к Кощею. Его и так сегодня помяли, бедного. А значит, еще злодею добавим сверху, чтобы жизнь малиной не казалась.

Я с мрачным удовлетворением открыла волшебную книгу. Слова заклинания пришли сами.

– Кощей-ротозей, рот до ушей, стань не костяным, а водяным!

С воплем «А-а-а!» трансформированный Костик вынырнул из кадки, видно, очнулся и понял, что дышит водой. Лицо злодея было краше, чем у китайского пчеловода.

Кикиморы отреагировали незамедлительно.

– А-а-а-а! Уйди, противный!

«Эмансипация и феминизм, как заразная болезнь, распространяются по изнанке, словно бациллы в воде», – отметила я про себя.

Нечисть в испуге, не разбирая дороги, ломанулась в закрытую дверь. Дробно стукнулась узкими лобиками в гнилое дерево, отшибла последние мозги и прилегла отдохнуть там же.

– Вот что, Костик! – змеей зашипела я, упирая руки в боки.

– Яддушка! – выплевывая болотную жижу, проблеял очнувшийся Кощей с раздутой уродливый рожей водяного. Ну как, это, конечно, была не настоящая физия подводника, а жутчайшая пародия на него. Одутловатые щеки, раздутые закливанием, гнойные прыщи по всей поверхности и странный зелено-серый оттенок.

Меня передернуло от отвращения. Мелькнула мысль и взаправду бросить на болотах первого злодея изнанки. Пусть ползает, нечисть пугает. Но тут же передумала, вспомнив фразу: «Такая корова нужна самому». А месть – это блюдо, которое надо долго и тщательно готовить.

Хочу я или не хочу, а только с такой толпой кикимор мне в одиночку не справиться. Было бы, конечно, правильно оставить мимокрокодила здесь – хлебать тину с его разлюбезными красавицами. Но Кощей в изнанке представлял из себя нечто вроде бессмертного терминатора, под завязку напичканного магией, и она-то, его сила, мне сейчас нужна была позарез.

Кое-как поставив пошатывающегося Кощея на ноги, я скомандовала:

– Валим! – и вывалилась в дверь.

Злодей, не разбирая дороги, кинулся следом, в хвосте бежали Избушонок и ежик. Мы умудрились проскочить прямо под носом у армии разъяренных кикимор. Теперь оставалось только добраться до леса – и дело в шляпе.

За спиной слышались грохот и стоны. Я на бегу огля-

нулась. Кощей-страшнейший валялся на дороге, в его ногах запутался домик.

Морда мимокрокодила уткнулась в лужу тины, он попытался вынуть моську. С чавканьем болото отпустило лицо, и Кощей-перевроплощенный в просветах ряски увидел свое отражение.

Истошный визг страха, который никак не могло издавать горло вполне себе взрослого мужчины, огласил гниющие окрестности.

– Расколду-у-уй! Я больше не буду-у-у! – провыл Костик-мерзейший, в мольбе протягивая ко мне руки. Правда, злодей не уточнил, чего он не будет.

За Кощеем Бессмертным уже скакал табун возбужденной нечисти. Видно, кикиморы решили, что с лица мужа воду не пить, сойдет и такой урод. И вообще физиономия в мужике не главное: такая корова, как первый злодей изнанки, нужна самим.

– Спаси-и-и, помоги, не хочу жениться! – вопил Костик, и столько страха было в его глазах, что, недолго думая, я развернулась и побежала обратно.

– А вот так тебе и надо, – проводила я экстренное вправление мозгов сказочному злодею. – Не будешь на кикимор заглядываться. Будешь себя еще так вести – оставляю... Э-э... Козленочком?! – У Кощея, нахлебавшегося болотной жижи, довольно быстро, можно сказать, прямо на моих глазах, начинали отрастать рога.

Видно, моя магия и чары трясины вошли в какое-то странное взаимодействие, превратив Кощея в чудо-юдо болотное. А может быть, лужа, в которую по самую маковку нырнул злодей, была не так проста, как казалась. Вон по краю воды парнокопытные следы натоптаны.

Я подняла глаза и похолодела: впереди нас до самой кромки леса таких луж было видимо-невидимо, и у каждой из них уже кто-то потоптался.

Я со вздохом вскинула на свое плечо подвывающего Кощея.

Конечно, потом я об этом пожалею, но если рассуждать здраво: баба яга я или нет? Защитница всех тварей в изнанке или как? Вот-вот, а Кощей – та еще тварь, но как-то жалко мужика на расправу кикиморам отдавать. Такая корова нужна самому.

Я швырнула первое попавшееся заклинание в подоспевшую кикимору и потащила раненого на всю голову Кощея. Гуселапая болотница превратилась в пенек с лапками и, тычась во все подряд, поковыляла прочь, а сзади нас уже догоняли остальные кикиморы.

Еле-еле выбравшись из топи, мы с Кошеем как были все в тине и ряске, так и рухнули на траву и обессиленно заснули в обнимку.

Проснулась я от ядреного «Кукареку!», раздавшегося прямо над ухом. Мертвый бабкин петух нашел нас не иначе как по запаху и проделал свою любимую штуку. Тихо под-

крался и заорал. А теперь этот засранец как ни в чем не бывало сидит рядышком на камне, попыхивая жаром, и любитесь результатом своей пакости, наклонив голову набок. И ведь не убьешь, ибо мертв уже.

Очнулись мы на поляне, обычная такая полянка с цветочками, только они сразу завяли от одного присутствия Кощевской чудо-юды рядом.

– Што таке? – восстал из мертвых чуть было не украденный Кощей. Повернув голову, я испуганно вздрогнула. Петух, узрев лик первого злодея изнанки, испуганно заорал и, всполошившись, побежал прочь.

Я его отлично понимала: на измененного магией Кощея без слез не взглянешь. И действительно, хотелось горько плакать от одного вида звериной рожи, покрытой синей клочковатой шерстью, а когда ты окидывал взглядом всю картину, начиная от кончиков витых рогов и заканчивая козлиной бородкой на одутловатой медвежьей роже, глаза начинали слезиться вновь. Только вот самому мордоизмененному было все равно, он шумно радовался жизни.

– Эх! – Спасенный злодей вдохнул полной грудью воздух и резко выдохнул. – Хорошо быть неженатым!

Я скрипнула зубами. Жаль, что в лесу нет камней потяжелее, но я лелеяла надежду найти дубину поувесистее и поучить уму-разуму это неженатое и безмозглое страшилище.

– Ты зачем, урод, к кикиморам в трясины полез?

– Кто ж знал, что они Кощеева тела возжелают? Они все-

гда меня так привечали. Бывало, идешь вечером по краю болота, а они из трясины выныривают, вежливо с тобой здороваются, на чарку наливки зовут и фонариками дорогу в свои подземные владения освещают. Знаешь, у них там под трясиной целые города! Ну, по крайней мере, так говорят.

– Ой, дебил, ой, идио-от! – по-волчьи завывала я, закинув голову к небу. – Даже в реальности каждому ребенку известно: если темной ночью кто-нибудь зовет тебя с болот – не ходи! Утащат в омут!

– С чего бы это?

– А тебе непонятно?

– Ну вот правда – зачем?

– Жениться! – отрезала я и увидела, как испуганно вытянулось лицо первого злодея.

– Я жениться не хочу, ведь все решено уже, – зевая, потянулся Кощей. – Мы с тобой давно вместе, только без женитьбы. А что, мне очень даже нравится. Без всяких там проблем и обязательств! Всегда мечтал о собственной Бабе-яге! А теперь расколдуй меня, а?

Я долго, пристально и мстительно смотрела на Кощееву синюю морду, с упоением впитывая каждую уродливую черточку искаженного лица.

– Да ни за что! – выдала я, резко встала и зашагала прочь. – Я в детстве, может быть, тоже мечтала завести себе чудо-юдо болотное.

– Яддушка, ну постой! – заблеяло чудо-юдо злодейское,

вскакивая и припуская за мной. – Что тебя не устраивает?

– Да все! – огрызнулась я и подумала: «Понеслось!»

– Ну прости, Яддушка! – Кощей бежал следом.

– Ага, шаз! Я Лада, между прочим!

– Ну хорошо-хорошо. Я знаю, что виноват, правда, не знаю в чем. Но кикиморы, они знаешь какие...

– Какие?

– Хитрые, я до последнего надеялся, что эта тварь нас на ту сторону пропустит, а она ишь чего захотела.

– Чего? – в ярости переспросила я.

– Кошеева тела! – При упоминании, как этого придурка пытались утопить, я скрипнула зубами.

– Гр-р-р!

– Я тоже так думаю. Обойдется она, много хочет. Я свою свободу пуще жизни берегу, шустра больно, выдумала еще – женишком ейным стать. Я, может быть, ничейным быть хочу!

– Гр-р-р! – Я круто, по-акульи развернулась и шагнула навстречу Кощей. – Вот и береги! Береги свою свободу, только где-нибудь там! – я махнула рукой в сторону. – Или там, а только не здесь, рядом со мной! – Я ткнула пальцем в землю. – Потому что здесь я и сама... Гр-р!

– Сама что? Также бережешь! – догадался Кощей, ни на шаг не отставая. – Дело хорошее, только девушкам этого достичь трудно, натуры у них такие, чуть что – так сразу замуж.

– ГР-Р-Р-Р-Р! – отозвалась я, пытаюсь сообразить, как бы

и чем прихлопнуть этого теоретика и знателя девичьих душ. Но, как назло, под руку ничего не попадалось.

– Так не расколдуешь?

– Нет.

– Почему?

– А натура у меня такая – девичья! Как мужика увижу, так сразу жениться начну! – злобненько пообещала я. Морда Кощея вытянулась, он проникся угрозой и призадумался, оценивая свои шансы на свободу. И надо полагать, расклад был не в его пользу.

– Ну, ты это, ничего так... и портал в реальность открывать умеешь. Правда, дефект в тебе один есть, ты... Баба-яга добрая.

– Что-о-о? А сам-то ты кто, сам? Злодей!

– Это ж круче! – возгордился Кощей.

– Вот я тебе покажу сейчас, какой злой могу быть! – пообещала я первому злодею изнанки.

Теперь мы призадумались оба, получалось, что вместе нам никак не быть. И это отчасти радовало. Меня. А вот Кощей задумался.

Я и сама понимала, что позарез нужна ему.

И к моему великому неудовольствию, он мне тоже был нужен.

Поскольку такая магически одаренная корова нужна самому. Хоть я и являлась Бабой-ягой, но на самом деле в изнанке не имела никакого веса – ни магического, ни иного.

Разве что репутация у баб-яг была своеобразная. Только в том-то и дело, что была. Стоит какому-нибудь сказочному существу или нечисти разочек схлестнуться со мной – и сразу становится понятно: Баба-яга еще зеленая, неопытная, а значит, сразу попадает под термин «добыча».

Зачем каждому в изнанке нужна своя яга, я не знала, но подозревала за этим какие-то совсем уж гадостные мерзости.

С другой стороны – Кощей. Силен немерено, терминатора пополам согнет, только вот умишком не вышел, раз его даже кикиморы, у которых мозг один на всех, смогли вокруг пальца обвести.

Я с удивлением задавалась вопросом: как так может быть? Вроде бы первый злодей изнанки не дурак, но наивен и простодушен до жути, словно его жизнь не била, друзья не предавали, знакомые не обманывали. Пораскинув мозгами, я пришла к выводу, что все так и было. Первый злодей изнанки такой же зеленый, молодой и неопытный, как и новоявленная Баба-яга из реальности.

Опыта Кощейю набраться было неоткуда. Кто посмеет тягаться с первым злодеем изнанки? Все почтительно уступали дорогу. Ну почти все: те, кто не уступил, убежали, поджав хвост, как водяной. А кикиморы – это они от отчаяния, трудно без мужика жить, да и им досталось от злодея.

Вот и смотрел Костик на все широко открытыми наивными глазами. Ибо, чтобы озлобиться и в заядлого злодея превратиться, время нужно и опыт.

Оттого что Кощей вовсе не был отъявленным злыднем, бесил он меня еще больше. Хотя если бы не он, мне бы ни за что не выбраться с того болота. И волшебная книга здесь не помогла: заклинания я знаю плохо, по воде бегаю и того гаже. Если бы не трансформированный злодей, так бы там и остались. Было, конечно, непонятно, кто кого спасает – я его или он меня, особенно в тот момент, когда, вскинув меня на плечо с воплем: «Не отдам Бабу-ягу, самому нужна!» – этот ненормальный понесся к лесу.

Ему в общем-то было все рано, по каким трансформационным лужам скакать, он уже и без того перевоплотился в козленочка.

Мне еще раньше эти лужи показались подозрительными, разноцветные какие-то, шевелятся, тянутся и ползут за тобой, некоторые затянуты радужной пленкой.

Я же в тот момент пребывала в шоке и могла только с немым ужасом наблюдать с плеча Кощея за превращениями и двигаться задом наперед в полной недостижимости радиомагической водицы.

А вот кикиморы, гнавшиеся за нами, хлебнули волшебной влаги сполна. По болоту теперь чего только не шастало. Сразу становилось понятно, откуда берутся всякие там грифоны, манतिकоры, василиски и прочая нечисть.

Вот и злодей, сейчас сидящий рядом на травке, представлял из себя такое страшилище, что даже я, насмотревшаяся фильмов про чужих, при взгляде на сказочное чудо-юдо

вздрагивала.

Немножечко грело душу только то, что Кощей сделал это ради меня, хотя надо признать, первого злодея изнанки всегда интересовал исключительно собственный шкурный интерес.

Нужна ему Баба-яга, позарез нужна, чтобы в реальность перебраться, а зачем и почему ему это необходимо – не говорит партизан. Я грешным делом уже заподозрила, что он там опыта в злодействе набраться хочет. И это напрягало меня, бабушкину преемницу, ягу во втором поколении, защитницу людей и зверей.

Но сейчас меня терзали уже совсем другие тревоги. Лес вокруг нас как-то помрачнел, и даже неба стало не видно из-за черных, густо переплетенных веток. Мы забрели в самую чащобу.

Не то что местность, но сам этот мир я знала плохо и даже не представляла, как в нем ориентироваться. Одна надежда на то, что Кощей как абориген лучше меня во всем шарит.

Получалось, что пока все не решится, нам с первым злодеем вместе быть. Он без меня сам не расколдуется, а я без его защиты сгину в сказочной изнанке, сразу после первого шага.

Во всей этой ситуации была одна маленькая проблемка: не признаваться же первому злодею в том, что я без него выжить не могу, не так ли? А значит, требовалось очень ловко обвести почти бессмертного вокруг пальца, убедив того,

что это не я, а он без меня шагу ступить не может. Затаив на дне души коварный план, я приступила к запудриванию мозгов. В конечном итоге со злодеями надо обращаться по-злодейски.

С напускным равнодушием я взглянула на Кощея. Ноль реакции со стороны злодея, мимокрокодил только тяжело дышал от быстрого шага.

«Ничего, ты обратишь на меня внимание!» – скрипнула я зубами.

Я стрельнула глазками в злодея, тяжело задышала, заобмахивалась ладошкой, делая вид, что мне жарко.

Злыдень засопел чаще, только я вот уже делала вид, что он больше меня не интересуется.

С вялым интересом рассматривала лес, небо, травку, Кощея и тут же дежурно вздрогнула. Страшен черт! Нехило досталось злодеюшке на болотах, и как только жив остался после такого? Любой бы давно копыта отбросил, а этот парнокопытный семенит по лесу себе, новоприобретенным хвостиком козлиным помахивает да затылок мохнатый задумчиво чешет.

– Не с той стороны от рогов чешешь, – съехидничала я, присаживаясь на пенечке. А что? Я же вся устала и запыхалась. Могу я отдохнуть или нет?

– Тебе бы не озадаченно сзади рогов чесать, а лобик узкий погладить да придумать, как нас из этих дебрей лесных вывести! – Кощей повалился рядом.

– Из этих дебрей только леший вывести может, – огрызнулся в ответ чудо-юдо Кощеевское, – а ты бы в свою очередь взяла книгу волшебную, яговскую и расколдовала, глядишь, я бы чего и придумал.

«Ага, щаз! – подумала я. – Держи карман шире!»

– Цы-цыц-ц... – сочувствуя, поцокала языком, осматривая все еще растущие рога, которые уже начинали ветвиться. – И что же это за дрянь такая была?

– Радиомагические выбросы, отходы с чародейских заводов, алхимики и колдуны сливают на болота отработанные зелья, вместо того чтобы утилизировать как полагается. – И так небрежно он это сказал, словно гадить вокруг магическими отходами – это нечто обыкновенное. Злодей, одним словом. Ни птичек, ни рыбок, ни земноводных, ни зверушек, ни кикимор ему не жалко. Даже себя не особо жалеет, вон уже и к рогам притерпелся, и с хвостом пообвыкся. Сидит обмахивается им от мошкар.

– И как так можно?! – воскликнула я, стоило Кощею в доказательство своего безразличия зевнуть и почесать лохматую морду. И еще: – Кошмар! – оценила я злодейский оскал.

– Да хватит уже причитать! – расхорохорился Кощей. – Расколдуй – и делу конец!

– Нет, дружочек, от такого самому тебе нипочем не расколдоваться, – с сочувствием протянула я, осознавая, что, может, даже никто не сможет его обратить, после того как он с маковкой окунулся в подобное. – Я так понимаю, что изме-

нения – не самая сильная твоя область магии, ты больше по огненным шарам и разрушающим молниям специалист, не так ли? – Первый злодей изнанки даже не стал отпираться.

– Значит, ты меня расколдуешь? – воспрянул духом Кошей. – Ты ведь по перевоплощениям, зельям там лечебным всяким мастер?

«М-да... – прикинула я про себя. – Такого больного на всю голову ни одно варево вылечить не сможет. И зачем он только в магические отбросы полез, не ради меня же, в конце концов?»

Припомнив план, я коварно заулыбалась.

– Расколдовать, конечно, можно... – Лицо злодея осветилось счастьем. А я скрипнула зубами: он что, меня за дурочку держит? Ага, щаз! Так я и согласилась его сразу расколдовать. Шкура ему медвежья, что ли, так жмет, что он из нее выскочить побыстрее хочет? А по мне, так в сказочно опасной изнанке рога и богатырская сила – дополнительные преимущества против нечисти. Да и копыта тоже – в случае чего обидчика и затоптать можно. Эх, грехи мои тяжкие! Будем злодеев уму-разуму и доброте учить. – Не за бесплатно, – стерла я одной коротенькой фразочкой лыбу с лица Кошей, заодно на корню погубив всю надежду. – Ты злодей, не забывай об этом.

– Я исправлюсь... – соврал Костик.

– Ага, как же, так я и поверила! – Поняв, что не все коту масленица, первый злодей изнанки насупился. Он-то наде-

ялся – ему сейчас все на блюдечке положат, ан нет, поработать придется на злодейско-исправительных работах! – Пожалуй, я могу тебе помочь, но только за пару-тройку услуг.

– Каких? – вздохнул Кощей, будто торговля была для него обычным делом. И, к моему ужасу, сидя на пеньке, принял развязную позу, всячески демонстрируя свое преимущество. Развалился, закинул ногу на ногу и посмотрел на меня своей наглой прищуренной зенькой.

Очень уж мне эта готовность вволю торговаться не понравилась.

Но я все же попыталась. Уселась очень прямо, скрестила руки на груди в калач и стала перечислять все прегрешения Кощейюшки.

– Ты, злыдень, кажется, со мной на свидание сходить мечтал, чтобы я тебе экскурсию по реальности устроила? Только обломился.

– Твоими стараниями, Яддушка! – прошипел в ответ Кощейюшка, вспомнив свое фиаско на поляне и то, как жареный петух надавал ему тумачков.

– Жениться настырно хотел?

– Уже передумал, я не настолько бессмертный, чтобы вечность с такой изжогой мучиться. – Я скрипнула зубами от такого наглого ответа, но все же где-то в глубине души возгордилась собой, так злодеям кровь портить надо еще поучиться!

– Тела баба-яговского возжаждал? – продолжала я прес-

совать первого злодея, припоминая ему его грехи. – Купить меня вздумал?

– Не купить, а взять в аренду! На купить у меня валерьянки для нервов и противоядия от такого я-яда, что из тебя сочтется, не хватит, – пробубнил Костик.

– Ну так вот, в наказание, чтобы я, Баба-яга, сменила гнев на милость, ты, первый злодей изнанки, сам мне экскурсию устроишь по сказочной изнанке. И не просто так на кусты и деревья посмотреть, а чтобы был полный моцион с аттракционами. По всем главным достопримечательностям. И ты у меня всецело на побегушках, как золотая рыбка у бабки. А обращался чтобы со мной, Бабой-ягой, с особым пиететом! И тогда, так уж и быть, возьму книгу волшебную и расколдую тебя обратно.

– Сначала экскурсия, потом свидание, а там жениться и жаждать тела? – съехидничал Кощей.

Внезапно каким-то непонятным образом вся инициатива перешла к первому злодею изнанки. Я даже не поняла, как оно могло так выйти, вроде бы я крепко держала Кощея на крючке. И тут – раз тебе! И он начинает вести себя запрдельно нагло и мимокрокодилисто. Ну ничем этого из него не выбьешь, даже превращение в чудо-юдо его ничему не учит и от старых повадок не избавляет.

– Мы не будем заходить настолько далеко, – сухо прокомментировала я злодейскую реплику. – Я не настолько жестокая. Так уж и быть, пожалею тебя: жениться и жаждать те-

ла не обязательно, – присовокупила в конце некая ядовитая черточка моего характера, которая действительно своей остротой и ядовитостью походила на ту самую горчицу, что вызывает вышеупомянутую изжогу у всех подлецов и злодеев, кто живет не по совести.

– Вот спасибо, что заботишься, – рыкнул злодей и задумался.

– Ну так что, по рукам или кишка тонка? – подколола я нерешительного Костика.

– Идет! – протянул тот руку для рукопожатия. – Закрепим сделку!

И когда я уже вложила свою ладонь в его мохнатую лапу, Кошей быстро произнес:

– Только чур не убегать, все аттракционы до конца досмотреть!

– Да без вопросов, – оскалилась я. Он что, думает, я струшу? – Собираюсь даже во всем поучаствовать!

Я и в самом деле решила подзадержаться в изнанке. Творящийся здесь беспредел мне совершенно не нравился. Надо было во всем разобраться и исправить. Разумом я понимала, что происходящие не мое дело, но чувства просто вопили: спускать подобное с рук нельзя, необходимо вмешаться.

– Вот и ладненько, – согласился злодеюшка, не подозревая о моих коварных планах. – Вот и порешили!

– Так, куда теперь? Каков первый аттракцион? – Мой новоприобретенный злодейский слуга со скрипом почесал за-

ТЫЛОК.

– Выбора нет, остается только идти к лешему. Мы здесь уже несколько часов плутаем.

– К лешему так к лешему, – небрежно согласилась я, еще не зная, на что подписываюсь.

Кощей развернулся и вчистил в самую непролазную чащобу, мне оставалось только поспевать за козлиным хвостиком, довольно потирая на ходу ручки.

* * *

Леший жрал бомж-лапшу.

«Нет, ну что за паскудство такое? – озлобилась я. – Они все, что ли, на ту сторону беспрепятственно мотаются?! Одни мы с Кошеем здесь торчим, как проклятые? Все кто ни попадя по реальности прогуливаются, обидно до слез! А мы с первым злодеем только по кустам и топям шастаем».

Леший действительно походил под это описание «кто ни попадя», потому что принадлежность к какой-либо определенной нечистой расе я не смогла в нем определить.

На троне из сплетенных корней развалился красно-молодец, вальяжно откинулся, закинув одну ногу на импровизированный подлокотник.

Ну ни дать ни взять эльф. Светловолосый, остроухий, зубастенький. Во рту, довольно уминающем лапшу быстрого приготовления, по моде этого мира было несколько рядов

игловидных кусалок. В общем, всем видом леший донельзя походил на обычного человека, но не просто, а на «хомо реаликус» – человека из реальности.

Красивый, словно киноактер, да я и заподозрила, что причина, в которую облачился царь лесов и полей, была составлена из образов, надерганных из самых популярных фильмов моего мира. Здесь были губы Бреда Пита, скулы Роберта Патиссона, подбородок Генри Кавила, уши Джона Депа. Будь я попроще, однозначно повелась бы на эту маску.

Только глаза у лешего были странные, нечеловеческие, зеленые с вертикальными зрачками, а по радужке золотистые блики пляшут, словно солнце пробивается сквозь листву.

Необычные глаза выдавали в нем нечисть.

Вот такой вот князь обнаружился в местных лесонасаждениях. Молодой, смешливый, наглый и дерзкий. Одетый как самый последний привокзальный клошар.

Одежда лохмотьями свисала с шикарного тела, уж не знаю, какому актеру из реальности оно принадлежало. Да и не была это настоящая одежда. Такая же обманка, как и лицо.

Короткие бриджи, обязательно зеленого цвета, были сплетены из травинки, рубаха представляла из себя нечто вроде тонкого слоя мха с защитным нагрудником из коры. Имелась и корона из ивовых прутьев, покруче, чем у Трандуила.

Одним словом – герой фэнтези. Даже геройская тряпка с плеч свисала и меч на поясе имелся.

Правда, плащ весь в дырах, это листва, склеенная паутинами, не удержалась в полотне и облетела.

Весь образ лешего транслировал в открытый мир ничем не прикрытое мужское стомегаваттное обаяние.

Я с подозрением посмотрела на узкие леггинсы, не облетят ли и они? Но импровизированные травяные штаны крепко держались на лесном.

Выбирать нам не приходится. Я кашлянула, давая знак Кощею, чтобы он представил меня лесному царю, а то пора бы уже и честь знать, все-таки лесной не жираф в бесплатном цирке.

Закатив глаза к небу, злодей шагнул вперед. Лукаво стрельнул в меня глазками и ка-а-ак заорет:

– Баба-яга! Собственной персоной, к лешему, по чрезвычайно важному делу! – и насмешливо на меня так косится. Вот же ж подлец! Ну да ладно, я могу поддержать любую комедию.

Мне это только на руку, а леший – он, как и вся нечисть, небось тоже пиетета жаждет.

Так что я, приподняв штанины джинсов на манер юбки, пару раз присела в книксене и отвесила глубокий поклон: пусть леший с Кощеем подавятся.

Зеленые глаза с золотыми искорками остановились на мне и как-то особо пристально посмотрели, так пристально, что на секунду мне стало не по себе. А тут еще и Кощей Ваньку ломает, нацепил на рогатую башку лопух и на манер шляпы

его снимает, поклоны отбивает и лопуховым стеблем дорожку метет. Короче, в экскурсоводы я получила не слугу, а шута горохового.

– Приветствую ягу, – лениво отозвался леший, отхлебывая бульон из чашки. – Ну и ты, Кощей, заходи, раз пришел. – Кажется, леший и Кощей были знакомы раньше.

– Придешь здесь, – скрипнул зубами Костик. – Не ты ли нас кругами водил?

А и в правду, занятная полянка здесь у лешего в чащобе обозначилась.

Со всех сторон к ней стекались тропинки, выныривая из-за деревьев и внезапно появляясь из непролазных кустов, и все они вели сюда, на поляну.

То есть петляй не петляй по лесу, а захочет местный царь – так ты прямехонько сюда к нему на поклон притопаешь.

У меня зародилось странное подозрение, что как только мы впервые ступили под сень листвы, нас именно сюда и вели. Все те бесконечные часы ходьбы, от которых у меня дико ныли ноги, мы с Кошеем прошагали по кругу, медленно и верно приближаясь к центру.

– Проходите-проходите, гости дорогие. Сейчас опоздавшие подтянутся, и мы усядемся пир пировать.

Леший хлопнул в ладоши, со всех сторон появились белки, но они были какие-то серые и все как одна в зеленых козырьках. Только подвязанных странно, на манер банданы. Наверняка леший сей стиль в каком-нибудь фильме про Рембо

подсмотрел.

Сарафаны и вовсе были надеты чудным образом, лямки скрещивались впереди крест-накрест.

Я присмотрелась к пушистой братии поближе. Боже ты мой, что это?! Боевая раскраска? И сарафаны ни чуточки не зеленые, а пестрой, камуфляжной расцветки! Теперь понятно, как белочки так быстро проявились из ниоткуда.

– Кхм... – услышала я рядом и, повернув голову, впервые почувствовала себя лучше. От разглядывания беличьих батальонов меня отвлекло самое прекрасное зрелище на свете – ряды моей собственной рати.

На краю поляны стояли лесные звери, подранные и пощипанные местным густолесьем, но живые и здоровые.

Серый волк с ухватом в зубах. Медведь с дубиной на плече и лисичка в зеленом сарафане с тросточкой, на которую она изящно опиралась.

Впереди всех гордо вышагивал жареный петух, который, по-видимому, и привел всех сюда.

Домик с ежиком, ехавшим на крыльце, побеждал им навстречу. Мне тоже хотелось вскочить и сигануть прямо в широко расставленные медвежьи объятия, но звание Бабы-яги, особый пиетет не позволяли мне этого сделать.

Впервые в изнанке ко мне отнеслись с огромным почетом и уважением. Даже на душе стало светло и радостно.

Белочки метнулись камуфляжными молниями и уложили доски на пеньки. Все это дело покрыли расшитыми ска-

тертями и принялись метать разносолы и разноквасы. Меня как почетную гостью усадили во главе праздничного стола. На голову надели веночек из мелких синеньких цветочков. Так мило! Рядом на правах хозяина скромненько развалился леший с пустой тарелкой из-под божжатины. Лесных зверей посадили справа и слева на протяжении всего стола, на каждого из моих подопечных приходилось по несколько услужливых белочек. Дальняя половина стола была не застелена, к всеобщему замешательству боевых бандан. На абсолютно голых досках лежал и хрустел уворованным туго набитый узел скатерти-саможранки. Обжора уже переваривала невзначай расставленную на ней еду. Я сделала вид, что не знакома с этой наглой тряпкой. Кошью нашлось место в самом конце стола, аккуратно напротив ничем не прикрытых досок. Все остальные места были забиты боевыми белочками, как банка сардинами. Пир стартанул с витиеватого тоста в честь Бабы-яги, группа белочек очень прочувствованно пропищала здравницы. К моему большому удовольствию, следующий десяток вставших из-за стола белочек на все лапы расхваливал защитницу мелких и пушистых тварей, противницу зла, дарительницу добра и справедливости, короче, меня. В общем, в лесу баб-яг любили, тут я была своя в доску, не то что на болотах или в реке. Пир был странный, из еды и закусок – ничтожные ягодки-грибочки. Зато выпивки хоть залейся. Никогда в жизни не видела такого разнообразия наливок, водок, браги, квасов, медовух и прочего, все обяза-

тельно с градусом. К моему изумлению, передо мной стояла даже бутылка со змеиным sake, в белесой жидкости и в самом деле плавала гадюка и россыпь маленьких скорпиончиков. На пиру мало ели, много пили, преимущественно за меня, мое здоровье и красоту. Так много меня еще не хвалили, я даже засмушалась. Леший хлестал змеевуху, как не в себя, и заедал очередной порцией божатины. Когда меня совсем захвалили, пошли обычные тосты. Как оказалось, до этого была всего лишь разминка.

– Вздрогнули! – Три десятка волосатых лапок с разнокалиберными кубками, чашками, стаканами и всеразличными емкостями взлетели вверх. Среди леса лап я даже углядела поднятый в приветственном салюте одинокий заварочный чайник с цветочками на боку. И понеслось!

– Ну, за удачу!

– За лешего!

– За лес!

– За шишки!

Тосты сыпались, как из рога изобилия. Лиса сползла под стол первой. На торжественном застолье валялся только ее хвост, а сама обладательница сего рыжего чуда уже задавала храпака. Встала очередная белочка и провозгласила:

– Желаем, чтобы всем! – Только не уточнила, чего всем? Сдохнуть или жить подольше, нажраться медовухи и лесной наливки? – Всем! – подхватили ее товарки. Снова выпили. Один за другим мои спутники сползали под стол, сдавая свои

позиции и позорно проигрывая квасящим белочкам. Камуфляжные банданы явно были профессионалами, очень профессионально упивали всех и вся. Моя рать редела на глазах! В середине стола поднялась очередная камуфляжная боевая единица. И завернула длинный и нудный тост про птичку.

– Да сколько можно?! – возмутилась я. – Что мы так усиленно празднуем? – повернулась я к сидящему рядом лешему.

– Свадебку. – Мои глаза остекленели.

– Чью?

– Нашу, ягодка! – Леший по-свойски закинул руку мне на плечи.

– Зачем? – только и смогли прошептать мои пересохшие от ужаса губы. Зеленые глаза пристально посмотрели на меня, и в них не было ни капли тепла или жалости.

– Такая корова нужна самому, – просто объяснил лесосексуал. «Когда-нибудь я убью за эту фразу», – пришло осознание.

– Вот, значит, как?! – Я потянулась за книгой. Леший небрежно повел рукой. На моих глазах из бревен домика полезли сучки и ветки.

Маленькое пристанище упало на землю. Беднягу корчило и ломало. Надломилась крохотная веранда, лысый ежик, не удержавшись, покатился в траву. Крыша покосилась, труба, треснув, стала терять кирпичи, бревна сруба ходили ходуном. Несчастный извивался от боли, выпуская все новые

и новые стрелки побегов.

– Прекрати, ему же больно! – завизжала я, не в силах наблюдать, как несчастный избушонок в муках корчится на траве.

Леший так же меланхолично повел рукой. Стоило мне в гневе повернуться к нему, как зеленый засранец предупреждающе поднял руку. Урок был понятен без слов. Или он замучает моих подопечных, или я не буду делать глупости.

Пришлось временно побыть паинькой, клятвенно пообещав себе в дальнейшем ни в чем себя не сдерживать. Рано или поздно мне предоставится случай отдать должок гостеприимному лешему.

Ох, хоть бы рано! Когда настанет поздно, уже будет все равно.

Я с ужасом увидела, как медведь валится под стол, боевые белочки перепили и его. Последним клюнул носом в доски Кощей. Сам первый злодей изнанки не сдюжил против алкогольных белочек. Не знаю почему, но это напугало меня больше всего. Даже всесильного мимокрокодила укатали алкогольные горки. До этого я и сама не задумывалась, насколько в случае чего рассчитывала на него и его злодейскую силушку.

– Ура! Ура! Ура! – троекратно возопили белочки и налили по новой. Бездонные они, что ли?!

– ГОРЬКО! ГОРЬКО! ГОРЬКО! – начали скандировать победители всей толпой. И тут я поняла, что встряла так

встряла, как не встревала с того самого момента, когда на поляну моей бабушки заявился Кощей.

Мне не просто грозили замужеством, меня уже нагло прихватизировали и почти замужили.

Только последнее осталось, чтобы подтвердить принадлежность неосторожной яги этому лесу и наглому метросексуалу.

Леший встал и, поправив плетеный из кореньев пояс, молча протянул мне руку. Наблюдая за тем, как моих бесчувственных спутников выносят из-за стола и укладывают аккуратными штабелями, я внезапно испугалась. По сути, я осталась совершенно одна. Без книги заклинаний, злодейского слуги, верных товарищей, даже скатерть-саможранка была занята перевариванием пищи, что уж говорить о жареном петухе, который пытался привести в чувство бездыханный домик. На ум пришел стишок про десять негрятят: «Все нажрались, и никого не стало». Осталась только я, один на один с чудищем лесным.

Настал звездный час этого самого монстра, никак иначе его невозможно было назвать. Прodelьвать такие штуки с абсолютно каменным и невозмутимым лицом может или совершенно чокнутый, или невероятно страшный индивид.

Шагая с ним рука об руку, моя дрожащая ладонь зажата в его, я просто-таки мечтала о своем, уже почти ставшим родным чуде-юде Кощеевском. По крайней мере, первого злодея изнанки я изучила вдоль и поперек.

А этот невозмутимый лесной монстр с бесстрашным лицом был мне совершенно непонятен своими странными действиями.

Весь этот фарс со свадьбой... Неужели он действительно думает, что я так просто соглашусь? А как же любовь? Особый баба-ягский пиетет, в конце концов?

Непонятен этот отряд боевых белочек, готовых кого угодно свалить под стол. Только я свято верила: мои верные друзья дадут им сто очков вперед.

Когда протрезвеют.

А пока отдуваться придется мне одной. И от этого осознания у меня поджилки тряслись. Ведь без моей команды и сборника заклинаний я никто.

Это в книгах и фильмах рядовые люди становятся героями, а здесь просто сказка, и это почище реальности будет.

Я обычная попаданка, по сути, неудачливый влипец в приключения, с полным отсутствием силы, магии, ума и хитрости. Нелюбимая дочь разведенных родителей, всеми брошенная. Даже бабушка ушла на тот свет, покинув меня.

Я просто Лада, а это меньше, чем что-либо, это ничто, почти ноль. Кто угодно из себя представляет гораздо больше, чем я.

Вряд ли хоть кто-то в этот момент осознавал, как отвратительно я себя чувствовала. Казалась себе одинокой, напуганной, ничтожной, да так оно и было.

Тем не менее, не переставала думать, как я могу выпу-

таться из этой ситуации и спасти своих друзей. Ну, так уж и быть, и врагов. Мимокрокодила тоже не стоит забывать, у него передо мной должок. Кощей мне еще экскурсию по изнанке обещал.

Только вот на ум ничего дельного не приходило, и последние мысли отбила огромная постель, возникшая, когда услужливые белочки отодвинули в сторону завесь из ивовых веток.

Прекрасный, словно бог, монстр приглашающе протянул мне руку и шагнул внутрь.

Только я вот в шоке залипла на пороге, будто мои ступни смазали клеем.

Леший, выждав, по его мнению, достаточное количество секунд, поднял руку и всего лишь щелкнул пальцами, а белочки уже бежали выполнять его приказ.

На моих глазах разыграли целое светопредставление, невероятно убедительное, кстати.

Очнувшегося, вяло сопротивляющегося Кощея распнули на поляне, огромная бутылка, словно соска у младенца, прилипла к его губам, ну или злодей прилип к ней. Послышались натужные хлопы, бульки и сглатывания.

Они его что, напоить вусмерть пытаются? Интересно, насколько Кощея хватит до того, как он упьется? Или у белочек ничего не выйдет? Кажется, Костик говорил, что он почти бессмертный.

Нет, злодея мне было совершенно не жалко, жалко было

должок, числившийся за ним. Вот поэтому-то я и имела на Кощея зуб. Как это похоже на злодея: пообещать и не выполнить, нагло сдохнув от чрезмерного алкогольного веселья!

Короче, я свято верила, что тут у белочек ничего не получится, так оно и случилось. Пушистые алкогольчики не стали тратить на почти бессмертного драгоценную влагу, предпочтя обработать кого попроще.

Медведь тоже оказался не по зубам алкогольному отряду. Он как-то особо быстро и самостоятельно присосался к неосторожно поднесенном жбану. Обхватив емкость всеми четырьмя лапами. Насилу отобрали сосуд у мишки, и то он ревел на весь лес, не собираясь отдавать пойло.

Только объединенными усилиями нескольких отрядов это удалось.

Но медведь не унимался, шумно протестуя, начал опустошать все доступные на поляне запасы.

Я торжествующе ухмыльнулась: знай наших!

Растерянные и проигравшие белочки всучили ему бутылку со змеиным sake. Только когда уровень жидкости сравнялся с половинной склянки со змееводкой, Михайлыч притих, а когда показалось доньшко – и вовсе отрубился. Еще немного, и ничего спиртосодержащего в лесу не осталось бы.

Это змеиное чудо-пойло – настоящая отравка. С одной-единственной бутылки свалило медведя.

Я в ужасе приподняла бровь и тихо присвистнула, боясь посмотреть на стоящего рядом. И леший это пил, заедая бом-

жатиной, а теперь стоит не качается?! Невольно я зауважала чудовище лесное, но не настолько, чтобы после увиденного не бояться его еще сильнее.

Больше всех сопротивлялся Серый, видно, в бытность его работы участковым выжрано было немало, и теперь волчица прямо-таки выворачивало от одного запаха спирта. Очень метко, кстати, на старающихся убежать от обстрела белочек. Даже в отключке Серый не сплоховал. Воин, что сказать, просто пьяный мастер.

Удивила лисичка: поднялась сама, опрокинула рюмку и шлепнулась обратно в алкогольно-обморочное состояние.

Белочки так и застыли с подносами. А быстро же мои спингрызы сказочные пристрастились. Как очухаются, надо довести до их сведения, что пьянство – плохо и Баба-яга не одобряет. Если не поймут, сделаю серьезное внушение посредством заклинания.

Белочки лютовали. Даже в скатерть-саможранку попытались засунуть проспиртованное бревно, предварительно поплескав на него чем только можно и нельзя. Только скатерка чуть не отгрызла подношение вместе с их лапами.

Домик тоже попытались напоить, залив его из ведер самогоном. Но это не возымело необходимого эффекта. Бревенчатое строение только похлопало цыплячьими лапками в мокрой траве и, открыв дверь, вылило содержимое на улицу, а после непреклонно хлопнуло дверцей.

Какая глупость – поить бревна. У них что, для всего жи-

вого и неживого одна-единственная тактика?!

И тут хвостатая засранка чиркнула спичкой и занесла ее над проспиртованным домиком. Леший медленно стал поднимать руку для щелчка. Поляна замерла.

Я думала недолго, развернулась и ринулась в зеленое помещение, лишь бы этот монстр не мучил моих друзей. Добежав, с разбега сиганула в кучу листьев с намерением убиться об них. Но постель представляла из себя просто-таки огромную кучу зеленой листвы, и я утонула в ней.

Леший повел себя еще более странно, чем я. Зашел под зеленый полог, подошел к кровати, поднял меня и незамедлительно швырнул обратно. И только после этого чудного, донельзя удивившего меня действия приступил непосредственно к женитьбе.

Снял с себя одежду и подпиленным деревом повалился рядом. Правда, без действий леший возлежал недолго. Вскоре он развил небывалую активность, завершением которой являлась я, в фате со свадебной подвязкой, лежащая под ним.

Ну все, мне настал полный влип! Это когда ты влипла не по-детски и шансов с достоинством разлипнуть у тебя нет.

Леший медленно опускался, сложив бредопиттовские губы трубочкой, что не сильно отличалось от их повседневного состояния. А я мечтала провалиться сквозь листву или быть пьяной в зюю! Чтобы не видеть всего этого ужаса.

Но в какой-то момент леший резко остановился, я бы даже

сказала – залип.

Напряженно подумал секунду, не вспомнил, чего хотел. Во мне уж загорелась призрачная надежда на то, что лесное чудо-юдо страдает склерозом и сейчас спросит, что я здесь делаю. И мне останется только ответить: «Мимокракодилю и, если вы разрешите, я пойду делать это дальше!» Но моим мечтам не суждено было сбыться.

Лесной черт вспомнил наконец, зачем мы здесь сегодня собрались, только, к моему невольному облегчению, совершенно не так, как я боялась.

Покопавшись в листве, он добыл оттуда очки. Надел на нос, поправил средним пальцем. Выудил неизвестно откуда список и, отчеркивая номера ногтем, стал проверять. Нашел пропущенное и как-то особенно подчеркнуто завел мои руки за голову, зафиксировав своей ладонью их в запястьях.

Леший делал все, строго сверяясь со списком. Так усердно и топорно, пункт за пунктом, что вот теперь я не на шутку испугалась. Мало ли, что у него там очередным номером идет?! Я, знаете ли, не всякий цирк готова выдержать!

Но время шло, а ничего интересного не происходило, осмелев, я решилась спросить:

– Э-э-э, а собственно, зачем это все? Давайте сразу перейдем к последнему пункту, что там у нас? – Я протянула руку к списку и, к своему удивлению, получила бумажку в руку от шокированного царя.

Это действительно был список. Длинный, как кассовый

чек шопоголика, конца не видно! И пункт за пунктом в нем описывалось тщательное соблазнение Бабы-яги. Я сморгнула. Никогда еще не видела столь полного и маниакально подробно составленного плана.

Я готова была поклясться, что могу угадать с первой буквы, из каких книг и фильмов были надерганы эти романтические сцены. Здесь было все: «Сумерки», «Дневники вампиров», «Интервью с вампиром», видно, леший тяготел к кровососной тематике, а также незабываемые 50 оттенков... Я подозрительно покосилась на лианы, свисающие с деревьев. Осознала, что их повесили специально, в лиственном лесу средней полосы неоткуда взяться подобному.

Брови сами собой взлетели вверх.

А в душу закралось особо гадостное подозрение: и зачем этому чуду-юду лесному понадобилось так усердно меня охмурять?! Очередные происки местного зла? Так не на ту напали! Сама кого хочешь с ума сведу! Вон Кошей уже заговаривается, кстати, где этот гад?! Меня тут соблазняют пятьдесят оттенков лешего, а он... И ухом не ведет!

Подо мной задрожала кровать, и почему-то меня это напугало больше, чем нависший надо мной лесной царь, в очках и расстегнутой рубашке.

А в следующий миг я оказалась на руках у лешего. Что сказать, удобное положение, с момента моего попадания в изнанку почти самое любимое. Сидеть на руках у какого-нибудь мужчины во сто крат безопаснее.

Мне не оставалось ничего иного, как в страхе уцепиться за шею лешего и прижаться к нему щекой. Смелости не добавил тот факт, что лесной соблазнитель был напуган не меньше и очень крепко прижимал меня к себе, боясь, что заберут.

Терем лесного царя трещал по швам.

Над тем местом, где только что лежала моя голова, страшный вопящий зверь ломился в чертог. Стена царского терема дрожала и выгибалась, но пока держалась под напором извне. Это продолжалось недолго.

Визжащий от натуги зубчатый диск ворвался под зеленый полог, прорубил проход в древесине и двинулся на новые завоевания. А в расширенный проем уже вползали гусеницы самоходного чудища.

Что-то в последнее время вокруг меня собираются исключительно всякие монстроюды. Как живые, так и не очень.

Вот эта ползущая монстрячина на гусеницах и с клешнями впереди явно неживого происхождения, но от этого не менее страшная.

На меня двигалась страсть о двух полозьях, с гусеницами под брюхом. Самоходная печь-пила. Пыхая дымом и рассыпая искры, беленная известкой страсть, как танк, ползла напролом. Впереди были прицеплены многосуставчатые манипуляторы с клещевидным захватом и диском-пилой. Позади в голубых клубках отработанного дыма скрывался хвост на манер бензопилы. Если монстрячина не могла распилить древесину манипуляторами, она помогала себе хвостом.

Все это пахло кошмарно, а выглядело еще отвратнее.

Находившиеся на поляне отреагировали незамедлительно, одна я тормознула не по-геройски.

Лисичка, которая только притворялась пьяной, вскочила и юркнула в кусты.

С богатырским ревом «Меня будить?!» восстал их мертвых Потапыч.

– Я не хочу сегодня в школу! – отреагировал разбуженный визгом пилы Кощей и чуть не попал под гусеницы самоходной машины. Его спасло только то, что во сне он перевернулся на другой бок и скатился в овраг.

– Бе-е-е! – не остался в долгу Серый, заплескав съеденным и выпитым ветровое стекло чудо-печки.

А я прямо на руках лешего вознеслась куда-то наверх. Как потом догадалась, это лесной царь, уворачиваясь от самоходной машины, запрыгнул на ветку дерева, прямо со мной на руках.

На поляне началось черт-те что.

Визжали пилы, ревел медведь на пару с пьяным Кощеем, тошнило волка. Все скрылось в черном дыму и туче летящих во все стороны щепок.

Терем лесного царя пилили на дрова.

Я смотрела на все это откуда-то сверху и искала взглядом своих, отмечая, кто где находится и в безопасности ли они.

Пока меня не отвернули от картины сражения и не понесли прочь.

Возможно, я была немного в шоке от происходящего: не ожидала здесь, в изнанке, увидеть машины.

Но возмущаться я начала, только когда осознала, что мы уже далеко от поляны.

Быстро шагая по веткам, которые сами собой подставлялись под ноги, леший незаметно для всех меня крал.

Когда до меня дошло, что еще чуть-чуть и я не найду дорогу обратно на поляну, где, возможно, погибают мои друзья, я набрала в легкие побольше воздуха и что есть силы завизжала на ухо лешему.

От неожиданности лесной царь свалился с ветки.

Увы, не со сказочной нечистью мне было тягаться. Лесной, как кошка, приземлился на ноги и, подхватив падающую меня, невозмутимо закинул на плечо, вероятно, сворованное у Арнольда Шварценеггера.

Успокаивающе похлопывая меня пониже спины, леший понес меня дальше, как заправский воришка. У него был четкий план, разбитый по пунктам, и он ее собирался от него отступать. Вот такая педантичная и аккуратная нечисть мне попалась.

Только я терпением не отличалась и успокаиваться не собиралась. Изогнувшись, я вцепилась в золотистые пряди и, как быка, попыталась развернуть лесного царя обратно. Тот в бешенстве мотнул головой. Но я не отступала, дергая его за волосы, шипела на ухо:

– Ой, смотри, зелененький мой, я тебе не какая-нибудь

деревенская девка, неграмотная и наивная. С самой Бабой-ягой споришь! А ну-ка, развернулся и понес меня обратно к парадным воротам лесного терема! – Последнюю фразу я просто-таки гаркнула лешему на ухо. Так, что он даже поморщился.

Ну все, быть теперь лесному царю глухим на одно ухо. А если до него все еще не дошло, то я ему сейчас и вовсе ухо отгрызу. Я изготовилась вцепиться зубами в лешего, но тот, словно прочитав мои мысли, остановился.

– В главный чертог никак нельзя! Я приготовил тайное местечко в кустах на другой стороне леса. Там нас никто не найдет.

– Не хочу в кустах отсиживаться! Там мои звери на поляне гибнут, наверно... – Я прикинула, кто кого, и почти успокоилась. Почти. Все-таки самоходных печек было много.

– Я же сказал, атаковать в лоб нельзя. Это не живое, машины их магия не берет. Дойдем до кустиков, перегруппируемся...

– Да не хочу я в кустики, – возмущенно шипела я. – Если в лоб нельзя, так зайдём с другой стороны!

Леший остановился и задумался.

– Хотя бы посмотрим, как обстоят дела, а там решим, что делать... – дожала я лесного.

Уговорить лешего оказалось проще простого, ведь на поляне сражался не только мой отряд, но и алкогольные белочки.

Развернувшись, мы пошли обратно, только теперь леший сокращал дорогу, и я впервые видела, как он это делает.

Песчаная дорожка, найденная лешим, петляла между стволов, иногда ныряя в совсем узкие просветы. Скользя между деревьев, мы оказывались в совершенно другом месте, а за спиной уже был иной, незнакомый лес. Не будь я потомственной Бабой-ягой, я ни за что бы не смогла бы отследить тот момент, когда мы выходили на другую поляну.

Подкравшись к терему, мы незаметно проникли внутрь с черного входа. К моему недовольству, леший шел впереди, крепко держа меня за ладонь. Широкая спина загораживала весь обзор.

Мне оставалось только сопеть и больно наступать лесному на пятки.

Помещение, в которое мы проникли, до потолка было заставлено горшками, крынками, жбанами, бочонками, бутылками и бутылками.

Это оказалась кухня или кладовая, или спиртовая, это как посмотреть, но все задние комнаты царского чертога занимал один огромный эфироперегонный завод.

Стойкий запах первача резал глаза, заставляя их слезиться. С первого вздоха тебя начинало вести в сторону. Я постаралась дышать через рот. То, что это была ошибка, я поняла после.

Пока я с открытым ртом все рассматривала, леший утек на разведку.

Где-то совсем близко шел бой. Я слышала рев бензопил, писк белок и крики моих друзей. А вокруг меня суетились озабоченные белочки.

«Никак бегут?»

Мой взгляд упал на чугунок, закрытый сверху просмоленным лопухом. Готова была поклясться – там содержится такая горючая смесь, что – мама, не балуйся! Любому напалму даст сто очков вперед.

Леший гнал спирт из всего, что попадалась под руку. И судя по нетрадиционному содержимому стеклянных бутылей, часто экспериментировал.

– Вы что тут делаете? – грозно спросила я боевую белочку, привязывающую к чугунку ручки из веревки.

Белочка вскочила, встала как вкопанная, вытянулась по струнке и отдала честь.

– Было велено спасти стратегические запасы живой воды и мертвой еды! А если не удастся спасти, то приказано уничтожить! – отрапортовало пушистое чудо. Мой взгляд упал на штабеля коробок с логотипом известного изготовителя бомж-лапши. Часть из них была вскрыта, и пара десятков белочек усиленно давились сухой лапшой, уничтожая стратегические запасы. Видать, чтобы врагу не достались.

– Та-а-а-ак... – протянула я. У этих сказочных все не как у людей. Там ее собратья сражаются, а она здесь выпивку пополам с закуской спасает.

Отняв чугунок с ручками, я коротко бросила:

– Каждая взяла по бутылке и за мной!

* * *

«За Бабой-ягой – хоть в огонь, хоть в воду!» – похоже, это был неписанный девиз всех зверей в изнанке.

Боевые белочки дружно встали в ряд. А хорошо леший их выдрессировал.

Стройными шеренгами мы начали красться к парадным покоем терема. Скрытно добраться не получилось. Белочки слишком усиленно уничтожали стратегические запасы, коих у лешего было – как грибов и ягод в лесу, то есть видимо-невидимо. В начинающих качаться из стороны в сторону шеренгах уже слышалась пьяная икота и хруст далеко не французской булки.

Предприимчивые боевые белочки решили совместить приятное с полезным: одновременно сделать набег на агрессоров и уничтожить стратегические запасы. То есть угодить двум богам сразу – Бабе-яге и лешему.

Я осознала, что этот набег будет незабываемым, так как двум богам служить нельзя.

Следует торопиться, малейшее промедление – и содержимое склянок, чугунков и прочего уничтожится рачительными белочкам, которые жевали и прихлебывали на ходу.

Поэтому этот марш-ползок нам следовало повернуть как можно быстрее, пока леший не поймал меня на горячем.

Увиденное нами в главных залах заставило на какое-то время забыть, зачем мы пришли.

Бой шел полным ходом. Моим зверятам и бельчатам очень сильно не нравились пилопечи, а самоходным машинам, как видно, вообще ничего не нравилось, кроме дров, и в особенности все живое, что нельзя было быстро превратить в дрова.

Посреди поляны Михайлыч заламывал печку, рядом самоходное страшилище скользило на подозрительной луже. Лисы нигде не было видно. Я уж испугалась: не раздавили ли ее случайно.

Храбрый петух – единственный, кто нашел управу на жуть на полозях. Кочет яростно заклевывал языки потустороннего пламени, пылавшего в печи, но и он не побеждал. Печей была пара десятков, а он один.

Домик отважно пытался покусать перилами гусеницы вездепилов, но только терял щепки.

По всем параметрам получалось, что ситуация складывается не в нашу пользу. Драпая, леший, возможно, был прав. Драпая? О чем это я? Меняя место дислокации, вот что имелось в виду, ни о каком побеге и речи не шло!

Только в силу моего вредного, поперечного характера это был совершенно не мой вариант. Отступить я не умела, равно как и держать язык за зубами. А от того, чтобы я не начала давать советы, меня и вовсе нельзя было удержать.

После того как я увидела картину неравного сражения, ал-

когольные пары, которые я опрометчиво вдохнула на делянке лешего, окончательно ударили в мою голову. И сформировались в одну-единственную фразу: «Наших бьют!» При чем под «нашими» я имела в виду даже Кощея (хоть и злодей, зато свой), по которому топталась гусеницами чудо-печка.

– Банданы, ик! Снять! – скомандовала я белочкам. – Погрузить в чугушки! Петя, ик! Подь сюды! – Огненный петух, бросив свое занятие, опасно приблизился.

– П'джигай! – Сообразительный кочет побежал вдоль рядов, касаясь спиной запалов.

– Пуш-ИК-стики мои, по чудо-юдо печкам – пли! – Белочки рады были стараться. Тем более швырять зажигательные снаряды гораздо веселее, чем шишки. Вспыхивают ярко, и опять же шуму больше.

Град бутылей с «коктейлем лешего» (все, что горит, плюс бомжати́на) полетел в цель.

Не все чугушки и бутылки попали куда надо. Один шальной снаряд звезданул по касательной высунувшуюся было из кустов лисицу, и несчастная прилегла отдохнуть обратно в заросли.

Некоторые емкости оказались совершенно пусты и не детонировали. Но те самодельные бомбы, что угодили в цель, произвели фурор.

Мир вздрогнул, закачался, но устоял.

Качались и ряды беличьей армии вместе со своим командиром. Правда, мне, веселой и пьяной, все казалось норм.

Лишенная бандан и чугунков армия в моем представлении стояла ровнехонько, не шелохнувшись.

Большинство подбитых самоходных печек перевернуло набок, они лежали и беспомощно шевелили гусеницами.

Но вот проблема – у опрокинутых печей отвалились за-слонки и из горнил вырвалось пламя.

Все вокруг радостно запылало, только это оказался не обычный домашний огонь, а потустороннее адово пламя, с которым мой жаренный петух не в силах был справиться.

На поляну выскочил леший и схватился за голову: его лес гиб на глазах. Такого исхода битвы никто не ожидал.

Резко протрезвев, я, спотыкаясь и падая, побежала на поиски того, кто мог управлять неживым огнем. А то вместо спасения леса мы полную зачистку здесь устроим.

Сонного Кощея я вытащила из-под еще шевелящей гусеницами печки.

Что я с ним только не делала – и поднять пыталась, и трясла, и била, и пинала – все без толку.

– Мертвый он, что ли?! – испугалась я.

Неужели самоходные машины вусмерть укатали Кощея? Он и на вид какой-то плоский.

Я нагнулась послушать, дышат ли злодей, и уловила слабый выдох:

– Пцелуй... – пробормотал обморочный шантажист.

Нет, я догадывалась, что все не может быть так просто, но и не думала, что настолько сложно.

– Что, пристрастился, гад?! – зашипела я, краем глаза замечая, как несчастные белочки лезут по дереву вверх, а огонь за ними. Жадно так, плотоядно, словно понимая, что там, впереди, убегает самое вкусное.

Медведь косолапо рыл, а волк с лисицей «по-собачьи» закидывали огонь землей. Даже рыжая лентяйка принимала участие в тушении, спасая свою шкуру.

– Да подавись ты! – сдалась я, осознавая, что времени в обрез, еще чуть-чуть – и все мои друзья будут хорошо прожарены.

Видно, не все алкогольные пары выветрились из моей головы, ибо на трезвую голову я бы такого не учудила. Но будучи во хмелю – легко.

Настал момент истины: тварь я дрожащая или право имею?!

Я набрала в грудь побольше воздуха и как присосусь к Кощею, что твоя пиявка. Пусть злодеи знают, что и мы не лыком шиты!

Этот поцелуй остановил время.

Сначала я почувствовала, как ожил сам Кощей, потом – как поползли его руки и обвилились вокруг моей талии, а после... А после я забыла обо всем.

Осталось только крохотное понимание на границе сознания: если я хочу, чтобы первый злодей изнанки спас моих зверей, придется заплатить. Этакая маленькая нерушимая договоренность между Бабой-ягой и Кощеем. Он делает доб-

ро, а я никому об этом не рассказываю. Правда, за подобную уступку со стороны зла придется расплачиваться, но что такое один крохотный, ну ладно, вполне себе приличный по размерам поцелуй взамен на жизнь моих друзей? Сушная мелочь.

А вот чувство эйфории, которые прочь уносило землю у меня из-под ног, уже являлось достаточно большой проблемой, по размерам сопоставимой с самим поцелуем и значимостью ситуации в целом. Я, Баба-яга, целуюсь со злодеем! Мрак!

Стоило разорвать поцелуй, как я услышала отрезвляющее:

– Мало!

– АХ ТЫ! – Я схватила с земли бревно и что есть силы замахнулась. На будущее в планах у меня было еще надавать злодею пощечин, потом вытереть и помыть губы, затем найти что-нибудь тяжелое – бревна недостаточно, – а в конце и вовсе свернуть шею злодею. Чтобы никто и никогда не узнал о том, что я целовалась с Кощеем.

Но обморочный резко очнулся с криком:

– Ну надо же, мы горим! – И без подсказки принялся тушить пожар. Только почему-то подальше от меня и в стиле «пьяный мастер», покачиваясь из стороны в сторону.

Тяжелое вроде не понадобилось. Выронив бревно, я обессиленно опустилась на землю.

Огонь был потушен, но не все самоходные машины обез-

врежены, некоторые еще шевелились и довольно активно.

Я задалась вопросом: как это получилось, что самое главное, что есть в доме – печь, можно сказать, сердце любого жилища, превратилась в бездушное чудище, готовое в хлам рубить все живое и неживое.

Чуяло мое баба-ягское сердце, без магии здесь не обошлось. Знала я это, и все. Так же как знала, что Кощею можно доверять и свое дело он сделает, огонь потушит. Откуда мне было известно – не могла понять, но в этот момент я доверяла злодею.

Я заозиралась в поисках домика.

По сожженной земле, перебирая короткими лапками, уже бежал ко мне ежик, неся на спине волшебную книгу заклинаний. Хорошо, что он был лысым, а то точно бы в страницах остались дыры. Впрочем, я была бы не в обиде, ежик всегда, как верный рыцарь-книгохранитель, был рядом и помогал не только советом. А книга – что ей сделается, она же волшебная, к тому же по ее внешнему виду становилось ясно, что ее не только компостировали иголками, но и долго жевали клыками и сосали, вымачивая в слюне.

Сборник заклинаний, как живой, скользнул в мои руки. Не передать словами, насколько я была благодарна лысому за то, что он тайком вынес книгу из домика и спрятал его.

– НУ ТЕПЕРЬ, ИК, ВСЕ ДЕРЖИТЕСЬ! – возрадовалась я на весь лес. Мое зверье, уже ученое горьким опытом, приснуло во все стороны.

А я принялась сводить счеты с этим сказочно несправедливым миром, в котором зло имеет наглость спасать добро, предлагает ему жениться, да еще без спроса целуется, и все ему мало, сколько ни поцелуй.

– Лесному царю не свадебный венец, а полный звездеч, Кощею – жестокий трезвец, а танкам – полный капец, и вообще, всему балагану конец! – Кривое заклинание и на сей раз сработало. И как это у меня так получается?! Практически каждый раз, когда срабатывало, я жутко удивлялась. Потому что глупее стихов придумать невозможно. Да и что достойного может прийти в голову под мухой?

Тем не менее заклинание действовало, а магия, как идиотично-оптимистичный щенок, радостно неслась к цели.

Самоходным машинам и в самом деле настал капец, вернее злобно-колдовской их части. Мгновенно с беленых стен облетели чужеродные крепления, державшие клешни и пилы.

Освобожденные из железного плена печки облегченно выдохнули облачко черного дыма и развалились на кирпичики.

Я счастливо осмотрела место победы, белочки слезали с деревьев, а звери стряхивали с себя землю и пепел. Подбежал и потерялся о мои ноги домик, жив-здоров и целехонек.

Только в коньке крыши торчал круг от пилы и перила прорежены через одно, видно, оставил в боку недоброжелателя. На задней веранде была приторочена связка поленьев.

Он подрос или мне показалось?

– Ты почему не ос-с-сталас-с-сь там, где я с-сказал? – Леший со змеиным шипением загородил мне весь обзор. Да так демонстративно, что сразу становилось понятно – это бревно не обойдешь.

Можно было бы позвать на помощь Кощея, но я и так слишком много сегодня с ним общалась, хватит с меня наглomorдого злодея на сегодня.

– Ой, смотри, леший! – пригрозила я. – Книга у меня в руках, нарвешься – худо будет. – И как-то сразу царь сдулся, осознав, что говорит с самой Бабой-ягой, а не какой-нибудь деревенской девкой.

– Куда уж хуже... – пробормотал разоренный царь, глядя на простирающийся до горизонта лесоповал, голые пеньки выше нормы, небывалый простор и тонны дров, в которые превратился его дворец, и большая часть леса.

– И побольше пиетета! – напутствовала я, наблюдая то, как сразу присмирел леший и раздумал жениться. Правильно, злая, целованная Баба-яга с книгой заклинаний в руке – это страшная вещь. Но дожать стоило. – Не забывай про заклинания, наслать могу всякое, например мухоморы!

– Не советую пробовать, – прокомментировал присевший рядом и утомившийся Кощей. Он картинно стонал, давя на жалость, и хватался за голову, раскачиваясь из стороны в сторону. По всему получалось, что Костику нашему о-о-очень нехорошо.

Ну правильно, трезвец я на него наслала, а вот опохмелец забыла. Но ничего, так ему и надо, все равно он выживет, ведь почти бессмертный. Зато в следующей раз не к лешему меня заведет, а нормальную экскурсию организует. И с целовашками не полезет.

Впрочем, здесь с экологической катастрофой бед хватало, и я прям-таки чувствовала, что требуется мое особое баба-ягское вмешательство.

– А деревья новые наслать можешь? – с надеждой поканючил внезапно осмелевший леший. Я только вздохнула, глядя, как стремительно трезвеющие белочки потерянно бродят среди пеньков. Чудо-печки добрались до запасов лешего и переколотили все склянки. Так что пить теперь было совершенно нечего.

С чем я и поздравила самоходное машины. Хоть одну от них пользу получили, ну помимо дров.

Под ногами валялся какой-то оборвыш, совершенно неуместный кусок бумажки, которому в лесу не место.

Я подняла клочок, на обратной стороне был список. Только три последних пункта.

№ 998. Влюбить в себя Бабу-ягу из реальности.

№ 999. Жениться на Бабе-яге.

№ 1000. Попросить ее спасти лес.

Долго я стояла в оцепенении, глядя на этот клочок глупых, несбывшихся (к моему облегчению) надежд. Ну все правильно, своя чудная изнаночная логика в этом была – же-

на ведь не откажет мужу.

Больше всего меня шокировало количество пунктов. Целая тысяча! Ох, и долгую ж осаду панировал леший. Теперь я сомневалась, что после столь неуклюжего и топорного ухаживания выжила бы. Нет, стопудово загнулась бы пункте на десятом.

Леший с Кощеем спорили за моей спиной, нет, не спорили, а перебрехивались, как две старые собаки через забор, каждый из злодеев обвинял в случившемся другого.

А я смотрела на горизонт. Долго так смотрела. Лес-то теперь практически отсутствовал.

И видно было до самого горизонта.

На котором в клубах грозowych туч чернела одинокая гора в окружении хребтов поменьше.

Я не понимала, кто мог быть настолько бездушным, чтобы учинить такое. Нет, речь шла не о деревьях, у нас тоже пилят лес и делают из него бумагу, ткани, мебель и прочее.

Но не в таких же масштабах и не таким способом!

А ведь эти печи украли из чьих-то изб, можно сказать – вынули сердце дома.

Долго я стояла и долго думала, прислушиваясь к своим чувствам.

Потом сделала шаг, за ним другой, а там и третий. А после шла не оглядываясь. Целенаправленно так шла, упорно и мстительно.

Вся моя недавно приобретенная баба-ягская натура ре-

вела и семафорила: подобное нельзя оставлять безнаказанным!

Нельзя использовать чью-то беду и чей-то дом, чтобы напилить дров, пусть и в производственных масштабах.

И кто, если не я – Баба-яга, должна во всем разобраться и наказать негодяев? Вот-вот.

Я устремилась к цели.

Оба злодея, не сговариваясь, подскочили и побежали за мной, окликая, зовя по имени, по должности, прося подождать.

Только ни им, не лесным зверям меня было уже не остановить: вся неправильность сказочного мира струилась из этого черного пятна на горизонте.

Вот такие вредные мы, бабы-яги, если решим кому жизнь попортить – не отступим. Каждый знает – во всем виноват дурной баба-ягский характер, вот такой он у нас.

* * *

Долго ли, коротко ли мы шагали, пока в какой-то ужасный момент я не осознала, что ох и колотится девичье сердечко, когда рядом с тобой идет резко протрезвевшая и потому максимально похорошевшая помесь Бреда Питта с Робертом Патисоном. Лешему, увязавшемуся с нами, даже шли эти дурацкие очечки, которые он то и дело поправлял пальцем.

А с другой стороны вышагивал смазливый злодей мимоко-

рокодилей наружности и строил глазки в надежде, что ты на него заклинания анальгина с баралгином нашлешь. Только эта Кощеевская наглая морда ничего, кроме мухоморов, от меня не дождется, могу еще только геморрой добавить для полного эффекта. Да и лешему ничего не обломится, я себя в руках пока держу. Хоть и вздыхаю томно.

Ох и зла я была на злодеев из-за того, что ни один из них так и не соизволил отказаться от завоевания Бабы-яги. То бишь меня. Это я уже в дороге поняла. А до этого и невдомек было, о чем они промеж себя сговорились. Мне лиса потом по секрету всему свету на ушко громко шепнула, да так, что все слышали.

Злодеюшки даже усилили натиск, почувствовав резко увеличившуюся конкуренцию за баба-яговскую руку, сердце и печенку.

Ох и встряла я! Леший с одной стороны старательно соблазняет, а Кощей – с другой, и как тут устоять... от пако-сти?!

Всю дорогу на потеху зверям и избушонку я упражнялась в мелкой магии, то «вспотыкашку» на лешего нашлю, то «икотку» на Кощея, аккуратно в тот момент, когда он мне в любви признаваться начнет.

Медведь чуть ли не помер от смеха, насилу откачали, лиса сама начала икать, а у волка бока заболели. Домик с пехом аплодировали мне дверями и крыльями. Один ежик был недоволен моим поведением. Все-таки это злодеи окон-

чательно доби́ли самоходные печи, потушив огонь, и по мнению лысого, насмехаться над ними было верхом неблагодарности с моей стороны.

Но я была непреклонна, пара вовремя примененных заклинаний отучит злодеев источать в сторону незамужних (и не желающих быть замужем) девиц любовные флюиды. А коли до них толстые намеки не доходят, найдем заклинания и посильнее, чтобы уж раз и навсегда отвадить сказочных женишков.

Только вот рецептик этот не очень помогал, и любовная горячка у злодеев никак не проходила, даже еще больше залихорадило.

Лесной тугодум наковырял для меня букетик цветов. По виду плотоядных. Среди пестрых лепестков я опознала белладонну, цветущую волчью ягоду и еще пару ядовитых пакостей. Букет передрался друг с другом, росянка сожрала успевшие завязаться волчьи ягоды и отравилась, а ядовитый плющ из вредности придушил борщевик, после чего сам загнулся от ожогов.

А довольный моим шоком леший долго и нудно разглагольствовал, какой крепости напиток получится из той или иной травинки. Не догадываясь, что до смертоносно ядовитой ботаники мне нет совершенно никакого дела. И как только представится удобный случай, я с визгом вышвырну кошмарный букет куда подальше. А что касается спирта, Баба-яга подобное резко осуждала.

Кощей в борьбе за любовь поступил чуть более оригинально, но не менее кошмарно: согнал хор перепуганных зайцев, и рано утром я проснулась от дружного писка испуганных зверят. Утренняя серенада «Естудей» и «Май лав» в исполнении писклявых крольчат – тот еще номер. Благо злодей отвлекся, и зверята разбежались, визг перепуганных кроликов – это не то, что человек желает услышать спросонья.

Только как бы я ни старалась отвадить злодеев, сколько бы смертоубийственных заклинаний ни насылала – до настырных женишков ничего не доходило и ничто их не брало. Злодеи, что с них взять. К тому же я с ужасом вспомнила поговорку из реальности: «Бьет – значит любит». Вдруг ее и в изнанке практикуют?

Осознав весь масштаб беды, я упала духом.

Окончательно мне поплохело, когда лисичка спросила, какого цвета кокошник я хочу на свадьбу. Это было последней каплей в бочке моего терпения.

Требовалось срочно придумать «План», в силу масштабности проблемы обязательно с большой буквы или даже заглавными: «ПЛАН».

* * *

Я возомнила себя профессиональным детективом, который встал на путь расследования, учуял добычу и теперь

мчится по горячим следам к цели.

Так и мы – я, леший, Кощей, домик и звери – брели по тропинке в поисках улик.

И, к сожалению, наткнулись на одну та-а-акую большую улику.

Лес внезапно кончился, а за ним – она самая, одна сплошная улика из оставленных пеньков выше нормы.

Влево улика и вправо улика, и кругом одна улика.

Неизвестный злодей выкосил лес, как газон. А я-то думала, просека лишь одна, та, что к терему лешего тянется, ан нет, преступление, если исчислять в кубометрах, гораздо крупнее оказалось. Я бы сказала – афера века или сказ об исчезнувшем лесе.

Среди пеньков потерянно бродили местные звери и птицы. От увиденного мы не удержались на ногах, так и присели на них родимых, на пеньки.

Леший, потерявший лес, схватился за голову и сел мимо, прямо на землю.

В кои-то веки мне стало очень жалко бедного злодея.

Увиденное только укрепило меня в своей решимости, этак от изнанки ничего не останется, ежели так виртуозно воровать все, что приглянется: и воду, и экологию, и древесину. Не будет сказки, и все тут.

А главное, непонятно, куда все исчезло.

Ко мне подбежала скатерть-саможранка. Вцепилась в одежду и потянула на себя. Обычно, нажравшись, она или

валиласьдохлымковрикомрядомуног,илискладываласьстопкойизабираласьвдомикдряхнуть.Аподобнаяактивностьбылаподозрительна.Скатертьвообщевпоследнеевремявеласебястранно.Этонаводилонамысль...Ужнеголодналиона?

Ведь жрет в три горла и не давится. Может, она меня за угол зовет пообедать?

Аеще...мнепоказалось,илидомиксоскатеркойвыросли?!

Но все же я решилась на авантюру, прихватив с собой волшебную книгу. Уж очень любопытство распирало.

Пока все тарасились на пеньки, я свернула с тропинки и последовала за скатертью-саможранкой.

Шли мы долго, я уж заподозрила, что обжора уводит меня подальше, чтобы не слышно было моих криков. От этой мысли я уже собралась повернуть назад (все, что хочет мне показать тряпка, пусть кажет и моей группе поддержки), но тут я увидела на опушке избушку, и ноги сами прилипли к земле.

Домик был точной копией бабушкиного, за исключением пластиковых окон и двери оббитой дерьмантином.

Сердце резанула тоска, я скучала по бабушке. На секунду мне поверилось в то, что внутри может находиться она.

Забыв про всякую осторожность, я побежала вперед. Очень быстро и очень радостно, с ярко горящей надеждой во взгляде. Именно так обычно в них и бегут, прямиком в

очень ловко и очень умело расставленные ловушки.

Стоило мне дернуть дверь на себя, я остановилась поняв: избушка чужая. Не было ни стола, ни лавок, печка с мясом вырвана из стены. Кругом запустение, паутина и тлен.

А из угла, сгорбившись, вставала лохматая фигура.

* * *

Не сразу я поняла, что встряла. Первоначально незнакомец неопределенного пола показался мне больше потерянным, чем страшным или опасным.

Только когда лохматое чудо пыльного оттенка сфокусировало на мне безумный взгляд, я осознала, что у меня проблемы.

Разгляди я раньше прикид незнакомца, не подошла бы и близко к избушке. Все в подозрительном типе говорило о глубоком безумии, и это не был безобидный юродивый с деревенской ярмарки.

Скорее, серийный маньяк-потрошитель в широченной рубахе навыпуск, серой и убогой. Хламида свисала с одного плеча, грязного и костлявого, как халат безумного художника, только рукава спадали до пола, закрывая руки. И от этого было еще страшнее, потому что непонятно, что там зажато в ладони – стилет или мастихин?! Но лично я, один раз увидев подобный взгляд, буду бояться и гусиного перышка в руках этого типа.

Я медленно шагнула назад, увы, движение привлекло безумца, и его рассеянный взгляд сфокусировался на мне.

Рот незнакомца растянулся в жабоподобной кривой улыбке, бесспорно, злой и радостной.

– А-а-а-а, гостя с той стороны! – Незнакомец качнулся в мою сторону. Именно качнулся, а не шагнул, можно сказать, его тянуло ко мне, и это было пострашнее Кощеева пламени. Костик вполне себе уравновешенный тип, хоть и злодей, от этого – неизвестно чего ждать, и поэтому еще страшнее.

– Ты-то мне и нужна! – глумливо квакал безумец. – Тебя-то мне необходимо! Проучить выскочку из другого мира! Чтоб больше неповадно было шастать!

Из всего вышесказанного я поняла только одно: ненормальный каким-то образом угадал во мне попаданца из реальности и хочет избить, а то и чего похуже.

Я шарахнулась в сторону. О том, чтобы открыть книгу и поискать заклинания, не было и речи, слишком быстро и виртуозно двигался мохнатый незнакомец.

А вот я внезапно растеряла всю свою ловкость, даже заподозрила, что ненормальный украл ее у меня.

Его шатало и бросало мне наперерез, как пьяного мастера кунг-фу. Я же, спотыкаясь и падая, бегала от него, словно от прокаженного. И падала я на совершенно ровном месте, будто кто невидимый мне подножку ставил. А спотыкалась я и вовсе о воздух!

Игра в кошки-мышки продолжалась некоторое время, по-

ка я, к моему ужасу, не обнаружила, что безумец отрезал меня от входной двери.

В конечном итоге меня загнали в угол.

Так сильно я никогда не боялась. Забившись в щель, я решила, кого же позвать в первую очередь: маму, боженку или Кощея?! Последнего кликать я побаивалась, уж этот ехидный мимокрокодил не преминет вдоволь надсмеяться надо мной и тем глупым положением, в которое я попала, решив переться в лес в одиночку. В общем, перед Кошеем мне было стыдно, и его я оставила на самый крайний случай.

Оставалась одна скатерка. Позвать тряпичную засранку и приказать ей съесть этого чокнутого? Ну если не съесть, то хоть понадкусовать.

С другой стороны, юродивый может быть бешеным. Вон и пена у него на губах, и глаза косят в разные стороны, и двигается он подозрительно... Что будет, если скатерка заразится?! Ведь перекусает пол-леса!

В общем, до того момента, как я окончательно определилась с планом действий, судьба все решила за меня.

– Эй, болезный! – окликнули страшилище сзади. Мы с нововстреченным чудом-юродом дружно замерли.

– Привед, леший! – прогундосил одноглазый урод.

– Подмогнуть маленько? – весело отозвался лесной царь, стоя в дверном проеме. И стоял он так подозрительно небрежно: руки-ноги скрещены, к косяку привалился и ногти на одной руке разглядывает.

– Не мешай, зеленый, вот перебежчика троллю. Мой он весь, пока от него кровавые лохмотья не останутся. – При этих словах я сбледнула с лица. Это что же, до этого только цветочки были, а леший как раз к ягодкам подоспел? – Таких наказывать надо, а то ходють тут и ходють!

– Жертву не отбираю, – успокоил одноглазого леший. – Но ты скажи, любезный, тебе в голову не приходило, что это свои?!

– Свои? СВОИ?! – Гундосый голос маньяка взвился к потолку. – Свои в таких тряпках не хаживают!

– Без вопросов, лихушко. Или, может, лохушко? – Лесной царь отлип от притолоки и направился к... Я сложила два и два и определила сказочного персонажа: одноглазое лихо!

– Ну что еще, леший? Что пристал? Завидно, что ли? Свою жертву найди и над ней издевайся! И уйди, не мозоль глаз. Ты мне прям как гвоздь в з... – Кулак лесного врезался прямо в противоположную упоминаемой часть тела. Нос лихо свернулся набок, зато тылы остались целы. словно кунг-фу мастер, одноглазый кувыркнулся через голову.

– Моя эта Баба-яга, слышишь, а ты иди, лихо, иди куда шел.

– Не похожа на ягу. – Ненормальный маньяк поправлял себе нос. – Здесь одна жила, так вся вышла! – Псих ткнул пальцем в пространство избы.

– Хочешь испробовать ее силу? Я между вами не встану. Только смотри, одноглазый, ты потом бойся в лес войти. Я

тебя впусу, но выпустить не обещаю.

– Фу-ты ну-ты, какие мы грозные! – попятился к выходу рассадник несчастья. – Снюхался с добром, так теперь все можно? Леса тваго вскоре и вовсе не будет, а там посмотрим, чья возьмет!

Последние слова одноглазое лихо выкрикнул на бегу, широко размахивая руками. А после подскочил в очередном акробатическом сальто и, приземляясь то на руки, то на ноги, покотился прочь, мелькая между деревьями.

Я еще какое-то время стояла с открытым ртом, потом, не удержавшись, задала вопрос:

– Что здесь произошло?

– А, ну это мой старый приятель захаживал – лихо одноглазый. Он немножко дикарь и неприветлив...

«Ничего себе неприветлив! Он меня чуть незавспотыкал до крови!» – подумала я.

– Да я не про него. Я про это. – И указала на брошенный, явно баба-ягский домик.

– А, это... Останки, так сказать, – небрежно бросил лесной царь. – Избушка Бабы-яги. Мертвая.

– А лихо... Я имела в виду: что он там делал?

– На останках стервятничал, – легко ответил лесной. – Они вроде как падальщики или паразиты. Присосутся и... – Частью сознания я отметила это «они». Не «он», не «оно», а «их», оказывается, много таких, и на одного я наткнулась. Постаралась прикусить себе язык и не спросить, насколько

их много, чтобы не впасть в панику.

– Когда где-нибудь заводится одноглазое лихо, все вокруг мрут случайным образом. Иногда очень глупо и по-дурацки. Они несчастьем питаются и горем.

Последнее замечание убило меня наповал: что же это получается, они избушки баб-яг жрут? Сначала заражают неудачей и невезением, изводят и изматывают, а потом жрут?! – Я поежилась, осознав, чего избежала, и вспомнила домик.

Та-а-ак. Как только вернусь к своим, тут же посажу избушонка на поводок. Чтобы не шарился по кустам почем зря. Мало ли какую одноглазую каку он там найдет.

– А на тебя почему не действует? – отрешенно спросила я и получила прямой и не замутненный совестью ответ.

– Так я сам злодей, – ухмыльнулся леший во все тридцать два зуба. – Забыла? – Проблемка состояла только в том, что сверкнул лыбой он слишком близко от меня, можно сказать, стоя вплотную.

Та-а-ак. Дело обретало совершенно неприятный оборот: кажется, вместо одноглазого маньяка, насылающего неудачи и невезение, сейчас я получу любвеобильного злодея. Посмотрела в сверкающие глаза лешего и похолодела.

Верните одноглазое лихо!

Леший нависал надо мной с наглой, самодовольно-намекающей улыбкой на губах. Вот-вот лопнет от гордости и бахвальства.

– Тебе не кажется, что за спасение можно и подарить своему рыцарю одно маленькое свиданьице?! – Ну, понеслось! Лучше б я от одноглазого маньяка отбивалась, шансов было бы больше. А так у меня нехилые такие проблемы начинаются. Вот они, ягодки, созрели. Уж если лихо сбежал от лешего, поджавши хвост, то значит зелененький наш не так прост, как кажется, и мне тоже следует делать ноги, только как? Одно спасение: не знающий удержу, как ведьмино помело, баба-ягский язык и женская смекалка. Если уж и они не помогут – быть мне лесной царицей!

– А тебе не кажется, что одно маленькое свиданьице – это слишком много для ситуации, в которой я и сама могла разобрататься? – парировала я выпад лесного царя.

Одна блондинистая бровь иронично изогнулась, как бы намекая: так уж и сама?

Пошевелив мозгами, я внесла встречное предложение, (все-таки я не настолько бессовестная яга):

– Одно маленькое свидание можно устроить исключительно в реальности.

У лешего приподнялась и вторая бровь, а после он, вздохнув, к моему удивлению, согласился:

– В реальности так в реальности. Раздевайся, ложись!

У меня отпала челюсть.

– К-к-куда? – закудахтала я, как кура. Не каждый божий день вам делают подобные предложения, да еще так небрежно и с ленцой в голосе.

– На землю, куда же еще, – оголяясь, разъяснил леший. У меня отпала челюсть при виде кубиков на животе у лесного.

А потом царь стал снимать еще кое-что. Мои глаза округлились еще больше.

Такого поворота я не ожидала.

Но зато облегченно выдохнула.

Раздетый по пояс леший снимал дерн с земли. Да не просто в первом попавшемся месте, а в кругу из поганок, выползшем из-под земли по велению его зеленейшества.

Я помнила: на ту сторону в реальность можно попасть через огонь, воздух, землю и медные трубы.

Трезво рассудив, что бояться мне нечего, это мало подходит на романтишное ухаживание, почерпнутое из «Сумерек» например, я залезла в предложенное. Ну никак мы с лесным не были похожи на Эдварда с Беллой на цветущей поляне. Скорее, на двух свинок в грязи.

Я утопала в жирном влажном черноземе, и леший так же лежал рядом, скрестив ноги в щиколотках.

– Готова?

– Угу. – Меня немножко мучила совесть из-за того, что я так по-свински бросала своих зверей. Но вся эта грязь и положение обязывало. Возможно, когда я освоюсь с магией, то смогу вернуться, а сейчас я надеялась только на одно: что мое желание исполнится любым способом, любой ценой. Здесь все было чуждо мне. Я так хотела домой!

– Только если ты что-то... Смотри у меня! – пригрозила

я на всякий случай.

– Да упаси боже! – мурлыкнул злодей. – Только свидание в реальности.

– Одно маленькое свиданьице, – уточнила я.

– Угу, – согласился леший. – Закрой глаза.

Я поразмышляла, ну не съест же он меня? А вот я его обязательно, если он все это затеял только ради одного несчастного поцелуя. Одним он не отделается. Урою здесь же, дерн убран и земля как раз мягкая.

Чтобы попасть в реальность, я и на поцелуй была готова согласиться, хоть сто, лишь бы подействовало.

Я ждала, зарыв глаза и затаив дыхание, медленно погружаясь в земляную жижу в ведьмином кругу на сырой земле. А леший нависал надо мной. Я уже чувствовала дыхание лесного царя на своем лице.

К радости от того, что так просто могу вернуться в свой мир, примешивалась еще и чувство стыда из-за того, что я бросаю своих зверей, так и не избавив их от загадочного злодея.

Вроде бы я должна была ликовать, только вот чувство дискомфорта все возрастало. И чувствовала я себя неуютно далеко не из-за хлюпающей в подштанниках земли.

Я приоткрыла один глаз, чтобы посмотреть на лешего. Лицо у него было какое-то подозрительное. А еще в нем ни капли не было предвкушения или хотя бы желания меня поцеловать. Вместо этого рожу лесного искажала гримаса боли и

тоски, что уж совершенно не вышло с ситуацией.

Словно он лимона отведал, а не лежит рядом с девушкой.

– Не могу-у-у! – завыл лесной, отпрыгивая от меня, словно я прокаженная.

– Почему? – я вцепилась как клещ, не давая убежать.

«Передумал, что ли, на попятную пошел? Шиш ему, а не приступ трусости! Где это видано, чтобы мужчина женщину боялся? – подумала я и тут же сама себе ответила: – Да повсеместно! Особенно когда у нее в руках скалка или сковородка. Но я-то была, можно сказать, безоружна и опасности, кроме соблазна, не представляла! Так в чем же затык? Если необходимо целоваться, чтобы на ту сторону попасть, я и на это согласна!»

– Не могу, и все! – шел на попятную леший. До меня внезапно дошло.

– Обманул? Чтобы на свидание заманить?!

– Не совсем!

Я приперла несчастного к стенке, вернее к стволу дерева. Все это время я наступала, а царь отступал, отползая назад, и вот дошел до точки соприкосновения. Испугавшись, что леший выкинет какой-нибудь свой древесно-лесной фокус (ну там в ствол дерева вольется и утечет или сквозь землю провалится, гад), в общем, во избежание утечки жертвы я изо всех сил схватила лесного за грудки.

– А ну, выполняй обещанное!

– Нет, просто не могу я! И все! И не проси-и-и! – выл

леший, выл и менялся. – На ту сторону только через огонь, землю, воду и медные трубы попасть можно. Не могу я, не могу тебя в сыру землю положить и закопать! – Пальцы сами собой ослабли и разжались. Я отпустила лесного. До меня еще медленнее, но все-таки доходило, чего я только что избежала. А когда окончательно я осознала, и вовсе похолодела от смертельного страха.

– Это ты что же, гад, убить меня решил?

– Не решил, не решил! – завизжал леший. – Передумал, не смог! – Лицо лесного царя окончательно изменилось полностью, потеряв всякое сходство с голливудскими красавцами. На меня смотрел молодец, не лишенный красоты, но все-таки далекий от суперзвезд. Худой лик, с зелеными веснушками на носу, большие честные глаза с ресничками из травинок и очаровательными годовыми кольцами на подбородке и да, почти голливудскими ямочками на щеках.

– Для нас, лесовиков, земля – что мать родная, – прошептал леший, бегая по мне своими салатовыми глазищами с золотыми искорками, вот их-то леший и не смог изменить в попытке обольстить меня. Они остались прежними. – Мы из нее выходим и в нее возвращаемся, только не так, как вы. Для вас в землю быть закопанным – верная смерть, для нас – жизнь! – Зеленые испуганные глаза смотрели странно. – Если бы я смог... Ты бы со мной на всю жизнь осталась... Взошла бы по весне, – при этих словах мне стало еще страшнее, – выросла и зацвела прекрасной дриадой. А я любил бы

тебя больше жизни. Но я не...

«Не смог...» – вот что хотел сказать леший, осознавая себя слабаком, трусом, и не знаю кем еще. В общем, всем тем, кем воображают себя мужики, когда дали слабину, или кем обзывают себя злодеи, когда невзначай добро сделали».

«Так вот что это такое было, – осенило меня. – Вторая попытка жениться, только по лесным обычаям, – догадалась я, облегченно выдохнула и возблагодарила всех богов за то, что попытка не удалась. Хорошо, что у лесного царя оказалась кишка тонка на убийство. А то было бы совсем кисло».

– Только не рассказывай остальным, что я не смог, – попросил леший, глядя на меня щенячьим взглядом. – Кощей, он... не растерялся бы.

«Знамо дело, не растерялся», – подумала я про себя, понимая, что вместо падения леший странным образом вырос в моих глазах.

– Кощей теперь совсем засмеет, – сокрушался лесной царь.

Это точно. Кощей бы все сделал как надо и глазом бы не повел, на то и морда у него наглая, мимокрокодилистая такая. Не то что у лешего.

Я вторично возблагодарила всех богов за то, что мне так повезло. Лесной царь мне теперь во сто крат милее сделался. Особенно после того, как оказалось, что я чуть богу душу не отдала, погребенная замуж. Ведь на волосок от гибели была. И все из-за своей глупости. Сама слабость проявила, в

реальность, как маленькая, запросилась. И меня же чуть за мои желания не посадили на рассаду.

А самое главное, я окончательно поняла, что не просто так в этом мире очутилась. Призвал он меня, притянул как свою. И не отпустит просто так, пока я порядок здесь не наведу.

И война эта между тьмой и светом, добром и злом – моя.

Если бы я, последняя Баба-яга в изнанке, ушла, битва бы была бы проиграна.

А что бы без меня тогда делали мои друзья? Погибли вслед за мной?!

Единожды поняв это, я легко и просто отпустила реальность. Там меня ничто не ждало: ни друзей, ни дома, ни семьи. Мама не в счет, у нее новый муж и, возможно, вскоре появятся новые дети, в ее жизни нет места для взрослой дочери. Не поэтому ли бабушка оставила мне дом в лесу и землю в сказочной изнанке?

Здесь я обрела почти все – домик, друзей, даже наглуую мимокрокодильскую рожу и романтичного зеленого лешего.

Как-то бабушка сказала: «Где твои мысли, там и твой дом». А думала я все время, даже когда лежа погружалась в сырую землю, только о том, как они все без меня.

– Хорошо, – легко пообещала я лесному, – не скажу. Вставай. Пошли.

– Куда? – удивился леший.

– Так у нас же свидание, – скрестила я руки на груди. – Покажешь, где тут еще что злодеи набедокурили.

Лесной царь радостно вскочил. И это было мое первое, самое приятное свидание за всю жизнь. Без попыток поцеловать или соблазнить, за что я благодарна лешему. Зато с целым морем цветов и самой интересной лекцией в области ботаники, животноводства и лесоводства.

Возвращаясь, я знала про лес почти столько же, сколько неудавшийся лесной злодей.

* * *

– Ты где была? – стоило нам вернуться, накинулся на меня Кощей, разве только подозрительно не обнюхивая своим новоприобретенным чудо-юдиным носом. Уж очень ему не понравилась моя спина, от затылка до копчика измазанная грязью. Предположить пошлое ему не позволил только тот фат, что ни одна женщина не согласится заниматься этим, как свинка в грязи.

Я заметила нюхательные способности Кощея.

«Не-е, попозже расколдую, такая корова нужна самому, – оценила я звериные возможности перевоплощенного. И опять же плечи у него шире стали, недокормленная стать поправилась, любому злодею сто очков вперед даст. – Буду использовать Кощеевское чудо-юдо для выслеживания преступников. Натаскаю его на злодеев и затравлю их Кощеем, клин клином вышибают».

– На свидании, – невинно отозвалась я.

Кощей захлебнулся воздухом и подавился им же.

– С кем? – От рева покачнулись деревья.

– Да вот, мужа себе выбираю... – небрежно бросила коварная я. А что? С Кощеем поведешься, от того и наберешься! – Тоскливо мне, Бабе-яге, одной в изнанке жить. Мужа требуется... – памятуя про хитрый «ПЛАН», с томлением в голосе протянула я. Лисичка так и подпрыгнула на месте, радостно захлопав в ладоши, тут же бросилась развязывать узелок и перебирать там то, что пригодится к свадьбе.

«Ну, рыжая! – про себя подумала я, наблюдая ничем не прикрытое стремление поскорее выпихнуть меня замуж. – Ягой последней буду, а ты у меня первая окольцуешься!»

– Я следующий в очереди на свидание... А в мужья первый! – быстро сориентировалась мимокрокодильская морда.

– Конечно, Кощеюшка, – покорно принимая первую кандидатуру в жертвы, согласилась я, – только надо испытания пройти.

– Какие? – забеспокоился мимокрокодил, памятуя о моем извращенном чувстве юмора и любви к грибочкам.

Я не стала отвечать на такой каверзный вопрос. Все догадались и так. Несколько пар глаз впились в лешего: прошел ли испытания тот или как?

– А я что, я ничто... – пробормотал царь и шмыгнул за медведя. Особенно прожигал взглядом лесного Кощей, и широкий мишка ему был не заслон. Лучи ненависти, как рентген, проходили насквозь и впивались в лесного царя.

– Ну что, идем дальше?

– Куда? – с очередным приступом подозрения впился в меня Костик.

– На экскурсию! – отрезвила я его пыл.

* * *

Мы добрались до долины, расстилавшейся у подножия гор. По пути наткнулись на разоренную деревню, а потом на еще одну и еще...

И чем ближе мы подбирались к железной горе, тем сильнее неистовствовали в этой местности душегубы и разбойники. Практически около самого подножия мы остановились на привал.

Всю дорогу леший с Кощеем нещадно дрались. Пуская в ход все свои подлые злодейские приемчики, то и дело подкладывая друг другу свиней. Был такой у злодеев приемчик – дискредитировать оппонента, подложив тому в постель или в вещмешок розового поросенка. И где они их только брали посреди разоренных деревень?

В конечном итоге злодеюшки сговорились взять меня объединенным напором, когда поросся кончились.

Лесным в отчаянии были предприняты все голливудские способы соблазнения, но вместо желаемого результата он загнал меня в глухую оборону.

Я только обещала избавить лес от злостных лесорубов, а

вот царицей быть наотрез отказывалась, мотивируя это тем, что я уже ношу титул Бабы-яги. Лесной уверял, что яги в прошлом не только царицами были, но и владычицами земными, морскими и небесными. Но все без толку, на меня уговоры и соблазны не действовали. Просто потому, что я знала: вместе с титулом, властью и прочим еще прилагается куча обязанностей и непрекращающийся геморрой, а мне и так все изнаночное зло победить требуется.

Даже Кощей после многочисленных провальных попыток немного приуныл. Он, в отличие от лешего, предлагал не мелочиться и захватить сразу всю изнанку, а не только поля, засаженные пеньками.

На закате мы зашли в разрушенную деревню. Без уговоров петух полетел на разведку и вскоре вернулся ни с чем.

Деревня была пуста, безжизненна, разорена и разрушена.

– И кто смог такое учинить...

– Ясно кто! – клацнул зубами серый волк. – Он!

– Кто?

– Кощей!

Все посмотрели на Костика и дружно сделали шаг от него. Кощей-младший скрестил руки на груди и вызывающе ухмыльнулся, он и не собирался отпираться от своих прегрешений.

– Та не, не тот! Кощей-старший, который батя его, – объяснил Серый. Метящий в первые злодеи изнанки младшенький приуныл.

– А этот так, по мелочи пакостит. – Костик и вовсе сник.

Все призадумались. А и правда, кому под силу такое зло учинить? Только ему!

– Если что, мой батя уже триста лет как в темных подвалах сидит, скованный железными цепями, которые только меч-кладенец разрубить может, без капли живой воды.

Все вновь призадумались.

– Так что не думаю, что это он, – закончил свою мысль Костик.

– А ты что, за столько времени так и не сподобился батьке ковшик живой воды поднести или меч-кладенец раздобыть? – с ехидцей в голосе заметила лисичка.

– Сама бы пошла и добыла, рыжая! Что, слабо? – огрызнулся Кощей-младший. – Если ты не знаешь, живую воду не так-то просто достать. А меч-кладенец и вовсе несуществующая легенда!

– Что же это получается, не батя твой изнанку портит? – не унималась вредная лисица. – Может, не он, а все же ты? Или слабо?

– Если бы... – прошептал Костик.

Все стали готовиться ко сну, про себя думая, кто это такой прыткий портит жизнь в изнанке?

Но ни один не подумал о том, что как минимум не умно устраиваться на ночлег в деревне, из которой в одночасье пропали все жители, не оставив после себя и капли крови.

Ночью меня разбудил обиженный бубнеж, очень знакомый голос, только слов не разобрать. Я попыталась вновь заснуть, но не смогла.

Так как поток жалоб не прекращался, мне пришлось встать посреди ночи. И спросонья перетяся на двор утешать жалобщика. В принципе, я подозревала, кто это был в ночи.

Незавидная, можно сказать – обидная доля в изнанке, тем более для злодея. Переступив через спящих зверей, я вышла из избы, по ходу раздумывая над возможностью расколдовать часть морда-юды. Ну, например, рога убрать и шерсть с лица. Насчет копыт я решила еще подумать, все-таки вещь полезная.

Как и подозревала, хныкал обиженный Кощей. Только делал он это почему-то стоя на четвереньках в свете луны. Совершенно без одежды и даже без клочка шерсти, способного прикрыть срам.

Я замерла в недоумении, не понимая, что происходит.

А с колен уже поднимался первый злодей изнанки. Неживое пламя взметнулось вокруг расколдованного, облачая того в наряд ночи.

Черная косоворотка со змеиным узором по вороту, отливающая серебром в свете луны. Широкий, расшитый черепами пояс, сапоги до колен, в одной руке неизвестно отку-

да взявшийся колдовской посох с кристаллом, а во второй – моя магическая книга и обязательный атрибут любого злодея – черный плащ за плечами.

Короче, цвет мрака шел к его черным волосам и даже наглою морду не портил своей блеклостью, а только подчеркивал благородную бледность наглорыля.

Не знаю, от чего больше сперло дыхание – от возмущения, что нагло и без спроса юзают мою собственность, перешедшую по наследству, или от того, что мимокрокодил свою родную смазливую рожу себе вернул.

– Яддушка? – ласково мурлыкнул злодей, и такие гармоника заиграли в этом коротком слове, что я тут же осознала несколько вещей: первое – плакала моя могущественная боевая «корова», судя по волшебной книге у нее в руке, она сама расколдовалась. Во-вторых, передо мной стояло воплощение всего поперечно-вредного, несговорчивого, наглого и злодейского, что есть в изнанке, то есть Кошей-младший собственной персоной, очень свободный от трансформационных заклинаний и очень злой.

У меня образовался вопрос: как мимокрокодил заполучил книгу?

Пошарив взглядом вокруг, я обнаружила тугой узел скатерти-саможранки на ножках. Из многократно вязанного и перевязанного кокона торчали цыплячи ножки моего избушонка, стреноженные распущенной бахромой. Где-то посередине торчали еще четыре лапки лысого ежика, намертво

примотанного скатертью-саможранкой к моему домику. Я осмотрела сооружение – ни конца ни края.

Постарался гад, затягивая, вспотел, наверно, морские узлы вывязывая. Это он, когда моих друзей пеленал, так громко жаловался.

Как он их только сумел выманить на улицу?

А первый злодей изнанки, вернувший себе внешность и силу, пристально смотрел на меня.

Становилось очевидно третье: у злодеюшки ко мне тоже куча вопросов образовалась.

Плакал мой экскурсовод. А еще становилось ясно: без такой мощной магической поддержки в железные горы нечего и соваться.

И как я без помощи полезу выяснять, кто здесь пакостит и изнанку извести хочет? Получается, весь поход зря?

– Верни мою книгу! – я тщетно попыталась качать права. Все без толку, инициатива перешла к злодею.

Кощей демонстративно на моих глазах захлопнул книгу. Подчиняясь хозяину, та уменьшилась до размеров записной, и злодей засунул ее в карман.

– Захочешь – сама возьмешь.

Я смотрела на прорезь в темной ткани, где исчез мой сборник заклинаний. Мне легче было сунуть руку в нору со змеей, чем в карман к Кощею. Мало ли что я там найду? У злодеев извращенное чувство юмора!

Собранный вещмешок с пожитками навел меня на мысль.

– Ты уходишь? Ты ведь нас не бросаешь? Мы же с тобой договорились – свидание... экскурсия... реальность...

Кощей невозмутимо забросил мешок на плечи.

– То есть ты нас действительно бросаешь? – Я поняла, что он уходит. Теперь, когда он получил то, что ему было необходимо, я ему больше не нужна. Мне нечего предложить взамен его помощи.

– Бросаю? – Злодей шагнул ко мне, выражение лица испугало меня. Оно было слишком добрым. – Да что ты, я тебя никогда не брошу! – Радостная злодейская улыбка исказила губы Кощей, самоиронично так, горько. – С собой возьму, – припечатал он ухмыляясь.

И вроде бы это были правильные слова, только они как-то фальшиво звучали, искусственно, не так, как надо. К тому же возникал вопрос: куда возьмет?

– Значит, мы договорились? Ты остаешься?

– С кем это ты договорилась? Со злодеем? – Кощей нагло ухмылялся, а вот моя робкая улыбка сползла с лица. Надо мной смеялись. Кощей и не собирался оставаться с нами и переходить на светлую сторону. От осознания, что меня предали, по щеке покатила слеза. А самое главное, злодей смотрел серьезно, без всякого выражения лица, изучая мою реакцию. От пристального взгляда стало совсем страшно. Когда тишина показалась совершенно невыносима, Кощей заговорил.

– Какие же все-таки грязные приемы у добра – шантаж,

подкуп. Это ты решила, что договорилась, так тебе было удобней манипулировать. Я предпочитаю устраиваться самостоятельно. Травоядного из меня хотела сделать? А я не такой милый мальчик, как ты думаешь. Я хищник, я злодей. И своих повадок не меняю в угоду наглým девчонкам из реальности! – Кощей наступал. Я, пораженная отповедью в самое сердце, даже забыла отступать от приближающегося злодея, вернувшего себе силу и власть. – Не бросать тебя? Ну так вот, я тебя бросать не собираюсь и насмешки терпеть тоже! Равно как и быть вторым номером!

Прежде чем я успела понять, в чем дело, я оказалась в объятиях злодея, а моя голова – на его согнутом локте.

Вихрь красок озарил ночь.словно яростный фейерверк взорвался в моей голове, взмыв к самой макушке. А прогрев, он опал стайкой порхающих бабочек в животе.

– Что ты делаешь? – прошептала я, чуть не теряя сознание от поцелуя.

– Как что, ягодка моя ядовитая... – Кощей дрожал не меньше меня, только это была не дрожь страха, а трепет возбуждения. – Краду ягу. – Я почувствовала наглые ладони, схватившие меня под мышки и оторвавшие от земли.

Где-то наверху закричал жареный петух, трубя тревогу. Разбуженные воплями кочета звери с криками выбегали из дома.

Я, сидя на руках у Кощей, плотно прижатая к его телу, не могла ни вырваться, ни обернуться. Ладонь лежала на за-

тылке, прижимая голову к шее злодейского вора.

Последнее, что я помню, – всполохи потустороннего огня и злобный вопль лисицы: «Предатель! А мы ему доверяли!»

* * *

Очнулась я в полной тишине. Мы были на противоположном склоне горы, луна светила с другой стороны, а я пребывала на плече Кощея. Звуки битвы сюда не долетали, мы были далеко от разоренной деревни. Но я отчетливо помнила, что до того, как шум портала поглотил все, слышала сигнальный крик петуха, предупреждающий о нападении.

Сотни вопросов тут же пришли в голову. Кто напал? Как, где? Справятся ли мои друзья без меня? Поможет ли леший моим друзьям или тоже предаст, как Кощей, погубив их? В итоге вся злость и растерянность свелись к одному короткому:

– Куда? – злобно спросила я у беспечно насвистывающего Кощея. Он еще и веселился, гад! Шествует прогулочным шагом, небрежно пиная траву своими начищенными сапогами жучинового цвета.

– В реальность!

– Не хочу! – отрезала я, во мне включился поперечный режим. Правда, моего мнения никто не спрашивал и не обращал внимания на вопли и попытки вырваться или поколотить злодея. Кощей как шел вперед, так и продолжил свое

воровское дело, даже не сбившись с ритма. Ох и разъялся этот гад на наших харчах, да к тому же еще подпитанный магией из книги! Ему теперь все нипочем, терминатор нервно курит в сторонке!

«Да что же это такое?! – возмутилась я. – Как только решила остаться в изнанке, меня без спросу хватают и тащат в реальность! В этом мире справедливость есть?!»

Я схватилась за ветку, тормознув злодея. Когда тот покачнулся, изо всех сил вцепилась в ствол дерева, с четким планом обвитья вокруг него лозой и ни шагу с места.

Вот когда быгодились навыки лешего слиться с деревом, прилипнуть к нему!

Кощей несколько раз безуспешно дернул меня, пытаюсь оторвать от ствола, который я обняла руками и ногами.

Яддушкой буду, но не дам наглому злодею утащить меня от моих друзей!

– Да что же это такое, раньше ты о ней только и говорила?! А как дело дошло до, так ты на попятную?! – Ладонь злодея засветилась. Свистнуло потусторонне пламя на манер лазера, насквозь разрезая древесину выше меня, вцепившейся в ствол, и ниже. От неожиданности я отпустила отпиленное бревно. Макушка дерева рухнула позади нас.

– О ком? – не доперла я.

– Об экскурс-с-си-и-и! – злобно зашипел Кощей, перекидывая меня через плечо.

– Я передумала!

– Поздно! – сказал как отрезал.

– Никогда не поздно! – Я вцепилась в волосы Кощею, с намерением впиться еще куда-нибудь, например, зубами в наглые руки. И, о чудо, сработало! Злодей споткнулся и полетел вниз.

Я уже летела к земле и свободе, радостно расставив руки в разные стороны, как меня перехватили в полете.

Приземлилась я, увы, мягко на первого злодея изнанки и тут же опять очутилась в его руках и на руках, и вообще на нем, опять в неволе.

Мы оба посмотрели на лежащее в траве.

Труп, медленно шевелящийся, будто побег, вырастал из-под земли, разрывая дерн.

Мы с Кошеем, не сговариваясь, скользнули глазами дальше. Весь склон усеивали бугры. Слышался треск разрываемой земли. Шелест травы.

К моему удивлению, злодей, не пошатнувшись, вскочил прямо со мной на руках, да так резко, что меня серьезно потрянуло. Что же это такое опасное, заставившее столь проворно взвиться Кощея?

Это были они, родимые, грибочки, лезущие из-под земли, по крайней мере, вначале мне так показалось. Пока я не рассмотрела жуткие багровые лица в струпьях бледной слезшей кожи, действительно похожие на мухоморы.

– Что это? – шепотом спросила я у Кощея.

– Драконьи зубы! Мы попали в ловушку! Кто-то понаты-

кал их по всему склону! – Меня поставили на землю и задвинули за спину.

– А что, экскурсия в реальность отменяется? – съехидничала я.

Кощей стрельнул в меня взглядом, обернувшись через плечо, зло так, недовольно, а уголок губ кривится от улыбки, вот чудно.

Я только не поняла, чего в нем было больше – восхищения тем, что я с визгом не бегу прочь, или ненависти из-за моей душевной стойкости, которая всякому богатырю лестна будет?

– Ну ты ведь хотела сначала на изнанку посмотреть? Вот она, любуйся! – Теперь заулыбалась я, и уже не так страшно стало от этого недовольного тона с издевкой и подначкой, но не лишённого успокоительной нотки.

Восставшие зомбовоины учуяли нас и двинулись в нашу сторону. Бодренько так двинулись, отметила я про себя.

– Спина к спине! – Мне сунули в руки посох с нехилым таким набалдашником из фиолетового кристалла. Ну как же, у злодеев и у петухов необходимо сразу показать, кто тут первый маг на деревне.

– Ки-й-я-я! – А вот и боевой вопль. Резко выброшенная нога злодея снесла голову восставшему мертвецу. Примерно так орет покойный петух моей бабушки.

– И-й-Я-Я-Я! – Очередной кочан капусты в шлеме полетел в траву. Так и хотелось завопить в ответ Кощею: «Да ты,

ты круче! Только убери это от меня!» Я изо всех сил тыкала кривой деревяшкой в то, что выросло из драконьих зубов.

Посох почему-то не работал.

Где-то по ту стороны горы громыкнуло и полыхнуло зеленым. Леший моих друзей добывает? Или друзья лешего? Или конец всем? Там тоже были драконьи зубы посеяны?

– Да что же это такое?

– Знамо дело, если их в землю посадить, из каждого зуба взойдет по одному убитому драконом воину.

– П-почему? – заикаясь от страха, спросила я, уж больно страшно кривлялись лица новорожденных зомбаков. А отбиваться мне было нечем, разве только шарахнуть по балде нехилым набалдашником на посохе, проверяя, что прочнее: голова восставшего или кристалл. Но что-то мне подсказывало: если на любимой бирюльке Кощея появится хоть трещинка – он будет в ярости. Поэтому я просто держала драгоценную игрушку взрослого злодея.

– Ну как же, – пустился в объяснения Костик, попутно разбирая на части нападающих. – Глупые рыцари дракону на один зуб, на тот, ядовитый который. Вот они, на него наколовшись и подцепив бешенство или драконью чумку, помирают, а в слюне помимо заразы заговор есть на то, что воины эти теперь дракону служат и сами не свои до драки! Эти хитрые подлюки-змеюки их используют, чтобы сокровища свои сторожить...

Я долго и упорно, практически на пальцах считала два и

два и наконец-то сложила:

– Это означает, что здесь где-то рядом змеи?

– Ах-га... – подтвердил Кощей, отбиваясь. – Логово Горынычей, не иначе.

Я подавилась собственным воплем и оттого получился только придушенный писк.

С волшебной книгой в руках я была бы героем, а сейчас праздновала труса, поджилки тряслись и инстинкт самосохранения вопил во все горло, того и гляди сама запою в голос. Из-за этого постыдного чувства я так глупо и позорно вцепилась в Кощея. Надо отдать должное злодею – он, как и обещал, меня не бросил. Я его понимала: такая корова нужна самому.

Только вот зомбовоины подбирались все ближе.

Черт с ней, с бирюлькой, жизнь дороже. Какая разница, кто тебя замочит – Кощей или зомби?

Размахнувшись, я треснула ближайшему. Прежде чем я снесла зомбаку голову, за спиной послышалась: «Ай!»

Я обернулась посмотреть, не обернулся ли Кощей, чтобы увидеть, как он действительно оборачивается, медленно так, держась за затылок.

Отнял у меня игрушку, видимо, чтобы не поранилась, передернул сбоку затвор у древка и сунул обратно в руки. Меня швырнуло на спину Кощею, зато яркий сноп пламени испепелил спешащего ко мне зомби. Я получила еще один неодобрительно-снисходительный взгляд, и больше на меня

не обращали внимания.

– У-у-уо! – завывла я от удовольствия, играя в стрелялочку. – Вот это по мне! – И не так страшно, хотя с книгой и толпой друзей вокруг было бы куда лучше.

И как это злодей не побоялся дать мне в руки такое оружие? Стоило задуматься об этом, как тут же я получила ответ на свой вопрос: фиолетовый кристалл потух. Во-первых, в бирюльке оказалось мало энергии. Во-вторых, злодей был уверен – я не ударю ему в спину, не потому что представительница добра, а тупо по той причине, что не захочу очутиться наедине с живчиками.

У Кощея тоже заканчивалась магия, он тяжело дышал. Вокруг нас валялись пазлы из восставших под названием «собери сам». Зомби и пытались этим заниматься, усиленно дрались за лучшие конечности и приличные носы. Как я заметила, каждый зомбак старался урвать себе нос покрупнее, что-то это да означало.

А впереди из-под земли выбирались все новые и новые конструкторы.

– Дёру! – скомандовал злодей, схватил меня за руки, и мы понеслись, а потом и полетели. Кувырком с горы. Дело в том, что сначала посох с нехилым таким набалдашником запутался в моих ногах, а потом и в Кошчевых. Ну, а в следующий миг мы все трое пошли на посадку: я, злодей и посох. Дальше продвигались исключительно по принципу одноголазого лиха, только глаз у нас было больше, и они были

выпучены от страха.

Последние километры мы пробежали по склону, радостно смеясь и держась за руки, а сзади за нами катились головы и прочие части тел расчлененных зомбаков. Но в конце концов мы споткнулись и покатались по траве, благо это был обычный дерн, поросший тимофеевкой и луговым клевером, он не пучился пиками шлемов и острыми железяками, и погибшими рыцарями. И на том спасибо.

Затормозили мы аккуратно у подножия горы, там, где склон был пологий.

– Ну а теперь, когда мы оторвались от зомбаков, руки в ноги и бегом! Обойдем по кругу и как раз попадем в тылы деревеньки, где заночевали. Поможем нашим.

– А чей-то ты раскомандовалась? – стряхивая с плаща траву, поинтересовался злодей.

– Как что? – возмутилась я, все еще тяжело дыша от бега. – Мы в безопасности, пора бы и другим помочь!

Вновь эта противная наглая и всезнающая улыбочка искривила губы Кощея. Каждый раз, как я ее видела, мне так и хотелось впиться зубами в эти его... губы. Вот как сильно он меня бесил.

– Со мной ни одна девица не может быть в безопасности, ты что, забыла – я злодей!

– Ой, да ладно! Ты же мне помог.

– Я себе помог, Яддушка. Как можно быть такой наивной!

Черт, опять он за старое, а я уж поверила, что он изме-

нился. Как же сильно он любит облапошивать людей! Только ему поверишь, и на тебе, очередная гадость!

– Ты опять свалить собрался?

– Не опять, а снова, – огрызнулся недовольный злодей, – и ты со мной, я же обещал, что не брошу.

Гр-р! Так он меня с собой за компанию тащил, что ли? В одиночестве скучно?

– Пожалуйста, останься, прошу тебя! Помоги нам, ведь ты не хуже нас понимаешь, что, если все так и оставить, изнанке конец!

Не знаю, о чем я его больше просила и зачем, но мне во что бы то не стало хотелось, чтобы я в нем ошиблась и Кощей не был таким уж заядлым гадом. Я даже молилась про себя: пусть это все бравада и глупая шутка, пусть это он так из шалости или упрямства делает. Я так отчаянно надеялась, что он не такой, каким кажется! Ведь было же в нем доброе, было! Не могла я так обмануться!

– Я остаться не могу, – деловито подтвердил свою гадость Костик, – так же как и ты. У нас экскурсия, ты забыла? Ох, Яддушка, ты не только наивна, но еще и глупа! – Вот же тварь мимокрокодилская!

– Что? Нет, я остаюсь, я приняла решение и не пойду с тобой! – Не для того ли, чтобы помочь, я попала в этот мир?

– Решение? Что ж, и я тоже принял. – Кощей как ни в чем не бывало оторвал меня от земли. Подхватил под мышку, развернулся и понес.

– Как ты можешь! Ты... ты... ТЫ! – не могла я подобрать достаточно оскорбительный эпитет для этой наглой и беспардонной морды.

– Злодей, Яддушка, – подсказал мне слово Кощей. – И не стесняйся говорить это вслух.

– Я верила тебе, надеялась, а ты... У-у-у-у! – Гаже было то, что Кощей не собирался тащить меня молча, он еще и разглагольствовал вышагивая.

– Ну, прям музыка для моих ушей! Всякому злодею лестно, когда его ценят, – изгалялся гад. – Знаешь, очень многие на меня надеялись и многим я не оправдал доверия. Начиная с родного батьки и кончая всеми, кого когда-либо встречал. Вот я и подумал: пусть хоть кто-то мной гордится. Стану самым злодейским злодеем в изнанке, чтобы от моей злобы даже папеньке тошно стало. Так что не стесняйся, изливай душу, не держи все в себе! Расскажи мне о своем разочаровании во мне, с превеликим удовольствием послушаю!

По ходу мимокрокодильская мразь издевалась. Причем так изощренно и со вкусом.

Я же про себя решила, что никогда больше не буду доверять!

Висела и рассуждала я. Хватит, дважды на одну и ту же граблю – это слишком! А то Кощей действительно прав окажется.

Далеко идти не пришлось, точнехонько до первой расщелины, злодей даже не вспотел, таща меня.

Рядом с провалом в земле Кощей и открыл портал. Я предприняла героическую попытку отобрать книгу и даже цапнула злодея за палец, но, увы, воспользовавшись сборником, он вернул книгу на прежнее место. Я смотрела на прорезь в ткани, как кролик на удава, вдруг и правда оттуда что-нибудь это такое выскочит.

– Ну вот, дорогая моя Яддушка! Смотри, твоя любимая реальность, вали, милая, и никогда больше не возвращайся!

Я захлебнулась от наглости.

– Сам вали! – я чуть не толкнула Кощея в портал. – Ой, стой! А как же экскурсия по изнанке? А как же поиск суперзлодея? Мои друзья, в конце концов!

– Ты совершенно не понимаешь! Вали в свою реальность! Изнанка – это не твоя забота, сам разберись!

– Как это не моя?! – возмутилась я. – Баба-яга или как?

– Как! – ответил на риторический вопрос злодей. – Сопливая девчонка, вот ты кто! И поэтому... Проваливай! – Порыв шторма отбросил меня к порталу.

– Мне надо со злодеем разобраться! – Меня натурально засасывало в портал.

– Я сказал – сам!

– Я помогу! – Ноги уже затянуло в реальность.

– Вроде не маленький, справлюсь. – Кощей поднапрягся, выдавая в ураганный шквал всю мощь.

– Злодей со злодеем, как же!

– Кверху каком! – был ответ, и именно в такой позе я и

полетела в портал.

Как ни старалась, справиться с ветром я не могла, меня опрокинуло напрямиком в открытую дыру. Я повисла на кончиках пальцев.

– Ты просто хочешь избавиться от последней Бабы-яги в изнанке!

– Угадала! – со злодея сходило семь потов, но я тоже была упорной и разве только зубами не цеплялась.

– Чтобы самому потом стать главным злодеем!

– Спасибо за подсказку, сам не додумался! Так и сделаю!

– Как ты можешь так со мной поступать? – цепляясь за край, завопила я.

– Как ты можешь не понимать, что это для твоего же блага! – Кощеевская морда наступила мне на пальцы.

«Гад!» – только и успела подумать я, проваливаясь в портал.

* * *

Висеть над пропастью совсем не так приятно, как кажется некоторым. Внизу подо мной был родной город, стопроцентная реальность, а я цеплялась за перила балкона какой-то новостройки.

В моем мире уже была зима, только холода я не чувствовала. Я парила над пропастью, закипая от ярости. До меня медленно доходило, что Кощей ловко обманул меня.

Висела, кипела и думала.

– Как он вообще мог так со мной поступить? Злодей, одним словом. Только и я не лыком шита. Избавиться захотел, ага, как же!

Слишком много «сказочно интересного» было в моем прошлом, а настоящее спрашивало «Зачем?» и «На фиг тебе это надо?». Брось его и забудь про сказку. Живи в реальности, ходи на свидания. Отвоюй внимание матери, место под солнцем в новой семье, даже если придется истрепать нервы родным и разрушить брак единственного оставшегося родного человека. Ты достойна быть в центре внимания! Только это были не мои мысли и не то, чего я хотела на самом деле. Мечтала я о другом. Не о чужой семье, а о собственной, и о том, на кого всегда можно положиться. Короче, мне и того и другого, и если можно – без брака.

Я долго думала, зависая над пропастью и дрыгая ножками, а потом включила русское «авось» и «как-нибудь» и святое «потому что»! И сразу стало легче.

– ПОТОМУ ЧТО я сама решу, что мое благо, а что нет! – И я одним мощным рывком подтянулась, забросив ногу обратно в изнанку.

– Потому что некая гадская морда решила спасти изнанку в одиночку! И потому что я не дам ему погубить себя! – Еще немного, и я протиснулась в узкую дыру закрывающегося портала. – Ишь чего выдумал – без Бабы-яги справится! Собственноручно ему шею сверну на сторону, так что он

назад все время смотреть будет!

Я встала и отряхнулась. Вокруг не было никого, одни мертвецкие запчасти вяло шевелились в траве. Уходя, Кощей зачистил местность.

– А еще потому, что нельзя быть красивым таким! И наглым, и мимокрокодилистым, и спасать попаданок и сказочные миры налево и направо. Ты, в конце концов, Костик, злодей или как? – Вот именно! Как! Как он мог так со мной поступить? Я же пропущу все самое интересное!

Подъем на гору в состоянии неудержимой ярости дался мне легко и просто. Когда тебя подгоняет злость на наглую мимокрокодилскую рожу, совершенно ничего вокруг не замечаешь. Как геккон, карабкаешься на отвесные скалы, перепрыгиваешь бездонные провалы, совершенно не умея плавать, переходишь горные реки, аккуратно по речному дну, вылезаете на четвереньках на другой берег и, отплевываясь, летишь дальше к самой желанной цели: съездить побольнее по наглой гадской моське, вдруг вздумавшей решать все за тебя.

Первый раз из сил я выбилась возле деревни, из которой так беспардонно похитил меня Кощей.

Присев на завалинку и тяжело дыша, я осматривалась. Здесь явно был последний бой. Но целым мало что осталось, только разрушенные избы торчали из нововыросших зарослей, да там и тут не попадал торчали молодые березки, дубы и сосенки. Явно постарался леший.

Уже традиционные суповые наборы драконьих стражей валялись по углам, медленно оплетаемые плющом. Трава во всей деревне стояла по пояс. Молодец все-таки леший.

Но ни его самого, ни моего домика, ни друзей, к своему облегчению, я не нашла и их запчастей тоже. Равно как и ни клочка ткани от скатерти-саможранки, бревнышка от своего избушонка или кучерявой иголки от ежика. Мои друзья будто испарились или ушли, судя по примятой траве. По крайней мере, я так надеялась. Не мог же Кощей настолько оборзеть, чтобы и их в реальность выбросить? Как же они там без меня? Пропадут ведь!

Тем не менее кто-то тяжелый, приминая траву, ушел вверх по склону к Темному замку главного злодея, и мне ничего не оставалось, кроме как взять след, словно сыщик-ищейка, и пойти в том же направлении.

Второй раз я выдохлась уже у начала горных кряжей. Железная гора с замком наверху нависала надо мной черным знаком укора.

С той стороны горы вверх карабкалась широкая, изъезженная каретами дорога, по которой я не отважилась идти. Здесь же с тылов только сотня мелких тропок бежит вверх и огромные пещеры дырявят склон.

Вот интересно, эта дыра может вести во дворец Кощей-старшего? Наверняка там внутри какие-нибудь потайные ворота спрятаны, через которые злодей рассылает орды своих приспешников воровать печи и захватывать мир.

Когда стражи невзначай откроют ворота, я могла бы тайком проникнуть внутрь, а то мочи нет вверх по отвесному склону карабкаться!

Но склон казался пустым и безжизненным, лишенным всякого злодейского заговора.

Только во тьме пещеры что-то шевелилось.

– Хс-с-с-с-с!!! – угрожающе послышалось из мрака.

Я тут же осознала, что навряд ли приспешники Главзлада могут издавать такие змееподобные звуки, но в меня уже летело что-то меленькое и острое. Не успела я отмахнуться, как это что-то ударило меня в лоб, отскочило и упало на землю.

Я, ошарашенная, так и осталась сидеть на камушке, вернее – на воздухе над ним. Ибо от шока привстала, да так и замерла в скрюченном состоянии.

На моих глазах из пещеры бочком-бочком выползло нечто.

– Ты кто? – выпучила я глаза. Передо мной стояло существо в запачканном на коленках сарафане, о трех головах на длинных шеях и со свекольным румянцем во все щеки. Три головы венчали кокошники, с шей свисали явно мамины бусы.

– Ша, погди! – Странная зеленая чешуйчатая тварь полезла себе в рот. – Вот шеш гадштво, не полушатся!

– И не надо! – быстро попыталась я отговорить от всякого действия чешуйчатое существо. – Э... милая... – проблеяла я, потому что это вроде бы была женская особь. – Тебя как

зовут?

– Маленькая Мерзость, – улыбнулось чудовище. Водяной, пираньи и все виденные до этого сказочные существа во главе с акулой нервно закурили в сторонке. Столько зубов за раз для всякого будет слишком много, пожалуй, и для Кошечки тоже.

– Это тебя так родители называли?

– Дя... – ответило чудовище. – Мама хотела назвать Маленькой Мерзостью, а бабушка настаивала на семейном имени.

Я секунду подумала...

– И как в конце концов назвали?

– Маленькая Мерзость – Маленькая Дрянь.

– Очень красиво. Сильна воля свекрови в вашем семействе. Хорошо, что я решила никогда замуж не выходить.

– Почему?! – Я что, последнюю фразу вслух сказала?

Я проигнорировала вопрос ребенка, схватив за шиворот за неимением ушей.

– Ну ладно, меня другое интересует, кто тебя учил во взрослых тетя бросаться? Это что такое?! – поднесла я зуб, что меня в лоб треснул, к носу змеюки и чуть ли не потыкала.

– Молочный щубик, вчера выпал, – ответил детенок. А у меня теперь после посещения изнанки первостатейные знания в области математики прорезались, два и два я складываю на раз.

– Та-а-ак, ясно. А те, что были вон там, на склоне? – Ма-

ленькая тварь, соображая, посмотрела в сторону места, где мы с Кощеем мертвяков гоняли.

– А, эти... Эт мой дедушка вставную челюсть потерял.

Я посмотрела на размеры пещер, сравнила с Маленькой Мерзостью. И с надеждой в голосе на то, что дома никого нет, спросила:

– А дедушка дома?

– Не-а, я его, почитай, лет сто уж не видела. Говорят, он на пенсии.

Я счастливо выдохнула.

– А родители? Дома?

– Не-а. Они ушли. Только я тебе не скажу об этом. Я вообще не должна разговаривать с незнакомцами, когда одна дома. – И мелкая поганка полезла в рот вырывать зубик.

– Меня-зовут-Лада-Калинина-очень-приятно-познакомиться! Я-Баба-яга! – отгаторила я. – Как хорошо, что мы теперь знакомы!

Трехголовая змеюка оставила в покое «шубик» и сделала книксен. Дракониий зуб, упав на землю, превратился в крохотного мышонка и пошел в наступление на мою ногу. Вообще молочные «шубики» из этой поганки сыпались, как желуди с дуба. Только превращались в один смех. Мыши, таракашки, жучки, мелкие ящерки и змейки. Та еще рать.

Я совсем уж расслабилась.

– Ой, ты... – спохватилась Маленькая Мерзость. – Ты погоди, не убегай, у меня еще есть. Вот с этой стороны качает-

ся.

И маленькая мерзость улыбнулась во все свои две тысячи кусалок. Зубы у змеюки росли в три ряда.

– Что еще?

– Как что? – Маленькая Мерзость опять усиленно раскачивала молочный клык, специально выбрав побольше. – Ты же добрая, мы тебя сейчас победим. Нам такая прислуга не помешает. Мамы давно нет, а я не знаю, как готовить, полгода не ела. – При этих словах я вздрогнула. – И вообще я слишком маленькая, чтобы оставаться в пещере одной и с огнем играть! Мне родители всегда запрещали. – Я возблагодарила разумных родичей: правильно, драконье пламя – детям не игрушка! Ребенок усиленно пыхтел, выбивая себе зуб камешком.

И тут я осознала: еще чуть-чуть, и брошенное родителями чадо закидает меня молочными зубами. И не дай бог один вонзится в кожу. Быть мне тогда зомби-нянкой вот этой маленькой прелести.

– Слушай, а давай без члено- и зубовредительства?

– Как это? – почти выудив зуб, спросило старательное чадо.

– Ну, мирным путем.

– Эт как? – Зуб почти вышел.

– Методом игры. Ты считаешь до миллиона, а я прячусь, если найдешь меня, то победила! – Маленькая Мерзость задумалась на минутку.

– А дальше?

– А дальше моя очередь считать, а твоя прятаться.

– Ну ла-адно... – неохотно согласилось давно не кормленное чадо и, закрыв глаза, начало считать: – Один, два, три, четыре...

Да простят меня боги! Я вскачь понеслась по горной тропинке вверх. Хорошо, я не видела, как спустя пару дней Маленькая Мерзость досчитала-таки до миллиона и, плюхнувшись животом на землю, принухиваясь, поползла по моему следу. Увидь я подобное, срочно начала бы эволюционировать и отрастила бы крылья, чтобы улететь подальше.

* * *

И вот Темный замок передо мной, вернее – я перед ним как на ладони. Ползала меж камней, а внутрь пробраться не могла, и теперь опять зависла.

Вся моя жизнь превратилась в зависание над пропастью и даже не просто пропастью (у той где-нибудь да дно найдется), а над самой что ни на есть безнадежной, бездонной бездной, полной отчаяния!

Друзей я потеряла, Кошечка не догнала, волшебную книгу у меня отобрали, да еще и в оплот зла пробраться не могу!

Я висела на карнизе. Единственное место, куда я смогла от страха вскарабкаться, стоило мне увидеть вышагивающую вокруг замка стражу. Окна принадлежали явно непарадным

помещениям. Грубо выдолбленные в породе дыры, кое-как укрепленные крошащейся кладкой.

Но внутри происходило что-то очень интересное.

Из оконного проема ничего нельзя было услышать, долетали лишь обрывки фраз. Чтобы понять, что к чему, я подтянулась повыше и выглянула из-за каменного подоконника. Моему скошенному глазу предстала пренеприятная картина.

Темный зал, выполненный в каменно-варварском стиле. Кругом цепи со сводчатых потолков свисают, замшелая кладка водой сочится да плесенью обрастает. Местами необработанная горная порода из стен торчит, и кругом живность бегают – крысы, мокрицы, жучки-паучки.

А посередине всего этого на стене огромное зеркало висит, да не обычное, а в виде отполированного железного диска, по которому горная вода стекает.

И в этом зеркале седой дедок отражается. И не молча в зеркальной глади торчит, а сотрясая своими воплями своды каменного мешка.

– Вот что, Костиан, долго ты тянул с самым важным. Хватить баклуши бить и в бирюльки играть, я внуков хочу! Чтобы славный род злодеев не прервался. – Можно было и не гадать, кто в зеркальце отсвечивает. Перекрученный цепями, вмороженный в лед. С первого взгляда становилось понятно, что это он собственной персоной, из подземелий вещает – Кощей-старший. – Как хочешь, так ищи жену и найди, скажем, в трехмесячный срок! Не обнаружишь... – Ко-

щей-старший сделал эффектную паузу. – Сам тебе выберу по своему вкусу!

– Право, многоуважаемый, будто они прячутся где, невесты ваши! – вперед выступила рыжая лисица.

К моему облегчению, я опознала фигуры, топтавшиеся перед зеркалом. Здесь были все мои звери, разряженные в пух и прах.

Я быстро сообразила – гастробируют сообразительные мои! Ну держитесь, железные горы! К моему великому неудовольствию, здесь же стоял и сам Кощей-младший, а в зеркале эт, значит, его батя отсвечивает.

– Стоит весточку кинуть по всем царствам, – продолжала Патрикеевна, – мигом прибегут толпы незамужних девиц, а потом мы из достойных и выберем невестушку, не сомневайтесь. Все честь по чести сделаем, из нас лучшие устроители. Отбор невест – превосходное средство любимого наследничка женить и самую лучшую невесту найти. Уж мы для вас расстараяемся, каждую барышню встретим в наилучшем виде. Вы только прикажите нам. Подумать о свадьбе не успеете, как невестки уже тут как тут, в окна лезу-у-у-ут! – Я, подгоняемая вышагивающими внизу стражами, перевалилась через подоконник под истошный вой льстивой лисы.

Ну не было больше моих сил над пропастью висеть! Здесь Кощей женят, а я все самое интересное пропускаю. Нет уж, если мстить за то, что он меня в реальность натурально швырнул, так уж по полной, на всю катушку! Да и дела у

меня здесь, в железных горах, во дворце Кощея-старшего небольшие остались. Злодея – погубителя изнанки найти и по баба-ягски воздать ему.

– Ты кто? – спросил старший, постукивая пальцами по куску льда.

– Так это я... – задыхаясь от скалолазания, стала объясняться. Это... невеста я. На отбор, – выдала я последнее услышанное, перед тем как чуть не сорвалась в пропасть.

Что, где и как – я не очень поняла, но посчитала нужным не растеряться и первой застолбить место в очередь на порчу крови мимокрокодилу. А потом уж, когда Кощей-младший весь мой будет, я с него три шкуры спущу. За все должок отдам – и за реальность, и за «заботу», и за наглость решать все за меня, Бабу-ягу!

– А вы откуда, многоуважаемая? – вежливо поинтересовался Главзлыд из зеркала.

– Я на отбор невест, представительница из реальности! – не растерявшись, вошла в роль я. Сама же уже присматривалась к Костику, с какой стороны начать ему кровь портить и нервы трепать?

Интересно, а у них кандидаткам в жены дают сковородку? Хотя бы такую маленькую для жульена или соуса, мне и небольшая сгодится?! Кажется, я была на Кощея настолько зла, что готова уделать его вусмерть и чайной ложкой.

– От как! – подивился Кощей-старший. – А ты, лиса, оказывается, права была. Только задумался о том, чтобы сыну

сплавить, и вот она – первая кандидатка! Ладненько. – Замершая во льду рука указала пальцем на медведя. – А ты? – Похоже, здесь шел разбор полетов и моих зверей допрашивали на предмет пребывания во вверенном Главзлыдню дворце.

– Я на отбор невест... – пробасил медведь, бегая глазками из стороны в сторону, словно вор, пойманный на горячем. Поскольку ум – не самая сильная сторона богатыря, мишка просто повторил за мной.

Кощей-старший потерял дар речи. Недоуменная пауза затягивалась, как петля на шее моих друзей, инкогнито под видом гастролеров проникших во дворец злодеев.

– Он это... представитель от медведей, – не вовремя распустил свой длинный собачий язык Серый волк.

– Так он же мужчина? – загремел старшой злодей.

– Мы представители угнетаемого меньшинства, исповедуем свободную любовь! Я вот представитель от лесных волков! Это свободный мир, мы право имеем!

Ох и много гадостей Серый нахватался у нас в реальности, стыдно аж за наш мир.

Кощей-младший перекрестился от таких невестушек и тут же поморщился.

Лиса чуть не умерла со смеху: закрыв рот лапами, она в истерике билась об пол.

– В конечном итоге, – продолжал отжигать волк, – где один сын, там и двое...

– Та-а-ак... – протянул ошарашенный Главгад. – Стольких отпрысков я не выдержу.

– Бать, так ведь ты почти бессмертный, – подкольноул младший своего батю. Ну что ж, вредность Костика понять можно, хоть какая-то месть за навязывание невест, да еще каких!

– Вот именно – почти! Если один из них выиграет отбор, я сам себя убью.

– Не получится, бать...

– Но хоть попытаюсь! – ворчливо огрызнулся старик.

– Мы имеем право, мы представители! – хором отозвались волк с медведем, опасаясь, что их сейчас прогонят взащей, без всяких гастролей.

Лиса, похоже, кончалась от смеха.

– А вы? – строго спросил Кощей-старший, глядя на еле живую лису, домик, прикидывающийся сундуком на ножках (у него по бокам даже торчали очаровательные кольца-ручки), скатерть-саможранку, изображавшую из себя расписанный загогулинами ковер-самолет, и лысого ежика, который, похоже, был хлебушком, то бишь колобком, судя по горелой спине и золотистым бочкам.

– Свита первой кандида-ик! – тки! И всех последующих! Устроители мы празднеств, гастрوليруем в железных горах. Вот пришли к вам отбор невест делать, – ухохатываясь, с земли ответила рыжая, переодетая под цыганку. Эта вертихвостка кого хочешь уболтает и вокруг пальца семь раз об-

ведет. – А это помощники мои. Мамки-няньки, швеи и кухарки. Ну и эти, по постельным делам.

Лица Кощеев вытянулись. Видно, не один Костик в реальности с русалками и кикиморами отжигал.

– В смысле – постельничие, – поправилась лиса. – В светелке убираем – все к рукам прибираем, стираем-готовим, жарим-парим, мылим-тырим. Насовсем.

Кощей-старший поковырялся в ухе мизинцем. Не одному ему померещилось, что рыжая стебется.

– И все сами? – не поверил Кощей.

– У нас чудо-ларец есть! – отсмеявшись, с дергающимся глазом и уголком рта поднялась с пола лиса.

– А ну-ка, все из ларца, страшные с лица! Встаньте предо мной, как вор перед казной!

На моих глазах из домика, который сундук, полезли алкогольные белочки. Это они от самого леса в моей избушке прятались?

– Вот приданое первой претендентки, самые верные слуги, вернее не найти во всей изнанке! Все умеют, все добудут, все смогут!

– За Яг... – Лиса показала белкам кулак. – За претендентку! Ура-а-а-а!

Стойкое облако перегара распространилось по каменному мешку.

– Богатая невеста, – пробормотал старшой, стирая слезу с глаза. И попытался хлопнуть в ладоши и потереть ими, но

не дотянулся, помешали лед с цепями.

Я ликовала, все устроилось лучше некуда: во дворец пробрались и официально в нем закрепились! Какие же у меня зверята умники, и белки тоже не подкачали. Теперь только на плацдарме закрепиться, отбор пройти и разбросать агентурную сеть. И злодей, что мутит воду в изнанке, у нас в кармане!

Радовалась я недолго, до той минуты, пока не ощутила на себе взгляд, да не простой взгляд, а ВЗГЛЯД!

Кощей-младший смотрел на меня, как язвенник на редьку, с тихой, глухонемой ненавистью в глазах.

– Значит, не ушла в реальность? – словно змея, прошипел он.

– Как же я могла свадьбу твою пропустить?! – Моему наглому, широкому оскалу могли позавидовать акулы с крокодилами, вместе взятые. Вся моя вызывающая поза вопила: «Вот тебе, Костик, съешь это и подавись!»

– Что ж, ты сама напросилась. Теперь ты обречена стать моей женой, Яддушка!

– Так и порешим! – Кощей-старший поднял скованные руки к потолку каземата и прокричал на весь мир, и этот зов отразился в каждом водоеме, каждой луже, каждой капле воды в изнанке.

– Кощей-старший сына женит! СВАДЕБНОМ ОТБОРУ БЫТЬ!!!

КОНЕЦ.

10 апреля 2020 г.

*****

Не забывайте добавлять автора в избранное, чтобы отслеживать поступления новинок. Розыгрыши призов, промокоды на бесплатное чтение, скидки и прочее.

По вопросам сотрудничества обращаться на е-майл:
bastas777@narod.ru

Найти все книги авторов вы можете, набрав в поисковике имена:

Витамина Мятная, Джоан Мур.

Или на страничках авторов в контакте:

https://vk.com/vitamina_mint

<https://vk.com/joannemoor>

АУДИОВЕРСИИ КНИГ ТОЛЬКО НА САЙТЕ ЛИТРЕС

БИБЛИОГРАФИЯ.

Серия книг «ВЕДЬМА»

(книги про ведьм, любовь, магию)

«Ведьма» (2017 г.) Книга 1.

(есть бумажная версия книги) (сетевая публикация)

(есть аудио версия книги)

«Темная ведьма. Тропа войны» (2017 г.) Книга 2.

(есть бумажная версия книги) (сетевая публикация)

(есть аудио версия книги)

«Отбор демона, или тринадцатая ведьма» (2018 г.)

(есть бумажная версия книги) (сетевая публикация)

(есть аудио версия книги)

Серия книг «МЕРТВАЯ АКАДЕМИЯ»

«Мертвая академия» (2017 г.) Книга 1.

(есть бумажная версия книги) (сетевая публикация)

(есть аудио версия книги)

«Живая академия» (2017 г.) Книга 2.

(есть бумажная версия книги) (сетевая публикация)

(есть аудио версия книги)

Серия книг «ВОЙНЫ РОЗ»

(приключения героини Баст)

«ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ»

«Плен и свобода» (2017 г.) Книга 1.

(сетевая публикация) (есть аудио версия книги)

«Бои без правил» (2018 г.) Бонус 1.

(сетевая публикация) (есть аудио версия книги)

«Змеиное гнездо» (2018 г.) Книга 2.

(сетевая публикация) (есть аудио версия книги)

Серия книг «ПЕСНЬ КРОВИ»

(вампиры)

«Кровавый блюз» (2018 г.)

(есть бумажная версия книги) (сетевая публикация)

(есть аудио версия книги)

Серия книг «НАШИ В СКАЗКЕ»

«Яддушка для злодея, или нельзя (влю)убить Кощея» (2020 г.)

(сетевая публикация)

(В СОАВТОРСТВЕ С JOANNE MOOR)

«Жена для злодея, или нельзя (влю)убить Кощея»
(2020 г.)

(сетевая публикация)

(В СОАВТОРСТВЕ С JOANNE MOOR)

Серия книг «ДРАКОНЬЕРЫ»

«Драконы Корнуолла, принеси мне шкуру любимого тирана»

(2020 г.) *(сетевая публикация)*

(В СОАВТОРСТВЕ С JOANNE MOOR)

ВНЕ СЕРИИ:

«На краю пылающего рая» (2018 г.)

(сетевая публикация) (есть аудио версия книги) (есть бумажная версия книги)

«НЛЮ» – наглый любвеобильный объект» (2019 г.)

Книга 1.

*(сетевая публикация) (есть бумажная версия книги)
(есть аудио версия книги)*

«Воровка для палача» (2019 г.) Бонус.

(сетевая публикация) (есть аудио версия книги) (есть бумажная версия книги)

«НЛЮ» – надежда любовь одиночество» (2019 г.)

Книга 2.

(сетевая публикация) (есть бумажная версия книги)

«Отбор сокровища у Нагга» (2019 г.)

(сетевая публикация) (есть бумажная версия книги)

«Непокорная, будешь моей!» (2020 г.)

(сетевая публикация) (есть бумажная версия книги)

«Убийца для воровки» (2020 г.) Бонус.